

Леянова 3. С.

Путешествие по
череповецким
адресам поэта Николая
Рубцова

Сборник адресов, фотодокументов, воспоминаний о поэте

Череповец
2013

Меланова Э.С.

автор-составитель

СБОРНИК АДРЕСОВ, ФОТОДОКУМЕНТОВ, ВОСПОМИНАНИЙ О ПОЭТЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ

по череповецким адресам поэта
Николая Рубцова

Прекрасный русский поэт Николай Рубцов бывал в Череповце не однажды. Сюда он приезжал к сестре Галине, к друзьям и знакомым. Привозил свои стихи в редакции череповецких городских газет. Выступал на

череповецкой студии телевидения и на встречах с читателями (во Дворце культуры строителей, на металлургическом заводе, на судоремонтно-судостроительном заводе). Отсюда отправился вместе с вологодскими поэтами в поездку по Волго-Балту.

Давайте мысленно совершим путешествие по нашему городу, узнаем, где именно бывал Рубцов, с кем встречался.

Впервые в Череповец Николай Рубцов приехал шестнадцатилетним подростком, разыскав свою сестру Галину. Было это в 1952 году.

1. Приехал он на поезде. Следовательно, первым в списке «Череповецких адресов Николая Рубцова» надо обозначить железнодорожный вокзал.

Железнодорожный вокзал в 60-е годы XX века
(фото Юрия Михайловича Воронова)

К сожалению, с череповецким железнодорожным вокзалом у Николая Рубцова связан неприятный эпизод.

Вот что об этом написал в своих воспоминаниях журналист Михаил Котов:

«Однажды, когда я уже работал в «Красном Севере», встретил Рубцова, был разгар лета, и он был побрит «налысо». Спрашиваю: «Коля, чего ты так постригся?» Но он только рукой махнул. Потом мне его друзья рассказали. Тогда было заведено: всем выпускникам литинститута надо было опубликоваться один-два раза в «Литературной газете». Ему позвонили из редакции и попросили написать что-нибудь о Череповце, какое-то эссе. Он приехал в этот город, на вокзале зашёл в буфет, заказал себе 100 граммов (чего, не знаю), а может, ничего не заказал, просто воды выпил. Вид у него всегда был «не от мира сего», а тут наша зоркая милиция: ага, бродяга! Приволокли в «участок» и начали стричь – тогда такая система была. Парикмахер делает своё дело, а милиционер меж тем документы из кармана достаёт: удостоверение члена Союза писателей, командировочное удостоверение «Лит. газеты». Парикмахер заохала: «Извините, Николай Михайлович, Вас нельзя стричь». Он отвечал: «Да уж стригите, зато бесплатно». Взял тут же обратный билет и уехал в Вологду. Задание «ЛГ» не выполнил, сказал им, что заболел».

2. Галина Михайловна Рубцова (12.11.1928 – 19.03.2009), сестра Николая Рубцова, в 1952 году работала на строительстве металлургического завода и жила в общежитии на улице **Вологодской, 1.**

Женское общежитие на ул. Вологодской, 1, где неделю жил шестнадцатилетний Николай Рубцов у своей сестры Галины

Из воспоминаний Галины Михайловны Шведовой (Рубцовой), записанных 10 февраля 1996 года:

«Коля, когда ему было шестнадцать лет, приезжал ко мне, в женское общежитие. Ему разрешили жить неделю, а больше было нельзя. Девочки говорили ему: хоть ты, Коля, и хороший мальчик, и весёлый, а нельзя больше жить. Тут же девочки живут».

На прощание она купила брату новые ботинки (его старая обувь совсем разорвалась).

3. Второй раз Николай навестил сестру в 1969 году. Она была замужем за А.М. Шведовым. Вместе воспитывали родного сына Александра Михайловича – Сергея, которого Галина Михайловна усыновила. Семья жила по адресу: **Московский проспект, 44, кв. 62.**

В этот доме, где жила семья Г.М. Шведовой (Рубцовой),
гостил в 1969 году Николай Рубцов

Из воспоминаний Галины Михайловны:

«Уже много позднее приезжал он в эту квартиру, где сейчас живём, с мужем моим познакомиться. Здесь он был только один раз.

В 1969 г. приезжал Коля сюда в Череповец, жил у нас четыре дня перед Новым годом».

Воспоминания Г.М. Шведовой (Рубцовой)

Родился Коля в Архангельской области в селе Емецкое 3 января 1936 года. Мне было тогда шесть лет (на 3 января 1936 года Галине исполнилось семь лет – Л.З.), я стояла у окна и помню, как маму привезли с ребёнком на машине.

Папа нёс Колю на руках, а мама шла рядом. Мальчик был черноглазый, всем соседям понравился, и все брали его с рук на руки. Он мало плакал и всё больше спал. Глаза его были как звёзды.

Семья наша была большая: пятеро детей и папа с мамой, всего, значит, семь человек.

Самая старшая сестра была Надя – 1924 года рождения, я (Галина) – 1928 г., Алик – 1932 г., Коля – 1936 г., Боря – 1937 г.

Папа был внешне очень интересный мужчина: чернобровый, черноглазый, с кудрявой шевелюрой. Кончил партийную школу, не один раз на курсах повышения был. Он ведь всего окончил два класса, а работал начальником ОРСа. Не один раз ездил в дом отдыха, в санаторий.

У мамы были тёмные глаза, волосы русые. Она не была такой худенькой, как я и Коля, но была она хорошей, приглядной женщиной, невысокого роста. Для меня лучше её и нет.

Портрет мамы нашей я потеряла. У нас даже её маленькой фотографии нет. В музеях везде фотографии папы.

И отец, и мать очень любили петь, причём мама чаще подпевала отцу. Папа часто пел под гармошку. Он очень любил песни петь и рассказывал много анекдотов. Анекдоты были шуточные, но не вульгарные. Папа был развитой человек, а мама скромнее была. Трижды избирали отца секретарём партийной организации. Маме он не разрешал ходить в церковь, а мама была очень верующая. У них из-за этого часто скандалы возникали, но мама всё равно ходила.

Раньше запрещалось в церковь ходить, и у нас никто из детей некрещёный, кроме меня. Я, когда прислуживала у церковных людей, Наместниковых, вот они меня и окрестили. У моей хозяйки муж был архиерей, вот они меня и окрестили.

Папа был настолько ярый коммунист, что всех детей, когда исполняли «Интернационал», выстраивал в ряд, а сам честь отдавал.

Меня всё заставлял петь «Ехали казаки», «Златые горы» (мама эту песню очень любила).

В 1938 году его посадили в тюрьму, но осудили несправедливо. Пришёл оттуда зелёный, просидев одиннадцать месяцев.

В Емецком мы жили в большом двухэтажном доме, а наша квартира была на втором этаже.

Вскоре папу перевели работать в Няндому, в ОРС леспромхоза. Там у нас была хорошая квартира.

Семья наша всё время была в разъездах, на одном месте мало жили. Его направят в один ОРС, наладит дело, всё хорошо, вдруг опять вызывают, опять назначают в другой ОРС; вот с такой оравой папа и ездил всё время. Помню, один раз мороз сильный был. У Коли одни глаза сверкали: мы всё лицо ему закрыли, чтобы не обморозить.

Маме нашей очень трудно было: папа всё время был в разъездах, и она всегда одна с нами была. Ещё нами, детьми, занималась бабушка Раиса, папина мама. Часто сказки нам рассказывала, особенно много рассказывала наизусть пушкинских сказок.

С раннего детства – Пушкин, только Пушкин. Бабушка Рая так любила Пушкина! Из всех детей больше всех пушкинские стихи помнил Коля.

Шло время, дети подрастали, Коля – тоже, он был красивым мальчиком.

Папу же опять перевели на новое место работы – в Вологду. Квартиры не было, и мы временно поселились у папиной сестры Нюры. Затем жили в Прилуках, это в шести километрах от Вологды. Позднее приехала и сама хозяйка этого дома, который она нам сдавала.

В 1940 г. умерла старшая сестра Надя.

А в 1941 г. началась Отечественная война, жить нашей семье было негде. Пустила нас к себе жить папина секретарь по работе. Квартира находилась на улице Ворошилова, дом 10, на первом этаже. Жили вместе с хозяйкой.

До 1942 г. у папы была бронь, а в этом году его отправили на фронт. Мы остались с мамой, она не работала, была домашней хозяйкой.

В том же 1942 году родилась девочка, её называли Надей в честь старшей сестры. Квартира была сырая, холодная. Маме стало плохо, когда отца взяли в армию (у неё был порок сердца). Её увезли в больницу, и она вскоре умерла. Случилось это летом (26 июня 1942 года – Л.З.).

Умерла после мамы и маленькая Надя. Накануне она сильно плакала, плакала всю ночь, и тётя Соня (папина сестра) держала её на руках. Что с ней, никто не мог сказать. Ей было семь месяцев, а она выглядела трёхмесячной. Раньше ей давали молоко, которое брали на молочной кухне, и кашу, она с удовольствием всё это кушала. Теперь же ничего в рот не брала, а всё плакала и плакала. Я вызвала врача. Доктор и говорит: «У неё зубки режутся, вот она и плачет». К утру Наденька стала затихать. Я думала, что она уснула, и укрыла её. Взяла её на руки, а она опять сильнее заплакала, так у меня на руках и умерла. И у неё, такой малютки, получился разрыв сердца. Слабенькая была. Потом утром тётя Соня приходит и говорит, что хочет её в Дом малютки отнести. А я говорю, что сестрёнка-то умерла. «А ты не заспала её?» – спрашивает тётя Соня. «Ты что, тётя Соня, как я могла её заспать, если и спать-то не ложилась. Она у меня на руках и умерла».

Очень трудно, конечно, всё вспоминать, как вновь пережить всё это?

После смерти матери детям пытались помочь – приходили из горкома партии, горкома комсомола.

Алика и Борю решили отправить в детдом, а Коле не хотелось туда идти. Он сказал мне: «Галя, а можно вместе куда-нибудь?». Я говорю, что только к тёте Соне, а у тёти Сони (папиной сестры) у самой пятеро детей было.

Тётя Соня сказала: «Галя, я тебя возьму, а Колю мне уже некуда». Я ответила, что в детдом Коле не хочется. Это уж потом он, конечно, согласился, понял, что деваться нам некуда.

Алика и Борю отправили, а мы с Колей пока остались в этой квартире на ул. Ворошилова.

Целыми днями Коля играл на улице. Очень любил пускать по воде кораблики бумажные, копался в земле, копал лопаткой канавки в снегу, чтобы вода уходила от дома.

Мы все, дворовые дети, любили играть в лапту, в «десять палочек», в «телефон». В общем, играли во все детские игры. Но жили очень трудно. Жили на то, что давали по карточкам, а это триста граммов хлеба на человека на один талон. Часто голодали. Выкупим хлеб за три дня, а потом ничего нет. Коля, однако, не унывал. Однажды выкупили хлеб за два дня, положили его в шкафчик и ушли по своим делам, а когда вернулись, буханки хлеба на месте не оказалось. Хозяйка сказала: «Тут Коля бегал, он и взял». Я говорю, что Коля никогда так не делал. Мы всегда разрежем хлеб, разделим поровну и скушаем. Коля обиделся и убежал. И нет, и нет. Рядом девочка жила, тоже в школу ходила, Зитой звали. Я ей говорю: «Зита, ведь у нас Коля-то пропал». «Да ты что? Пойди в милицию заяви». Сходили в милицию, заявили, милиция стала искать. Искали мы его три дня. Через неделю он сам пришёл, зубы чёрные-чёрные. Я спрашиваю: «Коля, где ты был?». Он и говорит: «Я в лесу был и нашёл такую ёлку, что даже дождь не промочит. И я там под этой ёлкой сочинил стихи». Никто не мешал, он был один. Вот эти стихи.

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселье и в тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу,

Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило
Большое несчастье –
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают
Братишки родные.
Остались мы двое с сестрой,
Но вот ещё лето
Прожил в своём доме,
Поехал я тоже в детдом.
Прощай, моя дорогая сестрёнка,
Прощай, не грусти и не плачь.
В детдоме я вырасту,
Выучусь скоро,
И встретимся скоро опять.
Счастливой, весёлой
Заживём с тобой жизнью,
Покинем эти края,
Уедем подальше
От этого дома,
Не будем о нём вспоминать.

Вот такие стихи он сочинил в детстве.

Одно время его хотела усыновить женщина-соседка, всё говорила, что «больно уж мальчик-то хороший, глаза-то как звёзды». «Отдайте мне его», - просила она. Я ответила: «Ведь он не игрушка, как его отдать?». «Ну, я усыновляю его». Потом она вдруг передумала, решила, что хулиганистый. Я, конечно, заступилась: «Вот именно, что не хулиганистый, хороший мальчик».

Но что поделаешь? Мне было двенадцать лет (тринадцать лет – Л.З.), и меня к себе взяла тётя Соня, ведь у неё и своих детей было пятеро. В общем, хотели мы с Колей быть вместе, но ничего не получилось.

Пришлось Коле уехать в детдом. Проводили мы его. Он жил сначала в Красковском детском доме, а потом его перевели в Николу. И мне, и Коле пришлось плохо – голодали.

Осталась я у тёти Сони. Училась я так: приду из школы, сяду писать, а один за юбку тянет, другой написанное размазывает. Опять пишу. Кончила я шесть классов, в седьмом недоучилась: экзамены не досидела, значит, седьмой не считается.

Потом начались и леспромхоз, и стройка, а заработки были очень маленькие.

Здесь, в Череповце, жила в общежитии по ул. Вологодской, д.1.

Коля, когда ему было шестнадцать лет, приезжал ко мне, в женское общежитие. Ему разрешили жить неделю, а больше было нельзя. Девочки говорили ему: «Хоть ты, Коля, и хороший мальчик, и весёлый, а нельзя больше жить. Тут же девочки живут».

Уже много позднее приезжал он в эту квартиру, где сейчас живём, с мужем моим познакомиться. Здесь он был только один раз.

В 1969 г. приезжал Коля сюда в Череповец, жил у нас четыре дня перед Новым годом.

Приезжал он в Череповец и на телевидение, но тогда он к нам не пришёл, а ночевал у Виктора Коротаева. Мать у Виктора была жива, я к ним приходила, но Коля уже уехал. Он очень доволен был его матерью, потому что была она добрая, уважительная, относилась к нему как родная.

Вспоминаю прожитую жизнь, и всё чаще «вижу» маленького Колю; все у нас в семье петь любили, Алик и Боря и пели, и на гармошке играли. Алика часто приглашали на танцы (девочки танцевали, а он играл). Один только Коля стихи сочинял. У него это легко получалось.

Раз, два, три,
Гитара моя, звени.
Про жизнь мою плохую,
Мне хлеба не дают,
А я всё не унываю
Да песенки пою.

Больше всего он любил шуточные песни. Любимая его песенка в детстве такая:

Шла машина из Тамбова,
На пути котёнок спал.
Говорит коту машина:
-Проходи, то растопчу,
Э-э-э ха-ха, говорит, что растопчу.
Тут проехала машина,
Отдав котёнку хвост.
И котёнок (хвост под мышку)
И машину догонять.
Повалил машину на бок
И давай её цапать.

Позднее он пел и многие современные песни. Голос у него был тихий, спокойный. Я бы сейчас так и послушала его стихи. Как в Вологде услышала его стихи по радио, меня так всю и перевернуло.

Колю мне очень жаль, потому что он тоже очень несчастный человек. Ему, конечно, много помог детский дом, а я была совсем беспризорная, сама себе предоставлена была.

Пока у тёти Сони (в Вологде) жила, в огороде копалась, с детьми водилась, полы мыла. Было мне тогда двенадцать-тринадцать лет.

А петь я всю жизнь любила, еле отстала. Стираю – пою, мою – пою. В смотрах самодеятельности участвовала, пела сольно, в хоре не упевалась. Чаще всего пела одна или дуэтом, это было, когда на стройке в Вологде работала, а работать пошла с пятнадцати лет. Поработать пришлось везде и всюду: сначала в лесхозе, потом в химлесхозе, хотя было и не под силу.

А потом взяли меня в деревню в клубе работать. Была я малограмотная, меня подучили, дали избу-читальню. В деревне была четырёхклассная школа, но не было учителя пения. Я хорошо детей учила. На смотре художественной самодеятельности они исполняли «Бухенвальдский набат» без музыкального сопровождения. Было это в Белозерске, и мои дети заняли I место. Жила я тогда в Шольском районе, в деревне Сотого. Потом отправили на двухгодичные курсы в Кириллов и дали клуб с большой библиотекой (центральная). Стала проводить тематические вечера, устные журналы, выпускала стенгазету. Было это в тридцати километрах от Белозерска в деревне Артюшино. Мне там нравилось. В деревне была восьмилетняя школа, выступали не только дети, но и учителя. Мне они очень хорошо помогали, оформляли лозунги.

Когда работала здесь (в Череповце), когда была построена первая домна, познакомилась я с Александром Михайловичем (Шведовым). Он был техник-строитель. Говорит мне: «Такая черноглазая и так хлещет кувалдой по клину». Года два жили, а потом не поладили, и я уехала. Десять лет не жили вместе, а потом опять сошлись. Он женатым был, у него два мальчика было.

С Колей мы чаще всего встречались в Вологде, у тёти Сони.

Приехали мы с ним однажды в Вологду, а он и говорит: «Одевай своё бархатное платье, пойдём в ресторан» (это когда он уже поэтом стал, ему гонорар дали). «Не смотри, – говорит, – на цену, а давай кушай, что выберешь». Ресторан был рядом с рынком, не помню, как он назывался.

В Вологде очень долго жила тётя Соня, она была очень добрая женщина. У папы было семь сестёр, а дяди у нас нет; у мамы же никого не было, она была одна у родителей.

С Аликом и Борей нас жизнь рано разлучила. Алик сначала был в Красковском детском доме, а потом с мачехой (Михаил Андрианович женился второй раз – Л.З.). Ему не понравилось, и он уехал. А Борю из Краскова привезли к нам, так как отец живой. Боря всё время жаловался. Приезжала тётя Шура (сестра отца – Л.З.) и увезла его в Мурманск. Теперь тёти Шуры уже нет в живых, и дальнейшая судьба Бори неизвестна. Алик был женат (у меня была его фотография, но я отдала её В.С. Белкову). Жил он долго в Ленинграде, и Коля был у него в гостях. Когда Алик уехал из Ленинграда, не знаю. Что произошло, тоже не знаю. Больше ни слуху, ни духу ни от Бори, ни от Алика.

О смерти Коли сообщила тётя Соня телеграммой. Мы с мужем вместе ездили на похороны.

У меня часто спрашивают про аленький цветочек. На самом деле был цветок, Коля его сам вырастил, только потом его затопило, и Коля расстроился. Я этот цветок хорошо помню, очень красивый был.

Вот всё кратко о его биографии.

10 февраля 1996 года.

Сестра Николая, Галина Михайловна Шведова (Рубцова)

Этими воспоминаниями Галина Михайловна поделилась на встрече с детьми в Череповецком Дворце пионеров 10 февраля 1996 года. Встречу организовала Надежда Леонидовна Деревягина, руководившая секцией литературного краеведения научного общества учащихся при Дворце пионеров.

Рассказ Галины Михайловны Шведовой записала на магнитофон школьница, Оксана Дёмина

Позднее Оксана перевела этот рассказ на бумагу.

Впервые воспоминания были опубликованы в газете «Речь», в приложении «Встреча в четверг», № 150 (19354). 8 августа 1996 года.

Участники встречи с Г.М. Шведовой во Дворце пионеров 10 февраля 1996 года
(фото Оксаны Дёминой)

Встреча Галине Михайловне очень понравилась. Особенно понравилось, с каким вниманием слушали её рассказ дети и как они потом выступали перед ней со своими стихами и песнями.

Надежда Леонидовна попросила Галину Михайловну записать свои воспоминания на бумаге. И в тот же день воспоминания были написаны!

Воспоминание

1

о Колье Рубцова, детство.

Родился Коль в Архангельской области, село Вешнее дом двухэтажный.

У нас была квартира на втором этаже. Мне было шесть лет. Я помню маму привезли на машинке.

Папа нес Колье домой, а мама шла рядом. Я стояла у окна все смотрела. Коль родился 1936 года 3 января. Помню гермаздой такой мальчик, всем соседям понравился. Его брали с рук на руки. Он мало плакал все больше спал. Вскоре маму перевели работать в Нандома оре лесхоза.

Там у нас была хорошая квартира. Семья пятеро детей и папа с мамой всего третий

7 человек. Сестра Надя 1924 года

2

Гыла наша старшая, я 1928г.

Алик 1932 года Борз 1934 ~~самый~~

самый младший. Это время

Коль рос красивым мальчиком.

Папу опять перевели по партийной работе в Вологда. Квартиры не было. Мы поселились временно у тети Нюры у папиной сестры.

Затем жили в Прилуках в кие,

от Вологда. Далее приехала

хозяйка этого дома в котором

мы жили в Прилуках. Она

сдавала дом нам на пользование.

Затем началась отечественная

война. Квартиры почти не было.

У нас уехала жить папина

секретарь по работе. В 1941 году

папа был на фронте. Жили мы

Вершинкова 10 на первом этаже.⁵
Вместе с хозяйкой. В 1942 году
матушку взяли на войну. Мы остались
с мамой, мама не работала была
домашняя хозяйка. В 1942 году
родилась внучка Надя. Наде
было 7 месяцев она умерла в
этом 1942 году. Мама все
болела. Квартира была сырая,
вскоре мама умерла. Мы остались
одни. Очень трудно конечно все
вспоминать как вновь пережить
все это. Коля любил пускаться
по воде бумажной корабль,
Копал лопаткой ружейку, чтобы
вода убежала от дома. Мы
все уворовали даже игрушки
в лачугу 10 копеек. Также
игрушки темирки. Вообще все

и

детские игры. Приходилось трудно
конечно. Были карточки давали
хлеба 300 гр. на троих. Также
совсем голодали. Выкупили хлеб
за 3 руб., а потом ничего и Коля
в таких условиях не уживал.
Это еще было все до дедушки.
Братик Алик и Тарас уехали в
дедушку. Коля хотела усыновить
соседка потом передумала. Он
поехал один позвонил он хотел
остаться. Но было невозможно
мне было всего 12 лет. Меня к
себе взяла тетя Соня. У нее
своих детей было пятеро. Вообще
хотели быть вместе, но ничего
не получилось так получилась наша
жизнь. Коля жил в детском
доме, а я у тети Соны.

5
Время шло Коля когда
было 16 лет он приехал в Терновку
в женское общежитие на ул.
Вологодская 1. Ему разрешили
жить рядом с большим мезом.
Потом мы с Колей переехали
у тети Соны. Развитие
жизни у нас с Колей было
разное. 1969 году Коля приехал
сюда в Терновку к нам жить.
4 дня у нас перед новым годом.
Еще приехал на телевидение
тогда он к нам не пришел.
Ночевал у Виктора Коротаева.
Мать была у Виктора жива.
Я к ним приходила, но Коля
уже уехал. Он очень был
доволен его матерью. Очень
добрая уважительная как

6
совсем родная. У нас была
добрая тетя Соня. Она помогла
Коле и мне. Я как приеду в
Вологду там и Коля. О смерти
Коли сообщила тетя Соня
телеграммой. Мы с мужем
вместе едем на похороны.
Вот все кратко о ее биографии.

сестра Николай Шведова
(Рубцова)

10/II. 1996 года.

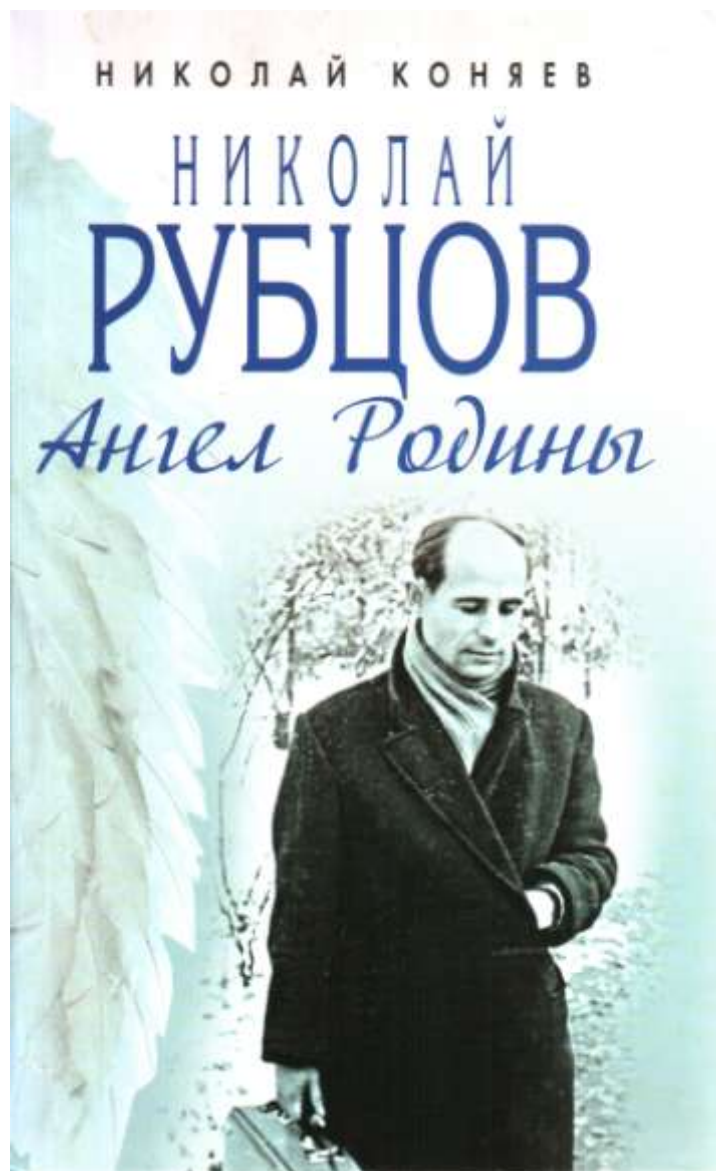
Законченная
записка по поводу рождения
Николаева (Коротаева) в те годы
руководителями были
прудного саведения ЮОУ или
Авторы Николаев и Николаев

Галина Михайловна не раз сокрушалась о том, что не сохранилось маминой фотографии.

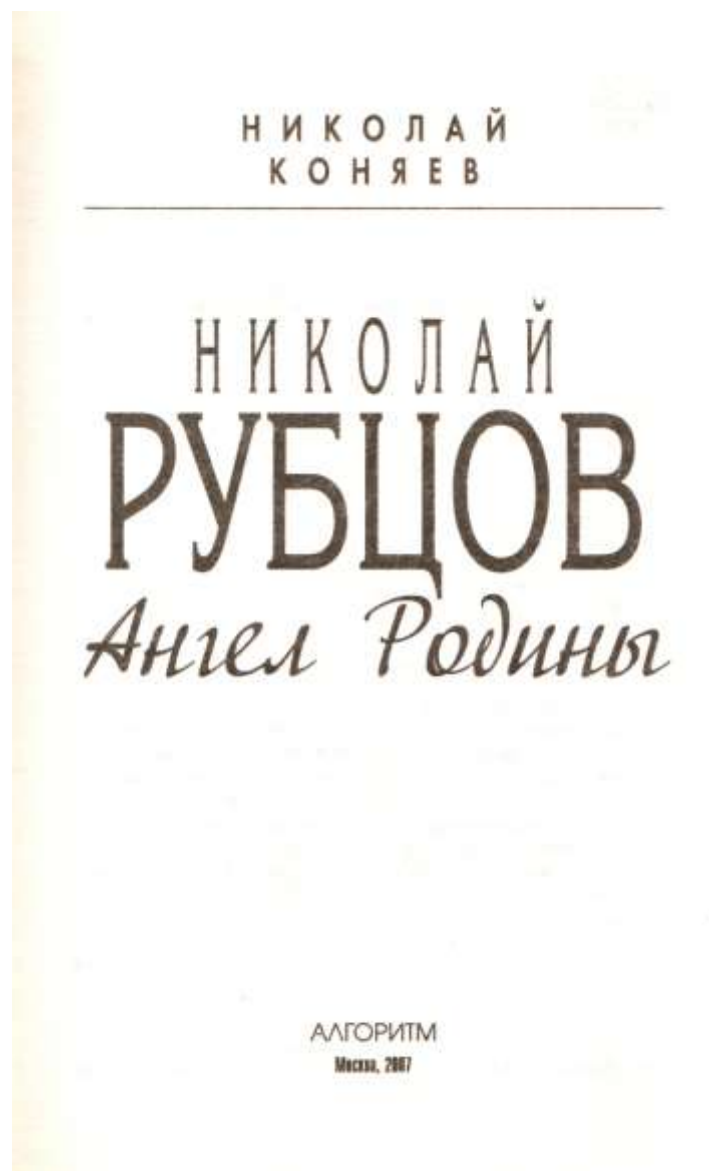
Писатель Николай Коняев в своей книге «Николай Рубцов. Ангел Родины», изданной издательством Алгоритм в 2007 году, поместил фотографию неизвестной женщины с подписью: «Мать – Александра Михайловна Рубцова».

Мы, члены клуба «Госпожа Провинция», показали книгу Галине Михайловне Шведовой. Антонина Алексеевна Чумеева закрыла подпись рядом с фотографией и спросила Галину Михайловну: «Кто это?» Галина Михайловна посмотрела и спокойно ответила: «Это тётя Шура, сестра отца». Тогда мы попросили её оставить своё пояснение к фотографии, что она и сделала. И прямо на книге написала: «Тётя Шура, сестра моего отца. Писала Галина Михайловна Шведова (Рубцова). 29.01.08 г.»

На этой встрече присутствовали: Шведов Сергей Александрович, Чумеева Антонина Алексеевна, Деревягина Надежда Леонидовна, Лелянова Зинаида Степановна.

Обложка

Титульный лист

В институте царил почти домашняя обстановка. Во всяком случае, гнев начальства легко сглаживался, ошибка исправлялась. Так произошло и с Рубцовым. Кара за его рядовые для студента Литинститута, прегрешения оказалась слишком суровой, и И.Н. Серегин, возвратившись ненадолго в институт, исправил ошибку.

Но так было при И.Н. Серегине. Он спас Рубцова и снова лег в больницу. Теперь уже навсегда...

Теперь спасать Рубцова стало некому.

6

И снова удивляешься, как точно совпадает судьба Николая Рубцова с историей страны.

В начале шестидесятых ужесточается общая обстановка в стране...

Прежние полулиберальные отношения уходят из оборота. Каждый конкретный человек становится интересным для системы не своей неповторимой человеческой сущностью, а лишь как исполнитель определенной социальной роли.

В разных учреждениях это проходило по-разному и в разное время.

В Литературном институте процесс бюрократической унификации студентов совпал с последними месяцами работы в институте И.Н. Серегина.

Новую институтскую администрацию Николай Рубцов не устраивал уже потому, что не умел в нужную минуту сделаться незаметным, выпирал из любых списков и реестров.

Нет, он не был каким-то там бунтарем...

Просто, если обычного дебошира можно было все-таки как-то приструнить, то случай с Рубцовым оказался тяжелее. Никакие нравоучения, никакие собеседования не могли помочь ему преодолеть безнадежную нищету и неустроенность...

Зловещей птицей промелькнула в это время в судьбе Николая Михайловича Рубцова его будущая убийца.

В конце апреля, на Страстной седмице 1964 года она возвращалась из отпуска в Воронеж.

160

Мать –
Александра Михайловна
Рубцова

Якима Мур,
сестра моего
опыта, была
замена
михайловна
тубероза
(Рубцова) - Ох

Отец –
Михаил Андрианович
Рубцов

Разворот книги. Слева – страница 160, справа – вклейка с фотографиями

Мать —
Александра Михайловна
Рубцова

Являюсь женой,
сестра моего
отца: Бориса
Галина
Михайловна
Шведова
(Рубцова) 29.01.08

Автограф Г.М. Шведовой

Галина Михайловна и Сергей Александрович Шведовы (фото Оксаны Дёминой)

Друзья из клуба «Госпожа Провинция» Н.В. Фоминых, Н.Л. Деревягина и Т.Т. Савченко
в гостях у Галины Михайловны Шведовой (фото Леляновой З.С.)

К Галине Михайловне приезжали из Санкт-Петербурга Елена Николаевна Рубцова (дочь поэта) со своими дочками, Машенькой и Анечкой.

Г.М. Шведова во дворе своего дома по Московскому проспекту, 44, с Леной Рубцовой и её дочками (внучками Николая Рубцова) Машей и Аней Козловскими (фото Антонины Алексеевны Чумеевой)

4. В воспоминаниях Галины Михайловны Шведовой упоминается о том, что Николай Рубцов бывал в доме **Коротаевых**.

Мама поэта Виктора Коротаева, Александра Александровна Хромова, с младшим сыном Олегом жили в Череповце на улице **Ленина, 167, кв. 16**.

На переднем плане: мать Александра Александровна Хромова,
брат Олег, отец Вениамин Александрович Коротаев.
На заднем плане: Виктор Коротаев с дядей Клеоником Александровичем
Хромовым

(Фото из книги Виктора Коротаева «Прекрасно однажды в России родиться».
Стихотворения разных лет. НП «Русский культурный центр». Вологда. 2009.)

В этом доме, в двухкомнатной квартире, (первый подъезд, четвёртый этаж, окна – справа от входа в подъезд) жила семья Коротаевых, где любил бывать Николай Рубцов

Александра Александровна очень тепло относилась к Николаю Рубцову, и он тоже уважал её, любил и даже называл матушкой.

Отрывок из воспоминаний Виктора Коротаева
«Гиря дошла до полу...»

...Мне повезло: мы сошлись быстро. Не скованные никакими цепями – ни семейными, ни бытовыми, – могли легко подняться и покатить либо по грибы, либо на рыбалку. А ещё он любил прийти ночью и предложить:

– Поедем к твоей маме...

Она тогда жила в Череповце, куда ходил пригородный поезд в три часа ночи. Я понимал Рубцова, по существу не знавшего, что такое прикосновение материнской ладони к твоим волосам, плечу, щеке...

Мы объявляемся на пороге – и вот уже нас кормят горячим куриным бульоном, жарят котлеты и предлагают отведать вчерашних пирогов. Рубцов тает от переполняющего чувства благодарности и с горечью спрашивает:

– Александра Александровна, ну почему жёны-то не могут вот так?

– Могут, Коля, да не хотят. Постарше будут – тогда поймут.

Но такие ответы его не устраивают...

– Пока они поймут, я уже, может, помру...

– Ну что ты, Коля, что ты!

Матери хочется перед работой ещё часок соснуть, и она предлагает:

– Давайте укладывайтесь, ребята. Ведь наверняка всю ночь не спали.

Это точно. Ночной пригородный поезд ходит всегда пустым. Редкий полуночник войдёт в вагон и через остановку-две выйдет. И опять мы одни, и можно хохотать и резвиться сколько влезет. Благо проводница терпелива и сама не прочь «покемарить» в своём служебном купе. Так что спать нам после такой поездки и впрямь пора. Но Рубцов уже вошёл во вкус и сыплет историю за историей, экспромт за экспромтом: на это был он большой мастак. Мы долго не можем утомиться. И матери приходится на нас прикрикнуть: «Спать!» Я плюхаюсь на широкий диван, который уже застелен для нас. Рубцов бурчит: «Ну, медведь!»

Предлагаю продолжить нашу ночную дорожную игру:

– Срифмуй со словом «балдеть».

– Тогда не мешай.

Он молчит несколько минут, потом читает:

...В это время заснул Коротаев,

Как в берлогу залёгший медведь,
Потому что у строгих хозяев
До утра не позволят балдеть.

Какой уж тут сон! Мы, постанывая, хохочем, пока мать снова не выходит из соседней комнаты и не взывает к нашему благоразумию.

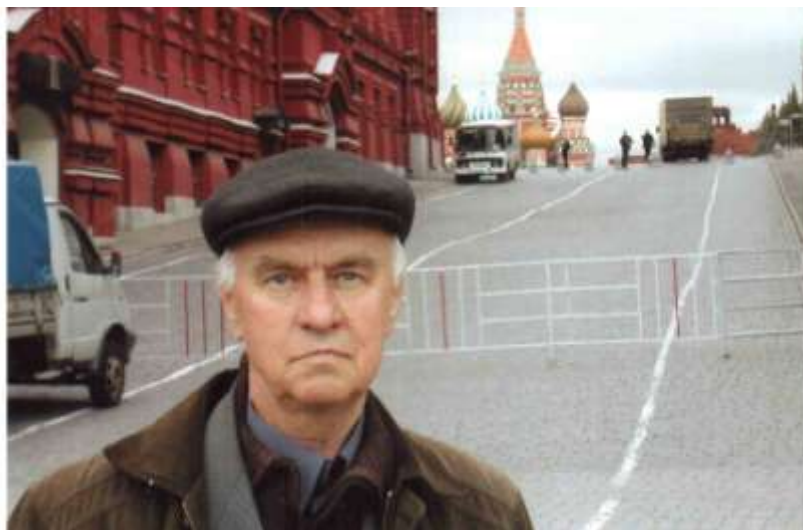
Когда она возвращается с работы, мы идём втроём гулять, и Рубцов – больше, конечно, для матери, чем для меня, – без конца рассказывает, как он служил на флоте, жил в детдоме, первый раз влюбился. И я понимаю: он с ней говорит так, как, наверно, говорил бы со своей матерью; и когда слышу речи о том, что Рубцов ни перед кем не раскрывался до конца, всегда вспоминаю эти прогулки...

(Воспоминания о Рубцове. Архангельск. Северо-западное книжное издательство. 1983. С. 250-251)

5. В доме Коротаевых встретился с Николаем Рубцовым череповецкий поэт и прозаик **Михаил Ганичев**.

Михаил Михайлович Ганичев учился в Литературном институте в одно время с Николаем Рубцовым.

Воспоминания о Николае Рубцове

Однажды я зашёл к поэту Виктору Коротаеву, который жил в Череповце вместе с братом и матерью недалеко от «Радуги». За накрытым столом сидел юноша с гармошкой в руках. Виктор поздоровался со мной и представил меня незнакомому человеку.

- Знакомься, это Рубцов.

Николай Рубцов выглядел замкнутым и насторожённым. Он неодобрительно и хмуро улыбнулся.

- Это свой парень. Наш, металлург. В литинститут поступил, - снял напряжение Коротаев.

Рубцов смягчился, опрокинул вместе со всеми рюмку и стал играть на гармошке. Он пел песни, как позднее выяснилось, на свои стихи и никого не замечал. Я безуспешно пытался завязать с ним разговор. Он на меня не реагировал. Конечно же, я обиделся. И только позже, когда наши пути пересеклись в литературном институте в Москве, я понял, насколько непростой характер у этого необыкновенного человека. Обида моя на Рубцова рассеялась.

***

Учась в институте, мы часто заходили в знаменитую столовую на улице Руставели в Москве. Отмечена она была тем, что в ней собиралась весьма неглупая молодёжь для разговора о своих и не своих литературных делах. Как-то, в то далёкое время, и нам с Колей Рубцовым довелось вести там за кружкой пива разговор о высших материях. К нам подсел юноша, с виду – кавказской наружности.

- Знакомься, перед тобой сидит классик чеченской литературы, - без тени иронии сказал мне Рубцов.

Это явно польстило «классику» и, чтобы не упасть в наших глазах, он непрерывно пополнял кружку Николая пивом. Наконец, глаза Рубцова помутнели от хмеля, и он неожиданно выпалил чеченцу:

- Ты что, лучше меня пишешь?

Это слышалось так: «Неужели ты полагаешь, что ваша классика превзойдёт когда-нибудь мою (вологодскую) классику? Скажите спасибо, что великий русский язык вам предоставил возможности выговорить себя и остаться быть замеченным».

Чеченский «классик» был в шоке.

***

Как-то раз я приехал после каникул в общежитие литинститута. Рубцов, увидев меня, сразу же спросил, мол, привёз ли я череповецкой водки. Такого заказа мне не было, и я отрицательно мотнул головой. Но он тоскливо уставился на мой чемодан. В нём оказалась освежающая жидкость после бритья.

- Можно попробовать? – спросил Николай.

Я подумал, что Коля шутит, и ответил утвердительно. Рубцов налил жидкость в стакан, разбавил её водой и предложил своему соседу, поэту с Алтая Укачину, разделить с ним возможность ухода в мир иной. Конечно же, Укачин не спешил представляться. Он отказался, лёг на кровать и стал с любопытством наблюдать за действиями Николая. Рубцов выпил. Закусил. Смерти не последовало. Напротив, появился жизненный блеск в глазах.

Любопытство Укачина моментально исчезло. Он соскочил с кровати и потребовал свою дозу освежающей жидкости. Появился поэт вологжанин Сергей Чухин. И ему налили. Эффект освежения этой жидкости оказался настолько действенным, что Чухин, не задумываясь, кинулся искать по комнатам общежития новой порции эликсира «мудрости».

- Есть одеколон?

- Для чего? – дивились студенты.

- Не знаю, Ганичев просит! – отвечал всем Чухин.

В этом-то и состоял парадокс, поскольку все знали, что я не балуюсь спиртным. В этом-то и заключалось изумление студентов, которые на следующий день донимали меня, мол, зачем мне столько одеколону. Понятно, что ничего вразумительного я им ответить не мог.

***

Однажды я и Эмиль Смирнов (с которым я жил в одной комнате и который затем работал в газете «Красный Север») шли на экзамен. Навстречу нам попался Коля Рубцов. Поздоровался.

- Пошли со мной, - потянув меня за рукав, сказал он.
- Ты что, Коля, у меня экзамен. Не могу.
- Пошли. Завтра сдашь.

Долго меня уговаривать не пришлось. Мы отправились на квартиру к одному из московских поэтов, где, собственно, и жил Николай. Из общежития его уже успели выгнать. А причиной тому послужил забавный случай, связанный с тем, что он ухитрился устроить пирушку с классиками отечественной литературы.

Так вот, собрал Рубцов портреты русских классиков, которые висели на стенах коридора общежития, и принёс их к себе в комнату. Расставил вокруг себя и стал пить вино, поочерёдно чокаясь, то с Пушкиным, то с Гоголем. А на носу комиссия по приёму общежития. Комендант общежития, по прозвищу Циклоп (так его обозначил Рубцов), рвал и метал, но безуспешно, пока не заглянул в комнату Николая. О дальнейшем-то и говорить не хочется. Остались в памяти только слова Рубцова:

- Раз в жизни хотел побыть с великими на равных. Не дали.

Наконец, мы пришли туда, где жил Николай. Комната вполне соответствовала его духу восприятия внешней стороны жизни. По центру стоял стол и три стула. У дверей неказистая кровать и куча пустых бутылок. Казалось, и ступить-то некуда, кругом посуда. Понятно, что нужно было объявить войну бутылкам.

- Давай, Миша, сдадим посуду.

После успешного мероприятия по очищению комнаты, мы купили водку и устроились за столом для душевного разговора. Неожиданно Коля попросил меня:

- Позвони одной даме. Может быть, придёт. Я не могу, мой голос уже изрядно поднадоел в их общаге...

- Как её зовут?

- Люда Дербина.

- Хорошо!

Я сбегал в магазин. Позвонил. Вернулся и услышал традиционный вопрос:

- Ты не сказал ей, чтобы бутылку захватила?

Вопрос был бессмысленным, поскольку на столе стояло то количество водки, которое, пожалуй, могло бы свалить и быка. Зачем ему нужен был избыток в самоуничтожении? Может быть, он боялся того, что ему не дадут успеть при жизни выпить до дна с теми людьми, которых он любил? Может быть...

Вскоре появилась молодая и симпатичная девушка. Люда Дербина. Она пила наравне с нами. Зашёл разговор о поэзии. Рубцов, таинственно улыбаясь, прочитал отрывок из какого-то стихотворения:

Опять влекусь на клеверный простор,
Опять брожу по глинистым дорогам,
Опять встречает мой упорный взор,
Зарю холодную над дальним стогом.

- Миша! Думаешь, кто это написал? – спросил Николай.

Я пожал плечами.

- Люда, - Коля кивнул в её сторону, - её поэзия жива, страстна и напряжена. Однако, лаконична и ясна в проявлении настроения.

Дербина посветлела, глаза её заискрились.

- Брось, Коля, перехвалишь. Тогда придётся мне уходить.

Рубцов беспомощно и как-то по-детски улыбнулся. Почудилось мне тогда, что за этими беспомощностью и смущением стоит какая-то глубинная тайна, разгадать которую, видимо, придётся грядущему времени. Николай глубоко вздохнул и опрокинул стопку.

Дербина, лукаво подмигнув мне, прочитала строчки Рубцова:

Когда я буду умирать,
А умирать, конечно, буду,
Ты загляни мне под кровать,
И сдай порожнюю посуду.

- Вы что, понравились друг другу? – неожиданно спросил Рубцов. Стало понятным, что Николай немного перебрал. Нужно было уходить.

На следующий день, как и в последующие дни, он уже не вспоминал о своей вспышке ревности.

***

Снова вспоминается столовая на улице Руставели. Мы с Колей Рубцовым пили пиво. Справа от меня сидела, видимо, супружеская пара. Я спросил их, мол, откуда они.

- С Алтая. Из Рубцовска, - услышали мы ответ.

- Во, как здорово! – обернулся я к Николаю и спросил, шутя, - не твоим ли именем назван город?

Что тут случилось. Рубцов позеленел:

- Ты что меня КГБ-шникам выдаёшь! Посадить хочешь.

Реакция была неожиданной. Мне стало неуютно. Я почувствовал себя врагом народа и не выдержал:

- Коля, ты что? Всерьёз? Это же простые люди! Не видишь, что ли?
Постепенно разобрались. На другой день, как всегда, Рубцов пришёл извиняться.

***

Рано утром как-то ко мне заглянул Рубцов и сказал:

- Мои стихи напечатали в одном журнале. Всего 400 строк, по 4 руб. 20 коп. каждая. Пошли, получим!..

Отнекиваться от него было бесполезно. Мы пошли получать деньги. Получили. Вернулись в общежитие. На этот раз там собрались вместе вологодские писатели и поэты: Василий Белов, Ольга Фокина, Виктор Коротаев, Николай Кучмида, Серёжа Чухин. Устроили застолье. Выпили за здоровье вологодской литературы. Разговорились. Коротаев почему-то привязался к Кучмиде. Дело принимало серьёзный оборот. Мне пришлось попросить Коротаева:

- Витя, отстань! Ты толкаешь двухпудовые гири, а Коля Кучмида маленький и щуплый.

Рубцов поддержал меня. Виктор остепенился. Мы вышли в коридор, и я спросил Николая:

- Почему Коротаев тебя сразу же послушался?

В ответ – пронзительный и загадочный рубцовский взгляд, мол, не ведаешь ты, чем может покорить поэт поэта. А весть ту я узнал (опять-таки со слов Рубцова).

Был такой случай. Читал как-то раз Яшин на своей квартире в Москве новые стихи Рубцову. Раздался телефонный звонок. Яшин взял трубку. Поговорил и обратился к Николаю, мол, звонит из Вологды Коротаев и просит рекомендацию в Союз писателей, а он, мол, не знает, что делать. Давать или

не давать? Рубцов посоветовал дать рекомендацию Коротаеву. С тех пор и появилось уважение Коротаева к Николаю Рубцову.

***

Случилось так, что пили мы с Колей Рубцовым рядом с Останкинской телебашней жигулёвское пиво. Заговорили о Вологодчине.

- Выступал я у себя на родине, в сельском клубе, - вспомнил Николай, - Читал свои стихи. И что меня поразило? То, что бабки в клубе выразили своё восхищение не самим стихам, а тому, как мог я запомнить такое количество. Может быть, нам стоит погнаться за количеством...

В его глазах читались мысли, мол, стало быть, и Вологодская власть видит в плодах моего труда только количество, а потому и не желает обеспечить его жильём. Рубцов сплюнул и стал ругать Северо-западное издательство.

- Я им количество – огромную кучу стихов, а они мне качество – книжонку размерами с паспорт. Посадить бы на их место тех бабок, с которыми я встречался в клубе.

Молчание. Коля неожиданно рассмеялся.

- Был на вечере в ЦДЛ. Выступал какой-то дядя и нёс чепуху о Сергее Есенине. Я не выдержал, поднялся и крикнул: «Чушь! Клевета на русского поэта! Уж лучше бы молчал!» Самое смешное то, что я перепутал вечер литераторов с собранием общественности Москвы. Боже, что же там было! Вышел скандал. Меня «культурно» вывели из зала. Даже хотели выгнать из литинститута, но за меня заступились В. Тушнова и А. Яшин. Оставили.

***

Послесловие.

Посредственные люди видят в творческом человеке только то, что хотят увидеть – посредственное. Они смотрят на него как на зеркало и ничего не видят там кроме своего отражения. Творчество для них пустота, как и пуст для них сам носитель творчества. Но без таких, как Николай Рубцов, людей их жизнь становится бессмысленной. Творящий видит и чувствует то, что не видят и не чувствуют другие. Творение не изнашивается и не стареет, но изнашивается носитель творчества. Более того, творческий человек – биологическое существо, следовательно, ему могут помочь скорее «износиться».

Тогда ещё не знал, что милая девушка, которую я пригласил по просьбе Николая Рубцова, станет причиной его биологической смерти. Сейчас мне кажется, что Рубцов стал жертвой своей любви и доброты. Он так и не понял простейшего русского заклęcia: не возноси обыкновенное существо до небес – задушит.

Дербина тоже не поняла, что случилось с ней и Рубцовым. Для неё это осталось тайной судьбы.

- Я, кажется, убила человека!
- Какого человека?
- Николая Рубцова.

Для Людмилы - это приговор, для Николая – проговор:

Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат березы,
А весною ужас будет полный:

На погост речные хлынут волны...

Михаил Ганичев

Воспоминания М.М. Ганичева о Н.М. Рубцове опубликованы в литературно-художественном альманахе «Воскресенский проспект» (Вып. 4. Череповец: ЧГУ, 2004. С. 93-97).

Михаил Михайлович живёт в Череповце на улице Юбилейной, 36.

6. О своей встрече с Рубцовым, произошедшей в доме Коротаевых, вспоминает **Тамара Андреевна Лукоянова**, бывший секретарь комитета комсомола Череповецкого завода железобетонных изделий и конструкций.

**Воспоминания о встрече с поэтами
Николаем Рубцовым и Виктором Коротаевым**

В 1965 году, по инициативе редакции газеты «Вологодский комсомолец», состоялась моя встреча с Виктором Коротаевым и Николаем Рубцовым в Череповце на квартире семьи Коротаевых. Тогда я работала секретарём комитета ВЛКСМ завода ЖБИК, была рабкором газеты «Ударная стройка»,

сама увлекалась поэзией, писала стихи, интересовалась поэтами Череповца и Вологды.

Беседовали за чашкой чая (и не только) о поэзии, о жизни. Рубцов был немногословен, в спор не вступал, как бы наблюдал со стороны.

Виктор Коротаев сказал тогда о Николае Рубцове:

- Мы все будем о нём долго слышать и говорить.

Виктор и Николай проводили меня до общежития, где я жила. И больше я с ними не встречалась.

Я слежу за публикациями их стихов, собираю газетные вырезки, бываю на всех мероприятиях, посвящённых творчеству Рубцова.

14.02.2006.

Лукоянова Тамара Андреевна

Т.А. Лукоянова проживает на ул. Ломоносова, 20

7. В 1965 году Николай Рубцов впервые появился на телестудии Череповца (улица Ломоносова, 31).

Череповецкий телецентр (фото Ю.М. Воронова)

О.И. Ушанова

8. Ольга Ивановна Ушанова, диктор Череповецкого телевидения с 1959 по 1987 годы, вспоминает о своих впечатлениях от встречи с поэтом:

« Я хочу рассказать вам о том, как у нас на череповецком телевидении появился Николай Михайлович Рубцов.

Он приехал к нам на передачу «Пять минут поэзии». Это передача, где молодые поэты представляли на суд зрителей свои стихи.

И вот в студию зашёл Николай. Он был в кирзовых сапогах, фуфайке. Когда снял фуфайку, там был очень скромный пиджак и под ним тельняшка.

И мы были немало удивлены. Потому что в то время на телевидение приходили выступающие в своих самых нарядных одеждах.

У Николая более нарядной одежды не было. У него всегда были большие материальные затруднения. Тем более что в это время он учился в Литературном институте в Москве. Тогда же у него наладились отношения с Вологодской писательской организацией.

Если бы мы в то время знали, что перед нами гениальный поэт, мы бы запомнили каждый штрих, каждый его шаг и каждое прочитанное стихотворение!..»

Рассказ Ольги Ушановой прозвучал в фильме «До конца, до тихого креста пусть душа останется чиста!», снятого в 2007 году. Режиссёр-оператор Максим Ушанов, консультант Рудольф Ушанов.

Записала рассказ Леянова З.С.

Ольга Ивановна Ушанова с семьёй жила на проспекте Строителей, 3, а с 1979 года до отъезда из Череповца – на Советском проспекте, 69.

9. В 1965 году Николай Рубцов выступил со своими стихами перед рабочими сортопрокатного цеха Череповецкого металлургического завода.

10. На этой встрече с поэтом присутствовал и Ким Александрович Григорьев, работавший в ту пору в сортопрокатном цехе.

Ким Александрович Григорьев

Череповецкий металлургический завод в 1960-е годы

Ким Григорьев и сам писал стихи. С творчеством Николая Рубцова он ещё не был знаком. Услышав выступление Рубцова, Ким Александрович сразу почувствовал: вот НАСТОЯЩИЙ поэт. С тех пор Рубцов стал его любимым поэтом.

К сожалению, письменных воспоминаний Ким Григорьев не оставил. Вдова его, Антонина Фёдоровна Григорьева, рассказала, каким радостным и

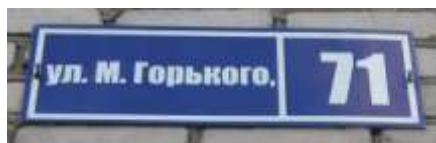
взволнованным был Ким после встречи с Рубцовым, как восхищался выступлением интересного поэта.

Антонина Федоровна поведала о том, что в 60-е годы в заводских цехах нашего города нередко выступали студенты Литературного института.

Молодым литераторам вменялось в обязанность читать свои произведения на публике. Так студенты, практически ещё мало где публиковавшиеся, проверяли, как слушатели воспринимают их творения. После встречи надо было обязательно получить подпись кого-либо из слушателей в подтверждение того, что действительно встреча состоялась. Очень ценно было заполучить и отзывы слушателей. Подписи и отзывы требовались для отчёта в институте.

На встречи литераторы приходили обычно группами. Например, из Вологды приезжали Романов, Оботуров, Чухин и другие. Однажды с ними появился и Николай Рубцов...

Ким Александрович Григорьев жил на улице Горького, 71

В Череповце у Николая Рубцова появилось немало знакомых. В основном это были братья по перу, такие как, Вячеслав Козлов, Юрий Тарыничев, Вениамин Шарыпов, Валентин Маринов и другие.

11. Однажды, а именно **28 декабря 1965 года**, Валентин Маринов привёл Николая Рубцова к **начинающей поэтессе Галине Березиной**, на улицу **Ленина, 131-б, кв. 32.**

Г.М. Березина

Здесь жили Березины

Одна встреча с поэтом

Пришло время написать о моём очень кратковременном знакомстве с теперь уже всем известным гениальным Николаем Рубцовым.

Случилось это в Череповце в 1965 году. В то время при газете «Коммунист» существовало литературное творческое объединение молодых. Одновременно пробовали свои силы прозаики Юрий Тарыничев, Вениамин Шарыпов; поэты Вячеслав Козлов, Валентин Федотов, Валентин Маринов, Иван Полунин, Михаил Ганичев, Владимир Катышев, Эмиль Смирнов, я и другие.

Так получилось, что я жила в одинаковой близости от всех, и мой дом стал проходным двором. Как говаривала моя бабушка, как в полое прясло шли. Такие мы все были дерзкие, уверенные в себе, хотя почти у всех – ни жизненного опыта, ни багажа знаний. Я такая же была. Тем более, что до встречи с Рубцовым приглашалась на семинар писателей Севера в Вологду и была принята там хорошо. Даже в «Литературной газете» была заметочка в каком-то углу, что прошёл семинар и некая Галина Березина подаёт надежды. Про меня было написано всего одной строчкой, но...

Как-то вечером, а именно 28 декабря 1965 года, ко мне зашёл Валентин Маринов и привёл с собой, как мне тогда показалось, худенького, небольшого роста, немного лысоватого, одетого в какой-то простенький костюм молодого человека. Брюки заправлены в серые растоптанные валенки, и от этого он показался мне ещё более тщедушным. Но глаза... насквозь смотрящие и всевидящие. Его неординарность, особенность сразу чувствовалась и в манере поведения, и в пронизывающем взгляде, а потом и в ясности выражения мысли. Не «бытовушный» человек. Не от мира сего.

Он разделся, снял шапку и стал расчёсывать свои редкие волосы. Сначала зачесал на один бок; я молча посмотрела на него и взглядом не одобрила. Он зачесал их на другую сторону – я отрицательно покачала головой; затем он зачесал их назад – я взглядом выразила недоумение. Тогда он резко взмахнул

головой, волосы произвольно рассыпались. Я утвердительно кивнула, и после этого мы вошли в комнату.

Мы были одного возраста. Николай Рубцов родился 3 января 1936 года, а я 14 января того же года.

Многие встречались с ним, жили, может быть, рядом, сидели за одним столом, пили из одной бутылки, но не видели в нём никого другого, а только собутыльника. Да ещё не очень удобного. А вот Валентин Маринов увидел. Он представил мне Рубцова как очень талантливого поэта. Он сказал: «Все наши по сравнению с ним – ничто! Вот настоящий поэт. Запомни и следи за публикациями – Николай Рубцов!»

Как всегда, мама собрала на стол, что-то оказалось из выпивки. А разговор начался сразу. О чём? Трудно конкретно вспомнить. Сначала разговор был общий, затем переключился на литературу, и Коля стал разговаривать только с Валентином, ко мне же демонстративно повернулся спиной. То ли это был своего рода манёвр молодого человека, то ли женщин – ценителей поэзии не находил, во всяком случае меня эта ситуация очень позабавила. Но что это была лишь своего рода демонстрация, я почувствовала сразу. Разговор между мужчинами продолжался. Спорили горячо, но спокойно. В какую-то минуту я вклинилась в разговор – Николай взглянул на меня с любопытством, затем я ещё что-то сказала – Рубцов окинул меня взглядом, просверлил своими зоркими глазами и принял в качестве собеседника. Теперь уже Валентин Маринов остался за спиной Николая Рубцова. Потом была гитара. Инструмент был мой, плохо настроенный, но Коля сумел оживить его, душу вкладывал в песни, которые пел. Это были его песни: «Элегия», «Потонула во тьме» и другие. Уже не помню. Но мелодии названных песен запомнила. Да и нельзя было не запомнить: пел он пронзительно звонко, голос у него был чистый и проникал в душу.

Я тогда не знала слов этих песен, а когда появился второй сборник его стихов, нашла слова и на даче, бродя по лесу, восстановила точную мелодию. В

этом я убедилась, прослушав кассеты с записями песен в исполнении самого Рубцова в частном музее Нинель Старичковой.

Вечер прошёл незаметно, но заметно сблизив нас. Николай был целомудренно ласков. Он бережно брал мои сопротивляющиеся руки в свои, обхватывал ими свою голову и буквально клал ко мне на колени. И это было на виду у Маринова и спящей из кухни в комнату и обратно очень строгой моей мамы. Взаимопроникновение наших душ было настолько стремительным, что ещё будучи у меня на квартире, он сказал мне решительно: «Завтра пойдём в ЗАГС». Расставаться не хотелось, и мы пошли к Валентину Маринову. Опять стихи, опять песни. И всё на пределе. Ни я, ни Коля не думали, что это наша первая и последняя встреча...

Надо сказать, что вокруг него всегда кипели страсти. Не было равнодушных. В тот вечер – тоже. Мы все перессорились. Но... удивительно! Коля умел выходить из сложных ситуаций, не теряя достоинства. И тогда тоже дважды сумел разрядить накалённую обстановку. Но я в третий раз вспыхнула, оделась. На этот раз он не задерживал меня и не позволил этого Валентину. Я была уверена, что через день увижу его на вокзале. Новый год он собирался встречать у Василия Ивановича Белова, а я собиралась ехать в Вологду к приятелям. Я уехала. В поезде обошла все вагоны в надежде его встретить, но... напрасно.

Он остался в Череповце. Несколько раз заходил к нам, но моя мама встречала его холодно или даже хуже. Понять его она, конечно, не могла и где я нахожусь – не сказала.

(Буквально на днях, а именно 21.01.06., я узнала от Пыченковой Любви Николаевны, что Новый год Рубцов встречал у её родственника, поэта Вячеслава Козлова, по адресу: ул. Горького, 22, кв. 74, и что в ту новогоднюю ночь ему в гостях не сиделось, и он три-четыре раза приходил ко мне домой.)

Уже после Нового года, спустя примерно неделю, когда я считала, что наши пути разошлись навсегда, ко мне пришёл изрядно выпивший Иван

Полунин и стал настойчиво уговаривать меня пойти к нему домой. У него, видите ли, компания. Я очень удивилась его приглашению и наотрез отказалась, представив по его состоянию, что это за компания. Тогда, уходя, уже за дверью он сказал как-то злорадно, нехорошо сказал: «А тебя Коля Рубцов там ждёт» и ушёл. Скажи это он в начале разговора или во время его, может, всё бы изменилось и в моей жизни, и в жизни Николая Рубцова. Но никто здесь, в Череповце, этого не хотел. Когда Рубцов спрашивал адрес – ему не говорили, когда шёл ко мне – его под разными предлогами уводили в сторону, а когда приходил – его выгоняли.

Сначала Валентин Маринов сопротивлялся нашей встрече. А когда всё-таки повёл Рубцова ко мне, на их пути встретился Вениамин Шарыпов. Узнав, куда идут, сказал, что он только что от меня, будто я в очень скверном настроении и никого к себе в квартиру не впускаю. Отговорил их от намерения идти ко мне и увёл за собой. Об этом мне рассказал позже Валентин Маринов.

Чтобы я не впустила в квартиру кого-то, будь в любом настроении, - никогда такого не было! Часто случалось, что кто-нибудь из поэтов приходил даже среди ночи, тихонько стучал в окно (я жила на первом этаже), желая поделиться удачно выстраданной строчкой, ища одобрения; мы уходили на кухню, чтобы не разбудить моих родных и соседей, и там шепотом делились впечатлениями.

Вскоре Коля уехал в Москву, и всё... Я его потеряла навсегда. В отчаянии написала стихотворение «Уехал», очень несовершенное, но... надо было выплеснуться. В нём всё моё отчаянье, вся моя боль. Исправлять, редактировать не стала. Боялась к нему прикоснуться. Чтобы «не соврать», не вспугнуть, не нарушить ту связь незримую, что между нами пролегла (с моей стороны – длиною в жизнь).

Уехал! Уехал... Шальной ветер

Помог мне тебя потерять.
Уехал. Как будто и сердца нету,
Тоскующего по тебе.

А у нежности с разума оловом
Ох, какие были бои,
Когда свою беспечную голову
Заключал в ладони мои,
Целовал упрямые руки
У соперника на виду.

Счастье... Как оно всё-таки хрупко.
Счастье... Как оно всё-таки тонко.
Нету счастья. Его обломки
Только память хранит на беду.

Помню, таяли пальцы в ладонях.
Помню, сердце тонуло в бездонном
Растревоженном взгляде твоём.

Под рукой у тебя гитара,
Словно женщина, трепетала
И просила пощады. Просили вдвоём...

Ты не внял.
Я ушла – не гранит.
Ты уехал.
И некому верность хранить...

Вообще перестала писать стихи. Не могла. Перечитывала старые, они казались столь глупыми, несовершенными, никому не нужными.

В первые десятилетия после смерти Николая Рубцова всегда чувствовала его присутствие: включала радио или телевизор именно в момент передачи о нём, будь то воспоминание или чтение стихов, или исполнение песен на его стихи.

Сколько я ни читала стихов его, не помню наизусть ни одного, не хочу помнить. Перечитывая их, воспринимаю как открытия, с ещё большей радостью и удивлением.

О многом в его жизни меня информировал Олег Коротаев – брат поэта Виктора Коротаева. С матерью братьев Коротаевых Александрой Александровной я, как ни странно покажется из-за разницы в годах, дружила. Удивительно добрая, чуткая была женщина. Она и в отсутствие своих сыновей неоднократно принимала Рубцова как родного. И очень жалела его.

Рассказать о своей любви к Николаю Рубцову я ни перед кем не могла. Нет, слукавила: все уши прожужжала своей помощнице по работе Наташе Шевелёвой. Запоем читала ей его стихи.

И как-то послала в Литературный институт чистую кассету для Рубцова, чтобы кто-нибудь записал его голос, его стихи, песни. Исчезла кассета бесследно. Может, кто-то тоже не понял, как многие из его окружения, кто есть Николай Рубцов.

Оставалась ещё одна надежда на встречу с ним – самой поступить в Литературный институт. Спешно отправила подборку своих стихов и получила обстоятельный, оскорбивший меня отзыв. Как всегда, о неприятностях постаралась забыть. О стихах – тоже. Вспомнила, когда совсем недавно в конце 2007 года наткнулась на эту рецензию.

1966 год. С 4 на 5 мая – страшный сон. Будто Виктор Коротаев приехал из Москвы и говорит мне: «Галя, а ты знаешь, Коля-то Рубцов руки на себя наложил!» Я остолбенела и вижу: Коля действительно лежит, а около его горла какие-то чужие руки, сжимают... Он не сопротивлялся. Умер... Плакала так, как никогда в жизни, так было горько, больно, сердце слезами захлёбывалось, не хватало воздуха от рыданий, чуть не умерла. Хорошо – проснулась. Говорят в народе: «Плачь во сне – печаль умрёт». Неправда.

До сих пор не могу простить себе, что не смогла уберечь его, не сделала всего один шаг – не приехала к нему в Вологду.

Но... я знала, что у него есть жена и дочь, и это меня сдерживало. Не знаю, изменилось бы что-либо в его жизни, если б я вошла в неё. Я думаю, да. Но вот Виктор Астафьев после беседы со мной понял моё состояние, хотя я и пыталась скрыть его, сказал буквально следующие слова: «Галя, моли Бога, что не ты оказалась на её месте (на месте Дербиной)». Я по сей день думаю и не знаю, прав ли он был в своём высказывании.

Такая вот судьба – не судьба. Прошло со дня моей встречи с Рубцовым уже четыре десятилетия, но воскресают и память, и чувства.

А однажды я услышала по радио музыку Листа. Она меня захватила, я заслушалась, вспоминала прошлое, свою жизнь; на бумагу легли слова, какая-то выплыла простенькая мелодия, и я запела. Кажется, то произведение Листа называлось «Раздумья». Свои стихи-песню я так и назвала «Раздумья».

Это кажется просто,
                                что мимо и мимо
Мчится жизнь и приводит
                                опять не сюда.
Я, конечно, люблю
                                и, конечно, любима.
Только встретиться нам –

не судьба.

Ты находишься рядом
со мною незримо,
Бережёшь от хулы
и ошибок давно.
Я, конечно, люблю
и, конечно, любима.
Только встретиться нам
не дано.

Говорят, счастья нет. –
Мне другого не надо.
Я пойду напрямиком,
никого не виня.
Ах, зачем же, зачем,
по какому раскладу
Эту жизнь посетил без меня.

Вздохи, взгляды косые,
упрёки бывали:
Оглянись, усмирись,
не гони, не томи.
Я, конечно, люблю,
разве этого мало –
Ты проходишь
под светом любви.

Ты воскреснешь опять

из тумана иль дыма,
Лишь заря возвестит
о померкнувшем дне.
Я, конечно, люблю
и, конечно, любима, –
Посидим, помолчим
в тишине.

Время катит к закату,
но я тебя слышу.
Но опять рубежи,
рубежи, рубежи.
Неприменно найду
на земле или выше.
Только имя своё подкажи.

Это кажется просто,
что мимо и мимо
Мчится жизнь и приводит
опять не сюда.
Я, конечно, люблю и,
конечно, любима.
Только встретиться нам –
не судьба.

Ожидание не так уж и бесплодно, как о нём привыкли говорить. Оно обостряет чувства, мысли – это раз. И второе – бежать, искать – можно разойтись. Что и случилось с нами.

Ещё про Рубцова... А он, без сомнения, был человеком эпохи и шёл дальше других поэтов. Многие из них выпивали. Николай – тоже. Мне даже навязывали мысль, что он пьяница и не стоит сострадания.

Поэты видят дальше, чувствуют глубже. Во все времена поэты, если не придворные, были изгоями. Шли впереди и падали первыми. Очень ранимые – не выдерживали. Кто спивался, кого убивали, кого-то изгоняли. Я мыслю это так. Сконцентрированная, импульсивная мысль поэта, оставляя тело без присмотра, уносилась за сотни веков и вперёд, и назад, видя настоящее как бы со стороны. Так душа расстаётся с телом при смерти.

Вдохновение – это работа души. А тело, чтобы выжить, требует допинга, подзарядки. Получает и губит и себя, и душу. Поэтому многие настоящие поэты недолговечны, рано уходят из жизни. А Николаю Рубцову, как бы ни было плохо его здоровье, ещё и помогли.

Единственно, что отличает талант от гения, это гибкость таланта, его извечная зависимость от окружения.

Гений не расчётлив, в нём отсутствует даже инстинкт самосохранения.

Он сам по себе и в себе. И подвержен только своему внутреннему голосу и глубинному голосу времени.

Таков был Николай Рубцов.

До сих пор тема о Рубцове для меня очень болезненная. Наедине с его стихами мне комфортнее, чем делиться своими переживаниями с людьми. Но, думаю, в день нашего общего семидесятилетия – надо.

*Январь 2006 года
Череповец*

Г.М. Березина

Теперь Галина Михайловна живёт на проспекте Победы, 49.

Галина Михайловна Березина упомянула в воспоминаниях о некоторых своих друзьях-поэтах; у них тоже бывал Рубцов.

12. Валентин Маринов жил на ул. Ленина, 116.

В этом доме, в квартире у Валентина Маринова
(окно на втором этаже, под вторым балконом),
больше недели жил Николай Рубцов

«Здесь Рубцов бывал так уж бывал! Жил больше недели», – вспоминает Г.М. Березина.

13. Новый, 1966 год, Николай Рубцов встретил у поэта Вячеслава Козлова, жившего на улице Горького, 22, кв. 74.

Квартира Козлова – на пятом этаже (окна – на улицу Горького)

Николай Рубцов отзывался о Козлове так: «Славка – интересный парень!».

14. Иван Полунин приводил Рубцова к себе домой на улицу **Бардина, 31.**

15. Вениамин Шарыпов принимал гостей у себя дома, на улице Ломоносова, 19, комната 17.

Сюда приходил Николай Рубцов в гости
к Вениамину Шарыпову

Шарыпов учился в Литературном институте в одно время с
Николаем Рубцовым.

16. Юрий Фёдорович Тарыничев жил на улице **Ломоносова, 40-А.**
Николай Рубцов бывал у него дома.

**«Не сожрала бы тля...»
(Отрывок из воспоминаний)**

...Его привёл ко мне поэт Маринов.

Помню, стоял февраль и был вечер. Я только что прибежал с лыжного кросса и намеревался нырнуть под душ, а затем засесть за рукописи (распорядок дня у меня был жёсткий, как у аскета). Но раз появились гости...

- Знакомься, - сказал Маринов. – Николай Рубцов.

Имя визитёра мне ни о чём не говорило – оно было не на слуху покамест. Не привлёк и видок его, явно не щегольской. Горожане наши форсили в

лакированных туфлях, а у него – валенки, шубейка... И если бы не печать собственной значимости на лице, если бы не взгляд, быстрый и острый, выдававший тонкую и сложную натуру, я бы принял его за начинающего прозаика и стал ждать, что сейчас передо мной ляжет на стол пухлая повесть о лесорубах.

Вопрошающая насторожённость Рубцова, однако, тотчас исчезла, как я начал решительно стаскивать с него шубейку, а хозяйка метнулась на кухню ставить чайник. И он, очевидно, решив, что попал в общем-то к своим людям, по-свойски же и спросил меня, взявшись за живот:

- Слушай, старик. У тебя соды нет, случайно?

Сода нашлась. И нашлось всё остальное – «для сугрева».

Потом по моей просьбе Рубцов читал стихи, кажется, «Осенний этюд». Читал по памяти, хотя и держал рукопись перед собой. Стихи были про наше, северное, застредали в душе. Но не слишком доверяя себе, я смотрел на Маринова, чтобы узнать его реакцию. Маринов кивал с восхищением и завистью. Так-с, всё ясно.

На этом мне бы взяться за баян или отвлечь гостей от поэзии каким-то иным образом. И тогда у нас всё бы завершилось гладко. А я в силу своей привычки высказывать на литобъединениях замечания, не удержался и тут.

- Понимаешь, Коля. Там у тебя есть про змею... Чёрная болотная гадюка – это, конечно, эффектно. Но мой крестьянский практицизм подсказывает, что гадюки – они больше серые...

И – всё! Болотная гадюка в «Этюде» будто ожила и проползла между нами.

Острые глаза Рубцова блеснули с холодным отчуждением.

- В гробу я видал твой практицизм! – И он схватился за шапку.

Нам с Мариновым с трудом удалось успокоить его и вновь усадить за стол, к заварному чаю. Но, и прихлёбывая чай, Рубцов продолжал коситься на меня немило и повторять:

- В гробу я видал твой практицизм!

Проглотить бы мне это! Да у меня тоже характер-то не мёд.

- Ну, в гробу – не в гробу, а гадюки – они больше серые.

И Рубцов, сопровождаемый солидарным с ним Мариновым, вскоре ушёл, чтобы заскочить ко мне на другой день и, может, посмеяться над своей, да и над моей тоже, хмельной запальчивостью. Но я был вновь на лыжне, и, между прочим, далеко не в радужном настроении. Ругал себя: тоже серпентолог выискался! Вдруг гадюки и в самом деле бывают чёрные? Пусть и не в нашем районе, а где-нибудь в Тотьме или Вытегре...

Ругаю себя и ныне, спустя много лет. Не о змеях, вообще не о стихах надо было спорить. Ведь тогда, двумя-тремя днями позже, я узнал от того же Маринова, что Рубцов приезжал в наш город устраиваться на работу и обивал пороги редакций и кабинетов с двойными дверями. Да куда там. Если уж он в поэтической Вологде не нашёл взаимопонимания, кроме как у Виктора Астафьева, то что говорить о Череповце, где господство материального над духовным просто выпирало, да выпирает и ныне. Не зря же Александр Романов, в бытность свою секретарём писательской организации, сказал, скорее всерьёз, чем в шутку, что в Череповце нет и не может быть писателей.

Ныне, правда, в Череповце к Рубцову иное отношение. Его читают, у него вдруг объявилось много друзей, ему даже поставили памятник и ведётся работа по изданию «Словаря языка и рифм поэзии Н. Рубцова». И это в общем-то правильно. Но окажись Рубцов жив, он бы наверняка воспринял всё это с кривой усмешкой...

Но Рубцов – что? Рубцов теперь не затеряется. Вопрос в другом: не затерялись бы другие Рубцовы!.. А они у нас есть. Есть! Да вот беда: рыночная экономика затронула и писательскую среду. Хочешь издаться – гони деньги. Немалые деньги! А немалые деньги многим из нас и не снились. И мы вынуждены ходить за пожертвованием с протянутой рукой. Ходим, правда, не все. Стыдновато, знаете ли, на фоне всеобщего обнищания. Вон учителя не получают зарплату по шесть – восемь месяцев. Какие уж тут книжки!

И всё же иногда где-то у кого-то что-то выходит.

Передо мной книжица из библиотеки череповецкой поэзии «Трение покоя». В ней сто философских стихотворений разных авторов. Читаю Николая Бушенева:

Словесные потуги.
А взгреют – ни гу-гу.
Уже не гну я дуги,
а согнут сам в дугу.
За труд собачий, тяжкий
награда – колбаса.
Бегу, скуля, в упряжке,
стегают, словно пса...
Мне б жить травинкой малой,
не мчась и не скуля!
Да вот сожрёт, пожалуй,
какая-нибудь тля.

Не сожрала бы нас и в самом деле какая-нибудь тля...

Юрий Тарыничев

Воспоминания Ю.Ф. Тарыничева опубликованы в череповецкой общественно-политической газете «Речь» № 84 (20035) за 8 мая 1999 года. С.4.

В конце 1965 года и в начале 1966 года Николай Рубцов находился в Череповце, у друзей.

17. До Нового года он побывал на улице **Металлургов, 14-А**, в **редакции газеты «Коммунист»**, отнёс туда свои стихи, чтобы их поместили в праздничном номере.

Здание редакции и типографии газеты «Коммунист»
(фото Ю.М. Воронова)

Р.С. Минина

18. Журналист **Римма Сергеевна Минина** рассказала о том, когда и какие стихи Рубцова появились в «Коммунисте».

Поэзия Николая Рубцова на страницах череповецкой городской газеты “Коммунист” (1965-1971 гг.)

Во второй половине 60-х годов прошлого века Н.М. Рубцов неоднократно бывал в Череповце. В середине декабря 1965 года поэт, уже блеснувший в публикациях столичных журналов, уже автор первой книги лирики, вышедшей в Северо-Западном книжном издательстве, но бездомный, не имевший прописки, обратился с запросом в Череповецкий городской отдел милиции:

«Уважаемые товарищи!

Очень прошу вас сообщить мне адрес Рубцовой Галины Михайловны, г.р. 1929, которая сейчас проживает в г. Череповце. И ещё очень прошу сообщить мне об этом не задерживаясь, так как мне это совершенно сейчас необходимо.

Она моя сестра.

С уважением, Рубцов Николай.

Мой адрес: г. Вологда, ул. Ленина, 17, Союз писателей».

На обороте этого письма штамп Череповецкого горотдела милиции: «Рубцова Галина Михайловна, Московский пр., д. 44, кв. 62. И дата – 17 декабря 1965 года».

След пребывания поэта в городе на Шексне в конце декабря 1965 г. отпечатался в городской газете «Коммунист» за 1 января 1966 года. На третьей полосе новогоднего номера было помещено его стихотворение «Новогодний мороз».

Лично для меня этот январский номер тоже особенный: первый новогодний праздник в новой для меня газете; кроме того, на той же третьей полосе печатались сразу два моих материала.

О Николае Рубцове я знала по публикациям в столичных изданиях. Была знакома и с первой книгой его стихов «Лирика».

Из помещённых в ней двадцати пяти стихотворений меня потрясли три: «Звезда полей», «Тихая моя родина» и особенно – «Видения на холме». Первая строка этого стихотворения – «Взбегу на холм и упаду в траву...» - звучит мощно, как орган, и прерывает дыхание...

А этот контраст:

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони –
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.

Это воистину миг прозрения. Он долго будет казаться мне лучшим местом в лирике Рубцова. Позднее поэт скажет об этом по-другому, уже чеканной формулой философа:

... Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Вернёмся в январь 1966-го. Поэт был в редакции, принёс стихи до наступления Нового года, иначе не успел бы в праздничный номер.

Следует сказать немного и о самой газете. «Коммунист» этой поры – заметное периферийное издание формата «Правды». Выходит пять раз в неделю. Страницы его украшают выразительные снимки фотокорреспондента Виктора Михайловича Мясникова, череповчанина по рождению, участника Великой Отечественной войны. Возглавляет издание редактор Александр

Васильевич Катаников, партийный работник. Большинство в штате составляют мужчины, участники Великой Отечественной войны (О.П. Тихомиров, В.В.Лукичев, Б.И.Андрюшанов, А.П.Филатов, П.И.Виноградов). Самый яркий профессионал редакции – женщина, Ксения Сергеевна Потёмкина (после освобождения Украины – корреспондент Украинского отделения ТАСС, в своё время - редактор многотиражной газеты металлургов Нижнего Тагила) - прекрасный человек с большим жизненным опытом, талантливый читатель, внимательно отслеживавший развитие литературного процесса в годы оттепели.

В редакции своя библиотека, выписываются почти все «толстые» журналы, центральные газеты, газеты всех «металлургических» городов России.

До моего прихода в редакцию отдел культуры возглавлял Валентин Васильевич Викулов, тоже выпускник Вологодского пединститута, начинавший в журналистике как литературный критик, хорошо знавший литературную Вологду.

В промышленном отделе работает молодой одарённый сотрудник Валентин Богданов, в газете печатаются его стихи и очерки.

Обстановка в редакции вполне благожелательная (хотя и не без сложностей), тон в общении задают люди старшего поколения, прошедшие через горнило войны.

Череповчане внимательны к своей городской газете, в отделы приходит много посетителей; почта, кроме привычных обращений с жалобами, приносит и немало интересных писем о судьбах людей. Отношение отделов к читательским посланиям под строгим контролем. В редакции создана школа рабкоров (рабочих корреспондентов), сотрудники газеты по плану ведут в ней занятия.

Регулярно выходит в газете «Литературная страница», даются подборки литературных материалов на страницах выходного дня.

В газете «Коммунист» в то время печатались многие литературно одарённые люди: прозаики Д. Мазрухо, В. Шарыпов, И. Бодренков, Ю. Тарыничев, историк и критик театра Г.В. Сизова, поэт и прозаик М. Ганичев, поэты В. Сорокин, В. Федотов, Л. Наумова, С. Гадаев, А. Каютина, В. Маринов, В. Катышев. Позднее на её же страницах начинали Н. Кучмида, А. Брагин, А. Грязев, А. Хачатрян, Б. Челноков, Л. Шабанова, Н. Кузнецов, С. Круглов, И. Воробьев, А. Пошехонов, Т. Жмайло...

В обозначенные годы на страницах «Коммуниста» присутствуют и вологодские литераторы: В. Гура, В. Гроссман, С. Викулов, Б. Чулков, Л. Патралов, В. Кортаев, О. Фокина, А. Романов.

...Итак, вот он, подарок череповчанам от поэта Н.Рубцова:

Новогодний мороз

Мороз под звёздочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идёт, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И всё под ёлками похаживает,
И всё за ёлками
ухаживает, –
Снежком атласным
принаряживает
И в новогодний путь
проваживает.
А после сам наряжается,
В мальчишку вдруг
преображается
И сам в дорогу отправляется:

- Кому невесело гуляется?
Не за упряжками обозными
Бежит вперёд с дарами редкими,
И всё подмигивает звёздами,
И всё поигрывает ветками.
Со всеми дружит он и знает,ся,
И жизнь в недолгой этой праздности
Как будто снова начинается –
С морозной свежести и ясности!

В книгу это стихотворение попадет только в 1969 году в новой редакции и под новым названием – «Январское».

Строка «И сам *в дорогу** отправляется» читается теперь: «И сам *на праздник* отправляется». В окончательном варианте текста «И жизнь *в недолгой* этой праздности» исправлено на «*в короткой*».

Автор отказался от строки «Не за упряжками обозными», заменив ее строкой принципиально иного содержания: «Лесами тёмными и грозными».

После 16-ой строки газетного варианта появляется дополнение:

И льдинки отвечают звонами,
А он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой, с поклонами
Счастливого прожитому году.

-----
* Здесь и далее выделено мною. – Р.М.

Стоит отметить, что публикация стихотворения «Январское» в «Коммунисте» ещё не учтена рубцововедами (например, в наиболее полном с текстологической точки зрения 3-х томном собрании сочинений Н.М. Рубцова (М., 2000) ссылки на череповецкую периодику отсутствуют). В то же время очевидно, что введение материалов Череповецкой городской газеты «Коммунист», связанных с Н. Рубцовым, в научный оборот поможет лучше осмыслить творческую историю не только анализируемого стихотворения, но и некоторых других произведений автора.

Новый 1966 год Н.Рубцов встречал в Череповце. 8 января два его стихотворения – «Хлеб» и «Доволен я буквально всем...» — открывают первую в наступившем году «Литературную страницу» газеты «Коммунист». Первое затем появится в книге «Последний пароход», второе – в сборнике «Душа хранит».

22 января 1966 г. на «Литературной странице» печатается ещё одно стихотворение поэта:

***

Он поднял флаг
над сельсоветом,
Над тихой родиной своей,
Над всем старинным белым
светом

Он поднял флаг!
Он дорожил большим доверьем,
Смотрел, мечтая, далеко,
Не изменил родной деревне,
Когда ей было нелегко.
Он не стремился к личной славе,
Не верил скучным голосам.

Он знал, кто едет, тот и правит, -
И в трудном деле правил сам!
За изобилье в каждом доме,
За добрый говор - напрямик
Он твердо шел, собою скромн
И одновременно велик.

В дальнейшем стихотворение получит название «Рассказ о коммунисте». Но достойная коммуниста газетная строка: «Смотрел, мечтая, далеко» заменится на «И даже / Брошенный женой».

Опубликованные в январе 1966г. стихотворения прошли в газете с подачи заместителя редактора В.В. Викулова, он принимал поэта в редакции. Я Николая Рубцова в этом году не увидела.

Самое яркое присутствие поэта в «Коммунисте» относится к 1967 году. История публикаций этого года оставила незабываемый след в моей жизни.

...Редакция располагалась на третьем этаже производственного здания городской типографии с высоченными потолками и огромными окнами, в одно из которых упирался редакционный коридор сразу за входной дверью с лестницы.

В тот день, в первой половине мая, мы, несколько сотрудников, возвращались в редакцию после обеда. В коридоре, у окна с видом на улицу Комарова, правым боком к входящим стоял человек, легендарный облик которого нельзя было не узнать сразу. Невысокий, в длинном тёмном пальто, с непокрытой головой, но с шарфом вокруг шеи... Рубцов...

Он не шелохнулся. Не перевёл взгляда.

Печать отрешённости на всём его облике смутила нас, и мы тихо прошли у него за спиной в свои кабинеты.

В отдел культуры тотчас же кто-то заглянул:

- Рубцов в коридоре стоит, видела?
- Да.

Зазвонил телефон. Заместитель редактора, куратор моего отдела Валентин Васильевич Викулов сказал:

- Рубцов в Череповце проездом. Ему нужны деньги. Я уже передал его стихи в машбюро, читайте и определите, что возьмёте.

Я вышла в коридор. Поэт оставался всё в той же позе.

В машбюро стихи были уже отпечатаны. Целая подборка. Я вычитала машинописные тексты, сверяя их с авторскими. Большое стихотворение «Русский огонёк» было написано от руки на двух листках нашей редакционной бумаги очень чётким, ровным и, как мне показалось, почти женским почерком.

Я оставила для публикации всё: «Русский огонёк», «Ночь на родине», «Звезда полей», «Шумит Катунь», «Утро», «Сапоги мои...», «Осенние этюды».

В редакции было правилом выплачивать гонорары за уже опубликованные материалы. Но здесь был особый случай. В.В. Викулов торопил меня, чтобы предъявить стихи для оплаты бухгалтеру (платили за стихи в газете не построчно, а за каждое стихотворение, профессионалам побольше, а начинающим авторам, конечно, меньше, до полутора рублей).

С подборкой в руках я направилась в кабинет зам. редактора почти за спиной Рубцова.

Поэт стоял у окна всё так же.

Вышла из кабинета. Остановилась за ним шагах в трёх...

Николай Михайлович мог ожидать завершения дела в кабинете В.В. Викулова, брату которого, поэту Сергею Викулову, он писал доверительные письма с осени 1964 года. Или в кабинете у Бориса Константиновича Ромодина, выпускника Литературного института, с которым в Вологде его знакомил у себя дома поэт Александр Романов.

Но Рубцов стоял в коридоре; одиноко, неприступно, как изваяние...

Мне не пришло в голову попросить Валентина Васильевича познакомить нас. Но как же хотелось окликнуть поэта:

- Николай Михайлович! (А может быть, просто – Николай... Ведь мы были почти ровесники...)

Я постояла-постояла за его спиной и не осмелилась...

Из семи предложенных Н. Рубцовым стихотворений 21 мая 1967 года на «Странице выходного дня» в рубрике «Любителям поэзии» газета публикует пять, предваряя их следующим вступительным текстом:

«Стихи Николая Рубцова *хорошо* (выделено мною – Р.М.) знакомы любителям поэзии.

Рубцов – наш земляк-вологжанин, сейчас студент Литературного института имени М.Горького.

Первая книга поэта была издана в прошлом году Северо-Западным книжным издательством, а совсем недавно, в Москве, в издательстве «Советский писатель» вышла его новая книга стихов «Звезда полей».

На днях Н. Рубцов побывал у нас в редакции, оставил новые стихи. Почитайте их, и вы хорошо почувствуете главное в лирике поэта – его неизменно глубокое чувство к Родине».

Оценим выбор поэта глазами сегодняшнего читателя.

Открывает подборку стихотворение «Ночь на родине». Его ещё нет в вышедшем столичном сборнике «Звезда полей». Через два года оно будет открывать третью книгу Н.Рубцова «Душа хранит».

Следующее – классическое стихотворение «Звезда полей», присутствовавшее уже в первой книге поэта, – дало название и первой столичной книге Н. Рубцова.

Ещё два стихотворения – «Утро» и «Сапоги мои...» (книжное название – «Сапоги мои – скрип да скрип...») предложены поэтом из сборника «Звезда полей», ещё широко не известного читателям.

Газетные тексты четырёх произведений («Ночь на родине», «Звезда полей», «Утро» и «Сапоги мои...») соответствуют своим книжным вариантам. Стихотворение «Шумит Катунь» появится в книге «Душа хранит» в новой редакции и уже с посвящением В. Астафьеву.

В нашем газетном варианте в стихотворении 20 строк. Из них книжному варианту соответствуют 8 начальных. Далее в газете:

Катунь, Катунь – *великая* река!
Поёт она *нерадостные* мифы,
Как гунны шли и пировали скифы,
Опустошая эти берега.
Прошли года. Ещё прошли года.
Всё потонуло в ветреном и мглистом, –
И лишь Катунь, как древняя орда,
Несётся с воем, гиканьем и свистом!

Через два года в книге отредактируется строка-обращение:

«Катунь, Катунь – *свирепая* река!» Сохранится следующая за ней строка. Шесть последующих заменятся новыми, за ними автор добавит ещё четыре строки. Завершающееся четверостишие останется в нашем газетном варианте.

Два стихотворения из семи предложенных Рубцовым (оба присутствовали в книге «Звезда полей») – «Русский огонек» и «Осенние этюды» – остались неопубликованными в газете. В отдел они вернулись с пометами на полях. Один редактор заметил: «Насчёт этих стихотворений много разных мнений.

Как считаете Вы?» Другой, по прочтении, резюмировал: «Ну и жуткая жизнь. Тоска, одиночество. Прямо на луну выть хочется».

Оба редактора, не подписав материал в печать, могли спокойно опустить листки в корзину. Но они вернули их на мой стол. (Думаю, это был акт доверия, уважения к мнению зав. отделом, а ещё и вразумления, что отбирать для газеты). Благодаря этому эпизоду в моём архиве сохранились реальные, а не выдуманные теперь редакторские отзывы на произведения поэта при его жизни.

Можно подумать, что так читали и воспринимали Рубцова только провинциальные редакторы. Но нет. В газете «Правда» 15 января 1971 года, за три дня до смерти поэта, в статье «Языком лирики о современности», большая часть которой была посвящена анализу книг Рубцова «Звезда полей» и «Сосен шум», проявляется как бы установочная позиция: «И если в предыдущем сборнике поэта нередко пробивалась меланхолическая интонация, то теперь чаще звучит интонация жизнеутверждающая... Эти новые шаги Николая Рубцова следует приветствовать», – отмечал автор статьи. И ещё, цитируя Рубцова, столичный критик писал: «...Любя деревню, заявляя, что *“легче там, где поле и цветы”* (выделено мною – Р.М.), Николай Рубцов не страдает ограниченностью кругозора, не замыкается в пределах деревенской околицы». Но теперь-то, спустя почти четыре десятилетия после появления стихотворения «Зелёные цветы», одного из самых «рубцовских», мы понимаем, какую на самом деле выстраданную мысль стремился «заявить» поэт современникам:

Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Считается, что у стихотворения «Русский огонёк» (1967 г.) есть первый

вариант под названием «Хозяйка» (1965 г.). Но теперь, благодаря сохранившемуся оригиналу, представленному поэтом череповецкой газете, мы имеем промежуточный вариант и можем анализировать, как работал над своими произведениями Рубцов-редактор. Предлагаю стихотворение с сохранением всех авторских знаков препинания.

Русский огонёк

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо бледное, без звёзд, —
Какая глушь! Я был один живой,
Один живой в бескрайнем мёртвом поле!
Я шёл вперёд со всею силой воли!
Но окружал меня звериный вой...
И вот – о, друг рискованных дорог!
Кто по тебе в скитаниях не плакал? —
Блеснул живой, спокойный огонёк
Среди снегов томительных и мрака,
Среди безлюдья...

В мёрзлое стекло
Я постучался мёрзлою рукою,
И на печи, где было так тепло,
Отогревался, радуясь покою.
Хозяйка тупо слушала меня:
Уж в тусклом взгляде

Жизни было мало,
И неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Как много жёлтых снимков на Руси!
Их вид порой грустнее эпитафий.
Как больно снова душу поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнём, враждой земля полным-полна, —
И близких всех душа не позабудет!..
- Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал: - Наверное, не будет...
- Дай бог, дай бог... Ведь всем не угодишь,
Да от раздора пользы не прибудет...
И вдруг опять: - Не будет, говоришь?
- Нет, говорю, - наверное, не будет!
- Дай бог, дай бог...

И тускло на меня
Опять смотрела, как глухонемая,
И головы седой не поднимая,
Опять склонясь, дремала у огня...
Что снилось ей?
Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье,
Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья.
- Господь с тобой! Мы денег не берем...

- Простите... Что ж... Желаю вам здоровья!
- За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,
За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле – и нет тебе покоя!

В «Осенних этюдах» совсем немного различий с книжным вариантом.
Приведу эти строки.

Газета:

И каждый раз, *воспрянувши душою...*
Овеянное сказами и былью...
Исчезнет даже память о себе ...
Мираж пропал! Я весь похолодел!..
Когда увидят вдруг, что ты один!..

Книга (сборник «Звезда полей»):

И каждый раз, *себя преодолевая...*
Овеянное *сказками* и *былью...*
Исчезнет даже память *о тебе...*
Мираж пропал. Я весь похолодел...
Когда увидят вдруг, что ты один...

15 сентября 1967 года на четвёртой полосе «Коммуниста» был помещён снимок Александра Тихомирова, на нём – А. Яшин, А. Романов, В. Белов. Фотоснимок сопровождался следующим текстом Л. Александрова: «Утром 24 августа от причала судостроительного завода отошел в необычный рейс небольшой теплоход. На борту – группа писателей Москвы, Вологды, Ленинграда. Все 10 человек, за исключением коренного москвича Дмитрия Голубкова, вологжане: Николай Кутов, Николай Рубцов, Борис Чулков, Виктор Коротаяев, Леонид Беляев, Александр Романов, Василий Белов, Сергей Чухин, Александр Яшин».

Почему-то сообщение печаталось с большим опозданием. Это путешествие по маршруту Череповец-Вытегра, с остановками для встреч с читателями в Кириллове, Белозерске, Липином Бору, Вытегре и Оште составило основу содержания известного стихотворения Н. Рубцова «Последний пароход» (1968), посвящённого памяти А.Я. Яшина.

28 октября 1967 года на «Литературной странице» вновь присутствуют два стихотворения поэта. Первое из них следующее:

***

Она совсем ещё ребёнок –

И ясен взгляд, и голос тонок,
Она совсем ещё дитя –
Живёт, *пугая и шутя*.

- Давай походим тёмным лесом!
Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.

- Давай сбежим скорее в поле!
Давай посмотрим на зарю!
И я иду за ней без воли
И тоже что-то говорю,
Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне и легко, и одиноко.

И вот она уже грустна,
И вот уже серьёзней встречи, —
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!

Стихотворение появится в первом посмертном издании поэта с добавлением завершающего четверостишия:

Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом

Та одинокая скамья?

Оно и даст название стихотворению — «Зачем?»

В книге Н. Рубцова «Избранная лирика» (Северо-Западное книжное издательство, 1974 – Л.З.) стихотворение ошибочно помечено звёздочкой, как публикуемое впервые.

Второе опубликованное в этом номере «Коммуниста» стихотворение Н. Рубцова – «Гуляевская горка». Оно появится только в третьей книге поэта «Душа хранит». Первое газетное четверостишие «Гуляевской горки» соответствует книжному. Далее, во втором четверостишии:

Газета:

Глухих преданий добрые уста.

В конце стихотворения точка.

Книга:

Простых преданий...

Многоточие.

18 сентября 1968 года в «Коммунисте» печатается рекламная «Литературная страница» «У нас в гостях журнал «Наш современник». Издание возглавляет С.В. Викулов. Н. Рубцов представлен двумя стихотворениями – «Старый конь» и «Фальшивая колода» (оба входили в рубцовский сборник «Лирика» 1965 года). А в это время поэт настолько далёк уже от «Фальшивой колоды», что далее не поместит стихотворение ни в одном из прижизненных своих изданий – ни в 1969, ни в 1970 году.

7 мая 1969 года вновь у нас в гостях «Наш современник». Журнал сообщает читателям о своих литературных предпочтениях, но имени Н. Рубцова в анонсе нет. Нет его и на страницах нашей газеты в течение всего этого года.

17 октября 1970 года «Коммунист» сообщает: *«Сегодня мы печатаем произведения наших гостей – писателей России, которые приехали в наш город для встречи с читателями»*. Представлены поэты Сергей Викулов, Виктор Боков. Александр Романов, Сергей Михалков.

В 1970 году публикаций произведений Рубцова в газете нет.

1971 год. Сообщения о смерти поэта в газете не было.

P.S. Работать в газете «Коммунист» я начала 29 апреля 1965 года. С этого момента я и перелистывала страницы газеты. В этом году сошлись два события.

10 августа 1965 года «Коммунист» напечатал сообщение ТАСС:

«Улица Сергея Есенина.

Рязань. Имя Сергея Есенина присвоил исполком Рязанского городского Совета депутатов трудящихся одной из центральных магистралей города в связи с исполняющимся осенью 70-летием со дня рождения поэта»

8 сентября этого же 1965 года в Северо-Западном книжном издательстве была подписана в печать первая книга Николая Рубцова...

Но только теперь, когда мы уже отметили семидесятилетие Николая Рубцова, давно назвали улицу в его честь, поставили памятники поэту и величаем его в одном ряду с Есениным и другими классиками отечественной литературы, мы начинаем вникать в ту сокровенную суть его поэзии, которую он выстрадал всей своей жизнью...

28 апреля – 15 ноября 2006 г.

Р.С. Минина

19. Журналист **Виталий Николаевич Минин** слышал выступление Николая Рубцова в Вологде и написал об этом воспоминания.

Звени, звени тихонечко...

Это было ещё в Вологде, в конце пятидесятих годов прошлого столетия, когда вологодские поэты, писатели, художники, журналисты жили одной дружной семьёй: все знали друг друга, ходили в гости, все были «одинаково незначительные». Тогда в коридоре редакции можно было запросто встретиться с гостями-земляками: Александром Яшиным, Сергеем Орловым, Сергеем Викуловым, или ещё с кем-то из столичных. Моя жена Римма Минина работала в газете «Вологодский комсомолец». А я, распрощавшись с капитанским

мостиком и штурвалом парохода «Иван Папанин», по решению комсомола стал инструктором и организатором молодёжи Вологды. Лекции, фестивали, спортивные кроссы, пионерские лыжные соревнования, выпуск городской сатирической газеты «Крокодил идёт по городу» (витрина которой размещалась на парковой ограде у площади Революции под окнами обкома партии) – всё это входило в мои обязанности. А сатирические строки под карикатурами на «героев городской жизни» – стилист и дебоширов молодёжных вечеров и вечерних улиц – писал начинающий поэт, студент Вологодского пединститута Виктор Коротаев. Кстати, это ещё не очень известная страница поэтического творчества Виктора Коротаева.

Однажды, придя с работы, Римма сказала:

- Представь, у нас ещё один поэт объявился: Николай Рубцов. Учится в литинституте. Его Оля Фокина хорошо знает.

Этот разговор был не случаен. Жена ещё в институте интересовалась вологодской литературой, была участником семинаров молодых авторов на секции критиков, её рекомендовал писатель Виктор Васильевич Гура, у которого она училась. И у неё тогда уже, как я запомнил, появилось предчувствие гениальности стихов Рубцова. И в этом отношении она ещё больше утвердилась после выхода первых книг молодого поэта.

Первый наш разговор о Рубцове был перед самым отъездом весной 1964 года в Череповец, куда направили меня работать собственным корреспондентом газеты «Красный Север». Жена поехала собкором областного радио. До Череповца тогда доходили лишь отголоски неустроенного житья-бытья поэта Николая Рубцова, хотя уже появились его стихи в центральных изданиях и журналах. Однако вологодские литераторы и редакции как-то насторожённо принимали стихи Николая Рубцова. С большим трудом в Северо-Западном издательстве в 1965 году вышел первый сборник стихов Николая Рубцова «Лирика».

Но широкая натура быстро восходящего поэта Виктора Коротаева, чуткость Александра Романова, добрые слова наставника вологодских писателей Александра Яшина, поддержка Бориса Чулкова сказались на судьбе Николая Рубцова. Писательская организация стала хлопотать перед властями о предоставлении поэту Рубцову жилья в Вологде.

Николая Рубцова слышали и земляки. Вспоминаю, как весной 1967 года я ездил в Вологду на очередное совещание собственных корреспондентов газеты «Красный Север». Кажется, оно совпало с областной конференцией журналистов. Наш литературный шеф печати от обкома партии Василий Тимофеевич Невзоров пригласил всех на литературный вечер в Городской дворец культуры. Народу было много – полный зал. В фойе – книжный базар. Первыми на вечере читали стихи вологодские поэты – Борис Чулков, Александр Романов, Виктор Коротаев. Потом ведущий представил молодого поэта Николая Рубцова. Зал бурно приветствовал сообщение о том, что у него только что вышел первый сборник стихов в Москве в издательстве «Советский писатель».

На сцену вышел молодой человек в очень скромном костюме и негромко начал читать первое стихотворение.

В зале тишина. После темпераментного Виктора Коротаева, его «хрястнув об стену кадилом, пошёл слесарить на завод», простые слова Николая Рубцова тихо входили в душу. Читал он спокойно: «Звезда полей», «Букет», «Тихая моя родина...». Мне показалось очень необычным стихотворение «Таковы на Руси леса», словно говорил он о чём-то родном и знакомом. «Сапоги мои скрип да скрип», а потом «и под каждой берёзой гриб – подберёзовик, и под каждой осиною гриб – подосиновик»... Словно я сам иду-бреду с автором по нашим северным перелескам...

С литературного вечера я уходил со сборником стихов Николая Рубцова «Звезда полей». Издатель во вводной статье написал об авторе: «Главное в лирике Н. Рубцова – глубокое чувство любви к Родине, кровная связь с родным

краем». Сегодня я услышал этот голос живьём. Тираж сборника – 10 тысяч экземпляров. Народная цена – 15 копеек. Николай Михайлович Рубцов – Москва. «Советский писатель»...

Спустя годы, я часто думаю об этом человеке. Конечно, слышал о «пьяных похождениях» Рубцова. Знаю многих из тех, кто был с ним в застольях и кто оказался рядом в тот январский день, когда случилось несчастье. Но это были мгновения слабости человеческой. А поэт Николай Рубцов, который так скитался и страдал и так много успел сказать в своих стихах... Это несовместимо с тем, что иногда несёт недобрая людская молва о нашем Николае Рубцове.

В стихотворении «Русский огонек» Рубцов сказал: «Я был совсем как снежный человек»... В переносном смысле. Он и был таким неизвестным среди нас.

...Летом обычно мы с родными живем на Суде в удивительном месте – в посёлке Сойоловское Череповецкого района. Это поэтическая колыбель другого поэта России – Игоря Васильевича Лотарева, известного как Игорь Северянин. В деревню Сойоловскую приезжают гости из Москвы, Питера. Из Эстонии. Из Вологды. Это место на реке Суде для отдохновения, для души. С нами всегда рядом рубцовские строчки:

Окошко. Стол. Половики.
В окошке – вид реки...
Черны мои черновики,
Чисты чистовики.
За часом час уходит прочь
Мелькают свет и тень.
Звезда над речкой – значит, ночь.
А солнце – значит, день.

Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать – черновики.

...Вечерами у костра часто вспоминаем Николая Рубцова. Хорошо, что живёт и отдыхает рядом на даче ещё один поэтический человек – наш металлург и череповецкий бард Александр Волков. Он любит песни Николая Рубцова, сам сочиняет музыку на стихи поэта и поёт эти песни под гитару. Иногда, под настроение, Александр Волков выступает со своими песнями на бардовских фестивалях и тусовках. У него целый цикл своих песен на стихи Николая Рубцова. Моя любимая песня в исполнении Александра Волкова – это «Старый конь»:

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь.
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь.

...Тихий, слегка слышный голос гитары вдруг прерывается яростным, надрывным и почти на пределе надтреснутом криком басовой струны... Всё это удивительно передаёт настроение рубцовских стихов и песен. С его героями переживаешь в светлой горнице, шагаешь волоком до Вологды, мчишься на велосипеде за букетом полевых цветов, веришь в обещание «в Ялте отдохнуть». И хочется плавать, плавать, плавать...

Виталий Минин

Супруги Минины живут на улице Милютина, 13.

20, 21. Римме Сергеевне Мининой была подарена книга Рубцова «Лирика» – с автографом Николая Михайловича. Подарила её **Кормановская Антонина Петровна**, работник Центральной городской библиотеки имени В.В. Верещагина, и рассказала о своей встрече с Рубцовым в **книжном магазине** на улице **Металлургов, 30**.

А.П. Кормановская

Книжный магазин на улице Металлургов, 30

Римма Сергеевна Минина пересказала эту историю:

«Однажды Тонечка в книжном магазине на улице Metallургов, 30 встретила журналиста из газеты «Ударная стройка» Ивана Билька. С ним был невысокий молодой мужчина. Это оказался Николай Рубцов. Бильк познакомил Тонечку с Рубцовым.

А его стихи Тонечке очень нравились.

Она тут же подошла к отделу поэзии, купила сборник стихов Рубцова «Лирика» и попросила у автора автограф».

Осенью 2012 года в городском Филармоническом собрании праздновалось 140-летие городской библиотеки. И Римма Сергеевна Минина в память о поэте Рубцове и замечательном человеке и библиотекаре Антонине Петровне Кормановской передала этот бесценный экземпляр из своего архива Центральной городской библиотеке имени В.В. Верещагина.

Антонина Петровна Кормановская жила на улице Комсомольской, 37.

22, 23. Журналист **Людмила Петровна Степанова**, работавшая в редакции газеты «Сельская новь», рассказала о встрече с Николаем Рубцовым, произошедшей **30 ноября 1966 года**.

Л.П. Степанова

Здание (зелёное) на улице Ленина, 46, где в 1966 году находилась редакция газеты «Сельская новь».

Прикоснувшись к Рубцову

Был 1966 год.

В апреле моя жизнь повернулась совсем в другое русло: я пришла в коллектив редакции газеты «Сельская новь». Стала делать газету: ответственным секретарём.

Наступил ноябрь. Отпуска кончились, корреспонденты ездят по сельским весям, а я делаю очередной номер газеты – его надо вовремя отнести в типографию, чтобы наутро свежий номер лежал в почтовых ящиках горожан

и селян.

30 ноября утром, часов в десять, в мой кабинет вошли трое мужчин и спросили редактора Александра Васильевича Адяева.

Спрашиваю:

- А вы кто и откуда?

Мужчины заулыбались и сказали:

- Давайте познакомимся.

Тот, который повыше, представился:

- Я Александр Романов.

Это имя на слуху. Поэт.

Второй протянул руку:

- Я Борис Чулков.

Тоже поэт, знаю.

Третий, самый маленький, очень молчаливый, стеснительно улыбнулся и сказал:

- Я Николай Рубцов, пока мало известный, но тоже поэт.

Вышел редактор на наш разговор и увёл их в свой кабинет, попросив секретаря, Таню Капурину, подготовить для гостей чай.

О чём они беседовали? Не знаю, но довольно долго. Потом редактор зашёл ко мне и сказал, что в следующую неделю нужно сделать литературную страницу и опубликовать стихи наших гостей из Вологды, в том числе и Николая Рубцова. Но гонорар попросил бухгалтера выплатить до опубликования, сразу.

Уходя, Александр Романов и Борис Чулков подарили мне свои сборнички стихов, а у Рубцова сборничка не было, мы просто попрощались.

После их ухода Александр Васильевич сказал, что Николай Рубцов всего один сборничек имеет; он сирота и очень нуждается в деньгах. И добавил, что Романов и Чулков поведут Рубцова ещё и в другие газеты.

Николай Рубцов так и остался в моей памяти тихим, очень скромным,

молчаливым человеком, но глаза его просто горели на лице – такая в них была сила и вызов, словно он говорил: да, я такой!! Такой!

Редакция нашей газеты тогда находилась в небольшом двухэтажном «особнячке» на улице Ленина, дом № 46. Мы прозвали этот дом «Ласточкиным гнездом».

Позднее, когда я перешла работать в газету «Ударная стройка», имя Николая Рубцова уже было на слуху не только на череповецкой земле, но и в Москве, Ленинграде. И очень было жалко, что тогда, в 1966 году, в «Сельской нови», я у него ничего не спросила, мы не поговорили. Но редактор газеты, Лидия Максимовна Белорусова, с Николаем Рубцовым общалась. Он приносил ей свои стихи. Печатались они или нет, не знаю.

Встречался с Рубцовым и корреспондент «Ударной стройки» Иван Петрович Билык. Он с Рубцовым был, пожалуй, ближе. Но где они встречались – нам неизвестно.

Редакция газеты «Ударная стройка» находилась на улице Мира, 30, в управлении ордена Ленина треста «Череповецметаллургстрой», переименованного в 1976 году во Всесоюзное объединение «Череповецметаллургхимстрой».

Газета «Ударная стройка» существовала с 1949 по 1990 год, затем была преобразована в газету «Курьер».

3 декабря 2012 года.

Л. Степанова

Людмила Петровна Степанова живёт на улице Устюженской, 28.

=====

Я просмотрела подшивки газет: «Сельская новь», «Ударная стройка», «Череповецкий металлург» с 1965 года по 19 января 1971 года. Ни одного стихотворения Николая Рубцова не нашла.

Леянова З.С.

Поездка вологодских писателей по Волго-Балту

В августе 1967 года Николай Рубцов вместе с вологодскими писателями совершил на теплоходе «Теплотехник» путешествие по Волго-Балту – от Череповца до Вытегры.

Год этот был для нашей страны юбилейным: исполнялось пятьдесят лет Великой Октябрьской социалистической революции. Все трудовые достижения посвящались этой дате. Вологодская писательская организация тоже не осталась в стороне.

Под девизом «Писатели – пятидесятилетию Октября» была задумана поездка писателей по Волго-Балту. Цель поездки – знакомство писателей с новостройками, встречи с читателями. По сути, эти встречи являлись творческими отчётами писателей.

Дрыгин Анатолий Семёнович, бывший в те годы первым секретарём Вологодского обкома КПСС и благоволивший к литературным деятелям, поддержал идею о поездке.

В поездке приняли участие Александр Яшин, Александр Романов, Виктор Коротаев, Борис Чулков, Сергей Чухин, Василий Белов, Леонид Беляев, Николай Рубцов, Дмитрий Голубков и Николай Кутов. Сопровождал их представитель Вологодского обкома КПСС Георгий Соколов.

(Г.Д. Соколов жил в Вологде, но я включаю в наш сборник его воспоминания о поездке как наиболее подробные – Л.З.)

24. Георгий Соколов написал воспоминания об этой поездке. Они опубликованы в книге Михаила Сурова «Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства». Вологда, 2005. С. 705-712.

Георгий Дмитриевич Соколов

Неделя с Николаем Рубцовым

Целью поездки было ознакомление писателей с новостройками, пропаганда их творчества. Во время остановок проводились встречи с местными жителями, организовывались выступления в клубах, библиотеках, на различных семинарах и т.д.

1 августа нас всех посадили в автобус и повезли в Череповец. (В газете «Коммунист» за 15 сентября 1967 года другая дата: «Утром 24 августа от причала судостроительного завода отошёл в необычный рейс небольшой теплоход. На борту – группа писателей...». Очевидно, писателей привезли в Череповец 23 августа – Л.З.) А там нам обещали теплоходик. Приехали на судоремонтный завод, где уже собралась группа рабочих. Руководителем Вологодской писательской организации тогда был Александр Романов, он первым произнёс короткую речь и предоставил слово Александру Яшину. Затем выступали другие писатели – Коротаев, Чулков, Чухин, Рубцов, в том числе гости – Голубков из Москвы, Кутов из Ленинграда. Рубцова тогда ещё мало кто знал, у него только что вышла книга «Звезда полей».

После выступления все мы поехали в гостиницу «Ленинград», сходили в ресторан, поужинали. А на утро нам уже был подготовлен агитационный теплоходик, очень маленький. Что он из себя представлял? Две каюты наверху, четыре каюты внизу и две – в носовом отсеке.

Как только приехали в порт, ленинградец Кутов подошёл ко мне и попросил выделить ему каюту наверху.

Я поговорил с капитаном, и вопрос был решён положительно. Там же, наверху, разместился Яшин. Вся команда теплохода состояла из двух человек – капитана и матроса – симпатичной девушки Люси, которая ко всему прочему выполняла и обязанности кока (поварихи). Капитан предоставил в наше распоряжение весь теплоход, а сам с Люсей разместился на камбузе (кухне). Телевизионщики расположились в носовом отсеке, все остальные – в нижних каютах. Так и плыли до Шексны. Наутро собрали со всех деньги на продукты, чтобы был недельный запас питания. Закупились и поплыли дальше. В Чёбсаре проходила учительская конференция. На ней выступил Александр Яшин. Одна бойкая женщина что-то спросила у него о «Вологодской свадьбе». Ему это не понравилось. Тогда его книгу многие осуждали, хотя, на мой взгляд, ничего такого в ней не было.

Когда наш теплоходик подошёл к шлюзу, там стояла огромная баржа, по сравнению с которой наше судно казалось просто скорлупкой. Редактор шекснинской газеты Старчев Дмитрий Константинович пригласил всех нас к себе в гости. Все пошли, но Николай Рубцов, Кутов и Василий Белов остались. Нас повели на чудесную гидростанцию, где вода проваливалась вниз с высоты пятиэтажного дома и вырабатывала электроэнергию. Мы спустились вниз и наблюдали оттуда эту грандиозную картину. Николай Рубцов задавал много вопросов сопровождающим, поскольку был неравнодушен к воде. Особенно его интересовало то, не погибает ли рыба, падая с такой высоты. Ему объяснили, что у водозаборника стоит специальный фильтр, не пропускающий крупные предметы, и если в него попадает мелкая рыба, существенного вреда это не наносит.

На рассвете мы отправились в Кириллов. Перед Горицами был старый канал, построенный ещё в первые годы Советской власти. Наш теплоход туда пройти не смог, и мы были вынуждены переправиться к Кириллову на плоскодонках. В Кириллове вновь попали на учительскую конференцию, устроили книжный базар. На конференции выступил и Николай Михайлович Рубцов, читавший свои стихотворения «Тихая моя родина», «В горнице моей светло», «Букет», «Стукнул по карману – не звенит» и другие.

Запомнилось, как Виктор Коротаев и Николай Рубцов, встав спиной у борта судна, ловко прыгали в воду как настоящие акробаты.

Ночь провели в Кириллове, а наутро проехали в Ферапонтово, где посетили монастырь, любовались на фрески Дионисия. Заночевали. А утром поехали на теплоход. Там Николай Рубцов взял у капитана специальный резиновый костюм, доходивший ему до самой шеи, и пешком по дну отправился с корзиной за грибами на гору в ближайший лес. И вернулся оттуда уже с полной корзиной грибов. Судя по всему, собирать грибы он очень любил. И, как бывший моряк, очень любил воду.

Пока Рубцов ходил за грибами, Яшин стал ловить рыбу. Рубцов уже вернулся, а Яшин продолжал ловить. Я смотрю, время уже поджигает, к 12 часам нам нужно быть в Белозерске, плыть до места ещё несколько часов, а Яшин всё ловит рыбу и на уговоры не поддаётся. Приплыли в Белозерск уже к вечеру. Сразу отправились в Дом культуры, где нас ждали люди. Вечер прошёл нормально, писатели выступали по прежней схеме. После Дома культуры нас пригласили в столовую, где на каждом столике стояло по бутылке коньяку. Затем вернулись на пароход, и тут прибежал Беляев, начинающий поэт, который поплыл с нами дальше. Ночью теплоход встал, пережидая туман. Ко мне пришёл капитан и сообщил новость: «Фридрих умер».

Фридрих – это секретарь Белозерского райкома, который очень переживал за наше опоздание. Сердце у него было слабое, и наше опоздание его добило. Утром, за завтраком, я рассказал об этом писателям. Реакция была разная. Но мне показалось, что острее всех новость эту воспринял Николай Рубцов.

Затем мы приехали в Вашки, где нас встретили очень хорошо. Предложили посмотреть, как работают рыбаки. Рыбаки набросали нам на палубу много судаков. А часа в четыре все мы отправились на остров, где нас ждала рыбацкая тройная уха. Кроме того, нам выставили ни много, ни мало, по бутылке водки на человека.

Я предупредил писателей, что вечером в семь часов у нас встреча, и желательно сильно не напиваться. Они меня уверили, что всё будет в порядке. Но у всех, кроме Рубцова и Кутова, были уже красные лица. Затем, на вечере, Александр Яшин разошёлся, стал говорить, что где-то там яблоки свиньям кормят, а здесь яблок нет и т.д.

Зато Рубцов выступил очень хорошо, чётко, трезво. Его здесь принимали очень тепло. Я сидел всегда в зале, среди собравшихся, и слышу: «Вот Сашка Романов, вон Витька Коротаев». Многие действительно успевали с ними подружиться и принимали их как своих.

Вечером нас позвали в ресторан. На это дело пошли деньги, собранные для ремонта школы. Всё было очень шикарно, столы стояли буквой «Г». Я, Рубцов и Кутов сидели за коротким столом. И я заметил, что оба они водку не принимают.

Спал Николай Рубцов не в каюте, а в своеобразной прихожей между каютами в носовом отделении, на топчане. Он каждый день его застилал, но неудовольствия по этому поводу ни разу не высказал. Я его не раз спрашивал, удобно ли ему, а он всегда отвечал: «Всё нормально, всё хорошо».

В Вытегре посмотрели церковь, встретились с местным умельцем Яковом Твердовым, который изготавливал маленькие макеты церквей. В этот же вечер была устроена встреча с читателями в большом местном клубе.

А на утро Твердов пришёл к нам и снова пригласил к себе в гости. Кто к нему пошёл, я не помню, но Николай Рубцов не ходил, это точно. Твердов подарил Яшину один из своих макетов.

Затем стали обговаривать поездку на Оштинскую оборону. Нам дали всего две машины ГАЗ-69, все не влезли, и остались трое: я, Рубцов и Кутов. Одно резервное место в машине оставалось, но Александр Яковлевич посадил с собой какую-то даму из областной библиотеки.

На этом наша программа закончилась. Хотели съездить в Кижы, но судно наше уже ушло. Поехали на аэродром, на самолёт. Голубков и Кутов уехали на Череповец. Возле аэропорта успели пособирать грибы.

И тут Николай Рубцов подарил мне свою книгу «Звезда полей» с дарственной надписью: «Дорогому Георгию Дмитриевичу с чувством самого большого уважения и на добрую память о совместной (под вашим добрым и мудрым руководством) поездке. 31/VIII-67 г. Н. Рубцов».

Затем, спустя какое-то время, я встретил Николая Рубцова в Вологде. Он очень обрадовался и сказал мне такую фразу: «Мы благодарны Вам, что Вы на нас не давили».

Г. Д. Соколов

Итак, в воспоминаниях Г.Д. Соколова написано: «...нас всех посадили в автобус и повезли в Череповец. А там нам обещали теплоходик. Приехали на судоремонтный завод, где уже собралась группа рабочих...».

О том, как писательская делегация попала на судоремонтный завод, мы узнали от Николая Ивановича Шаверина 28 февраля 2012 года – в Доме знаний, на встрече, организованной клубом «Госпожа Провинция».

25. Оказывается, писателей в Череповце привезли к **пристани**.

Череповецкая пристань (фото Ю.М. Воронова)

26. Здесь они пересели на теплоход «Василий Верещагин», на котором их покатали по реке Шексне, а затем доставили к причалу **Череповецкого судоремонтно-судостроительного завода**.

Причал судоремонтно-судостроительного завода

Заводоуправление ЧССЗ. Здесь, в Красном уголке, прошла встреча писателей с работниками завода.

27. О речной прогулке на теплоходе «В.В. Верещагин» рассказал **Николай Иванович Шаверин**, работавший в то время на этом теплоходе вторым помощником капитана и вторым помощником механика.

Н.И. Шаверин

«Четвёртого апреля 1967 года я получил назначение на теплоход «Верещагин» в должности второго помощника механика и второго помощника капитана. Это агиттеплоход, большой: вмещал сто восемьдесят пять пассажиров, имел два салона (кормовой, носовой), две открытых палубы (носовая, кормовая). В кормовом салоне у нас был кинозал. Когда теплоход находился не в рейсе, в Череповце мы выполняли различные поручения: возили пионеров, возили по реке детей из подшефной школы-интерната № 2.

И вот в тот день было распоряжение директора судоремонтно-судострои-

тельного завода Захарова: принять на борт «Верещагина» писательскую делегацию, провести небольшую обзорную экскурсию по реке Шексне и к тринадцати часам прибыть к причалу ЧССЗ.

Писатели прибыли на наш теплоход. Все сразу собрались на открытой носовой палубе.

Мы пошли до Череповецкого промышленного порта малым ходом. Развернулись и пришли к судоремонтно-судостроительному заводу. Ошвартовались.

И затем мы все, и я в том числе, пошли в Красный уголок.

Красный уголок уже был полон народа. Я сидел во втором ряду слева от прохода. И вот когда Романов представил Рубцова, кратко рассказал его биографию и сказал, что тот служил на Северном флоте, меня это дело заинтересовало, поскольку я тоже служил на Северном флоте, а осенью 1966 года демобилизовался.

Когда встреча закончилась, когда писатели выходили со сцены (сцена небольшая, невысокая), я остановил Рубцова и сказал, что тоже служил на Северном флоте, в прошлом году демобилизовался. Он сразу поинтересовался, какие корабли сейчас. А Северный флот как раз в 1966 году только-только начал модернизироваться, стали поступать новые военные корабли. Ну, я рассказал, что знал. Наш разговор продолжался минуты три. Рубцов сказал: «Мне снова хочется побывать в тех краях, где я служил».

Выступление Н.И. Шаверина было записано на видео 28 февраля 2012 года. В Дом знаний были приглашены некоторые участники тех незабываемых событий 1967 года и общественность города.

Встречу организовал клуб «Госпожа Провинция».

Видеосъёмку произвела В.В. Машкова.

Рассказ Шаверина записала Лелянова З.С.

Николай Иванович Шаверин живёт на проспекте Победы, 132.

28. На встрече работников ЧССЗ с вологодскими поэтами в 1967 году присутствовала и **Клавдия Васильевна Марченко**, представитель горкома КПСС.

Воспоминания о Николае Рубцове

В августе 1967 года мне, как представителю горкома КПСС, было поручено встретить группу писателей и поэтов Вологодчины, совершавших поездку по Волго-Балту.

Солнечным днём мы с директором Череповецкого судоремонтно-судостроительного завода, Вилем Ивановичем Захаровым, поджидали на причале ЧССЗ агиттеплоход «В.В. Верещагин» с творческой группой на борту.

Первым на причал сошёл Александр Яковлевич Яшин. Я уже знала его стихи, мне нравилась его поэзия: и фронтовая лирика, и гражданская, и стихи о любви сильного и зрелого человека. Но самого Яшина я видела впервые. Это был высокий, красивый, стройный мужчина, безукоризненно одетый, в тёмном костюме. Удивительно добрые, со смешинкой, глаза смотрели на нас. В свои пятьдесят четыре года он выглядел очень молодо.

Следом за ним сошли остальные десять человек – все гораздо моложе Яшина, озорные, весело улыбающиеся.

Поздоровались. Виль Иванович спросил, довольны ли они прогулкой. Молодёжь хором ответила: «Очень!». Захаров пригласил всех пройти в Красный уголок.

Красный уголок был полон народа. Все хотели увидеть известных земляков и, прежде всего, Яшина. Именно он был тогда самым знаменитым вологодским поэтом.

За стол президиума сели директор завода и Александр Яшин. Виль Иванович предоставил слово Яшину, который тепло приветствовал собравшихся. Затем Александр Яковлевич назвал своих спутников: Романова, Коротаева, Белова, Чулкова, Чухина и других.

Все ждали стихов.

И вот Яшин начал читать. Спокойным, вологодским окающим говорком.

Мы слушали, затаив дыхание. Каждый находил в его стихах что-то

своё, близкое, родное. Казалось, его поэзия – это светлый родничок, прикосновение к которому духовно обогащает тебя. Это было незабываемо. На всю жизнь в моём сердце осталось: «Спешите делать добрые дела...»

Потом стихи читали молодые поэты. Представляя Леонида Беляева, Яшин поздравил его с недавней женитьбой. И все зааплодировали.

Люди с восторгом слушали каждого выступавшего. Задавали много вопросов. На все получали исчерпывающие ответы. Атмосфера в зале была добрая, тёплая.

Ярко выступил Александр Романов. После чтения своих стихов он представил Николая Рубцова, рассказал, что Рубцов – студент пятого курса Московского литературного института имени Горького; что до института Николай четыре года служил на Северном флоте.

На сцену вышел молодой человек среднего роста, худенький, одет в шёлковую рубашку с коротким рукавом (их тогда называли «бобочки»). Рубашка была в полосочку: зелёную и вишнёвую. (Позже мне сказали, что Рубцов очень любил зелёный цвет).

Николаю Рубцову, оказывается, тогда шёл тридцать первый год, а выглядел он гораздо моложе. Но, как только он начал читать свои стихи, я почувствовала в нём настоящего, большого поэта.

И что ещё удивительно: как только он начал читать, показалось, что он просто рассказывает о том, чем постоянно были заняты его мысли: о Родине, о природе, о любви. Спокойно, без лишнего пафоса и без жестикуляции. А за душу брало! Мы тогда впервые услышали стихи «Тихая моя родина», «В горнице», «Душа хранит», «Журавли».

Прошло столько лет, а встречу эту до сих пор помню! И больше всех мне запомнился Николай Рубцов. Видимо, было уже тогда в нём что-то такое, что предвещало большого поэта. Рубцова в ту пору ещё мало знали в Череповце.

Тираж вышедших двух его поэтических сборников был невелик. Я стала следить за творчеством Рубцова. Покупала его книги. С удовольствием читала его лирические стихи. Мне также очень нравились и стихи о животных: «Медведь», «Ласточка», «Воробей», наполненные тонким психологизмом и чувством причастности ко всему живому.

Николай Рубцов уже в самом начале своего пути стремился подняться к высотам поэтического творчества. И это ему удалось. Его зрелые стихи полны народности, человечности, любви к России.

*Ноябрь 2011 года
Череповец*

К.В. Марченко

Клавдия Васильевна Марченко живёт в доме № 9 по ул. Милютина

В воспоминаниях Г.Д. Соколова написано: «После выступления все мы поехали в гостиницу «Ленинград...».

29. Гостиница «Ленинград» находится на бульваре **Доменщиков, 36** (прежнее название – улица Бульварная).

Гостиница «Ленинград» (фото А. Хейфеца)

На следующий день писатели отправились в путь по Волго-Балту.

30. Александр Тихомиров, череповецкий кинооператор, снял фильм об этом путешествии.

Теплоход «Теплотехник» (кадры из фильма, снятого А.А. Тихомировым)

Воспоминания о Н. Рубцове

Об одном замечательном событии в жизни Николая Рубцова, да, пожалуй, и всей Вологодской писательской организации пойдёт речь в этой короткой статье.

В августе 1967 года я был назначен кинооператором для съёмок документального телефильма "Незабываемые дни". Автором фильма был поэт Леонид Беляев, режиссёром - Николай Казанкин. Нашей задачей было показать и рассказать в фильме об увлекательной поездке группы писателей и поэтов на специально выделенном небольшом теплоходе по Волго-Балтийскому водному пути от Череповца до Вытегры. В это путешествие были приглашены поэты Александр Яшин и Дмитрий Голубков из Москвы, ленинградец Николай Кутов, вологодские поэты Александр Романов, Николай Рубцов, Виктор Коротаев, прозаик Василий Белов и менее тогда известные Сергей Чухин и Борис Чулков. Всех нас разместили в небольших уютных каютах на теплоходе.

Как только теплоход отошёл от Череповца, все собрались в кают-компании (столовой) и стали близко знакомиться друг с другом. Со всеми участниками необычного путешествия я быстро нашёл общий язык, точнее сказать, подружился. В этот вечер Николай подарил мне одну из своих первых книжек - "Звезда полей" с автографом.

Утром обсудили сценарий и наметили план съёмок. Мне было указано больше уделять внимания поэту Александру Яшину. И это не удивительно: он был тогда Величиной.

Первая творческая встреча поэтов с местными рыбаками состоялась в Вашкинском районе на берегу реки в посёлке Липин бор. В тесном кругу у костра поэты читали свои лучшие стихи, попивая водку, захлёбывая царской ухой, сваренной в котле по особой технологии. Я наблюдал за всем этим и снимал наиболее интересные моменты. Затем мне предложили отложить кинокамеру и «припарковаться» ближе к костру. Я с удовольствием принял предложение. Было очень шумно и весело, как в улье. В отличие от всех, Рубцов мне в тот вечер запомнился скучным и немногословным. Также читал какие-то свои стихи. Затем вечер продолжился в местном кафе. Потом таких встреч будет ещё много.

На следующий день рано утром меня разбудил режиссёр (Николай Александрович Казанкин – Л.З.). Теплоход подходил к Кириллову.

Я взял кинокамеру и поднялся на верхнюю палубу.

Было тихо. Почти все ещё спали. Но в носовой части теплохода я увидел одиноко стоящую фигуру Николая Рубцова. Он задумчиво смотрел на приближающийся Кирилло-Белозерский монастырь. На ветру через плечо трепыхался его шарф. Я включил кинокамеру и незаметно начал снимать. Он даже не обратил внимания. Этот эпизод был одним из лучших в фильме, использовался в других материалах.

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду, –
Скажите мне, кто был тогда не рад?

Смеясь, ходили мы по пароходу.

(Н. Рубцов. Последний пароход)

Кроме встреч, были ещё, так называемые, «зелёные стоянки». Выезжали на лодке рыбачить. Однажды в лесу увидели рябину. Облепили её как дети. Смеялись, рвали ягоды и ели. У Александра Яшина есть книжка, так и называется «Угощаю рябиной».

Кроме кинокамеры, я захватил с собой фотоаппарат. Много запечатлел на фото. Эта плёнка находится в Вологодском литобъединении. Некоторые фотографии отпечатаны. Вся группа заснята в аэропорту города Вытегры перед отлётом.

Последний вечер состоялся в Вытегре, после чего все разъехались по домам.

С Николаем Рубцовым я иногда встречался в Вологде. Несколько встреч было в Череповце. Как-то после вечера поэзии, проходившего в студии телевидения, Рубцов похвалил меня за съёмки в фильме. Кстати, фильм получился интересным и имел большой успех. В знак признательности я сбегал в магазин, и мы это отметили у нас в киногоруппе.

Однажды, при встрече в студии, он попросил меня сфотографировать его для какой-то выпускающейся книжки. Перед фотографированием он заметил на мне кепку, которая ему понравилась (тогда такие серые кепки были в

большой моде). Вот в этой кепке я его и запечатлел. Фотографии получились хорошие, но остались не востребованы. По какой причине, я уже не помню. Негатив находится в литобъединении, у Александра Грязева. А кепку забрали в местный музей города Череповца. Одну такую фотографию храню дома, вклеил в книгу "Последний пароход", оформленную замечательным художником Владиславом Сергеевым.

Последний раз встречался с Рубцовым незадолго до его смерти. Как-то, находясь в командировке в Вологде, с Леонидом Беляевым зашли в гости на новую квартиру к Виктору Коротаеву. В квартире было много друзей, очень шумно. Выпивали и о чём-то спорили. Особенно азартно спорил Николай. Таким я его и запомнил.

Москва. Январь 1971 года. Я прогуливался по улице Горького и случайно встретил Виктора Коротаева, срочно уезжавшего домой в Вологду.

Я спросил:

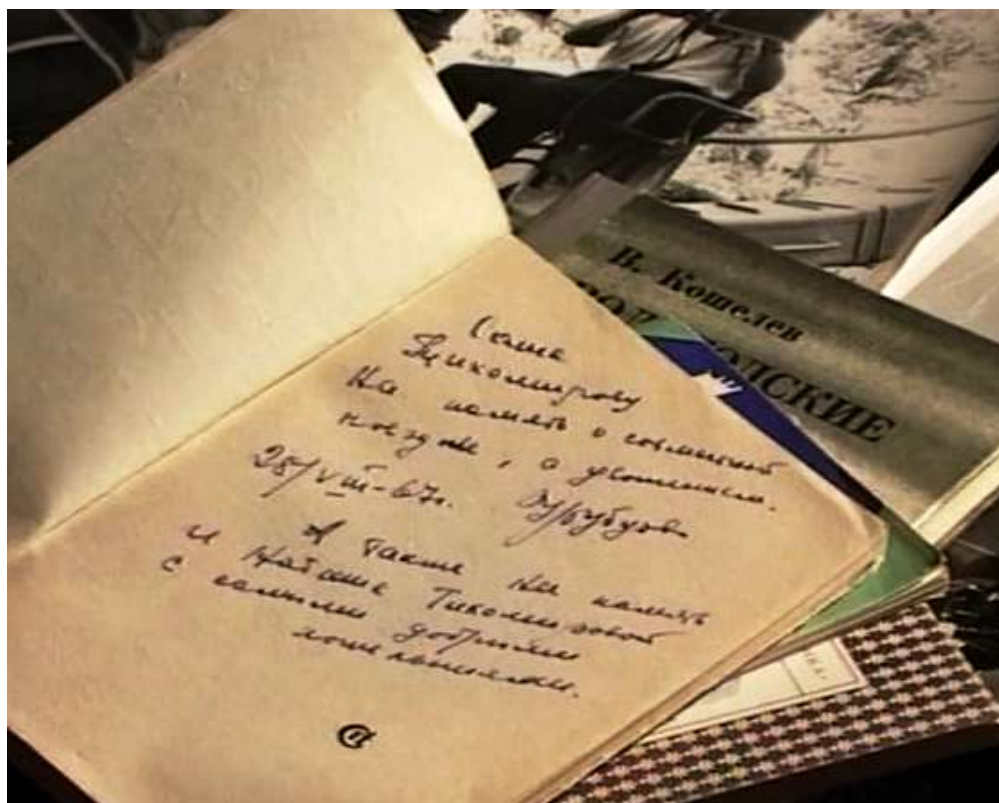
- Почему так срочно?

- Рубцов убит, - ответил он.

22 января 2006 г.

Александр Тихомиров

Книга «Звезда полей» с автографом Н.М. Рубцова

Вот она, ставшая широко известной работа А.А. Тихомирова

Александр Александрович Тихомиров живёт на улице Вологодской, 33.

31. Участвовавший в поездке по Волго-Балту поэт **Леонид Беляев** жил в Череповце на улице **Красноармейской, 100, кв. 56** (ныне этот дом значится по проспекту **Победы, 21**).

Л.А. Беляев
(Фото А.А.Тихомирова)

Беляевы жили в третьем подъезде на четвёртом этаже.
Здесь не однажды бывал Николай Рубцов

Леонид Александрович и его супруга Лидия Сергеевна не раз принимали у себя дома Николая Рубцова.

Из воспоминаний Леонида Беляева «Свой штришок в образ Николая Рубцова»

В 1964 году мы служили с В. Коротаевым в армии, в одном полку. Кто-то из Вологды нам написал о приезде туда Николая Рубцова. Тогда я впервые услышал это имя. А познакомились осенью или зимой 1965 года. Хотя я жил после армии дома у родителей в Белозерске, а с 1967 года в Череповце, но в Вологде бывал часто и встреч с Рубцовым было немало: на творческих семинарах и литературных вечерах, естественно, за столом, в разных местах. Н.М. Рубцов дважды бывал у меня в Белозерске: однажды ночевал, будучи проездом из Липина Бора. Вечером пили портвейн, ели картошку с огурцами, он играл на гармошке (кстати, она и сейчас у меня дома), я подпевал. Второй раз мы ехали в Белозерск на 1 мая на одном из первых пароходов: Рубцов, Коротаев и я. Ночевал Николай у меня в Череповце в однокомнатной квартире. Чтобы не стеснять молодых, спал на раскладушке на кухне. Сашка, мой старший сын, гордится тем, что его на руках держал Рубцов. Я тогда начал работать на TV, и Рубцов читал стихи у меня в альманахе «Северяне». Помню, как директор и цензор были недовольны тогда: уж больно много церквей и крестов у него в стихах, и в эфир всё это не пропускали. Жаль, что тогда не было видеозаписи. А на киноплёнке Рубцов и Яшин у нас сохранились – мы летом 1967 года участвовали в агитационной поездке писателей по Волго-Балту и подготовили об этом репортаж.

Есть у меня две первые книжки Н.М. Рубцова с автографами. На первой тоненькой в «Лирике» Николай написал: «Лёне Беляеву, конечно, талантливому поэту и одному из самых привлекательных людей. P.S. С условием не читать зачёркнутое». Из 25 стихотворений он зачеркнул 4, среди них, как это ни странно, и стихотворение «Я буду долго гнать велосипед».

Свою вторую книжку «Звезда полей» подарил 28 апреля 1967 года, будучи в Череповце, и подписал: «Славному Лёне Беляеву. На память о встрече в этом

ужасном городе». Почему ужасном – не знаю, хотя ясно, что из-за некоторого архитектурного однообразия, дыма, может, какие-то личные мотивы были.

Теперь о двух чисто литературных фактах. У меня было напечатано несерьёзное стихотворение «Я рос парнишкой нелюдимым...» Он написал концовку, помню:

Потом отбросил я винтовку,
пошёл с друзьями на парад.
Хочу на грудь татуировку
из лучших ленинских цитат.

Есть у нас и плод совместного творчества: это четверостишие. Может быть, не стоило бы и вспоминать, но это факт. А ведь каждый стишок, относящийся к Н. Рубцову, интересен. Да разве сейчас такое можно услышать или прочитать? Когда-то я зачитал шуточные стихи: «Мне б штаны твои с начёсом...» Николай через несколько минут говорит: «Давай доделаем стихотворение». И прочитал:

Безотрадно быть матросом.

Продолжения нет.

Автор, Леонид Александрович Беляев, в мае 1997 года трагически погиб, спасая человека.

Л.С. Беляева

32. Беляева Лидия Сергеевна.

Воспоминания о Николае Рубцове

Николай Рубцов был в нашем доме несколько раз.

Мой муж, Леонид Беляев, журналист областного телевидения, часто приглашал наших поэтов и писателей на телепередачи в телеальманахах «Северяне». Они после таких выступлений шли к нам домой «на огонёк». За столом много спорили, читали свои стихи. А Николай брал нашу гармошку,

отодвигался от стола и сразу как-то отстранённо под аккомпанемент гармони начинал петь, сначала негромко, потом сильнее: своих «Журавлей», «Осеннюю песню» (*Потонула во тьме отдалённая пристань*), «Элегию» (*Стукнул по карману – не звенит...*).

Пообщавшись, гости расходились по домам. Коля не хотел так поздно беспокоить свою сестру Галину, жившую в Череповце на Московском проспекте, и оставался у нас.

Утром, прощаясь, говорил, что ему нравится у нас бывать, нравится спокойная, тёплая, семейная обстановка. Уходя, всегда благодарил за приют.

Каким я его запомнила? Невысокий, застенчивый, в тёмном костюме. Войдя к нам в дом, спешил к детской кроватке, где лежал наш первенец маленький Саша. Брал его на руки, шутил, называл ангелом, подкидывал вверх. А Сашенька заливисто смеялся.

Меня всегда поражали Колины глаза, глаза – пророка.

Лидия Беляева

Лидия Сергеевна теперь живёт на улице Архангельской, 58.

Леонид Беляев

Памяти Н. Рубцова

Написано: «Ушёл от нас»,
Ну а куда, никто не скажет
И достоверно не докажет,
Где пребывает он сейчас.
Речь не о теле – ясно где:
Оно лишь прах земной, не боле.
Но быть не может в этой роли
Душа, подобная звезде!
Мне кажется, она живёт
В другом каком-то измеренье.
И человеческое зренье
Её уже не узнаёт.

1986 г.

33. В конце 60-х годов Николай Рубцов выступал на встрече с читателями во Дворце культуры строителей (площадь Строителей, 1).

Дворец культуры строителей

34. Поэт Игорь Воробьёв был на той встрече, познакомился с Николаем Михайловичем и позвал его к себе домой, поскольку жил совсем рядом с Дворцом (на улице **Устюженской, 4, кв. 47**).

И.К. Воробьёв

Сюда, на Устюженскую, 4, в квартиру №47, (третий подъезд, четвёртый этаж, окна квартиры выходят во двор) Игорь Воробьёв привёл из ДКС к себе домой Николая Рубцова.

При жизни Игорь Константинович не написал воспоминаний о встрече с Рубцовым, но рассказал о ней своей супруге, Надежде Андреевне Чистяковой. И Надежда Андреевна записала воспоминания Игоря Константиновича.

Памятники и память

В Череповце памятник Николаю Рубцову был открыт 14 ноября 1998 года, и мы с Игорем принимали участие в обустройстве территории вокруг памятника.

В субботний день с морозом и снежком к полудню подходил народ к уютному уголку около университета и Верещагинского музея. Бюст поэта, ещё не покрытый для торжественной церемонии, смотрел на университет. Звучали стихи, песни на слова Николая Рубцова, слова благодарности автору памятника Александру Михайловичу Шебунину, подарившему городу этот праздник. На живые цветы у подножия падали редкие снежинки, а мы после торжественного открытия направились в мастерскую А.М. Шебунина, где праздник продолжался до ночи.

А ещё раньше, летом того же 1998 года, 26 июня в Вологде был открыт памятник Николаю Рубцову – во весь рост. Вместе с автором памятника А.М. Шебуниным на открытие ездила представительная делегация череповецких почитателей поэта – полный автобус.

Бронзовая фигура с чемоданчиком в руке, который сразу вызывал мысли о неустроенности поэта, стоявшая над всеми нами, встретила нас на берегу реки.

Сколько тёплых слов и признаний в любви к поэту (и автору памятника) услышали мы в тот летний день!

На обратном пути поздравляли Александра Михайловича с такой великолепной работой, пели песни и высказывали разные предположения, почему же самые известные литераторы Вологды не пришли на это открытие памятника.

Когда же приехали домой, веселье у Игоря как-то сразу пропало. И рассказал он о своей встрече с Николаем Рубцовым у нас в Череповце, в конце 60-х годов.

Однажды апрельским днём вологодские писатели целой бригадой приехали на творческие встречи с череповецкими любителями поэзии. Первая встреча была во Дворце строителей. Народу, как всегда, было много. После встречи Игорь поговорил с одним знакомым, с другим, вышел на улицу. Недалеко от входа одиноко (и незаметно!) стоял Николай Рубцов. Поразили большие растоптанные валенки на ногах: хотя лежал ещё снег, но и лужи уже блестели на солнце.

Игорь предложил зайти к нему (в то время он жил на Устюженской, 4-47, это совсем рядом с Дворцом строителей). Николай сразу согласился. Конечно, по пути не обошли и винный отдел магазина (тут же на площади Строителей). Дома никого не было. Валенки сразу поставили сушить на батарею. Тарелка русских наваристых щей вместе с содержимым бутылки опустела очень быстро, вторая пошла медленней.

Игорь прочитал несколько своих стихотворений (в то время он ещё только вступал на тернистый путь поэзии). Николай слушал внимательно, сам не стал читать, сославшись на то, что уже начитался со сцены. О высоких материях говорил немного, но обида на то, что никому в Вологде не нужны его стихи, была высказана очень отчётливо.

Выпивка и сытная еда («Давно не ел таких щей», - сказал он утром хозяйке) быстро сморили, и проспали оба поэта на одной кровати всю ночь, как младенцы.

А утром, с извинениями за вчерашнее вторжение, с благодарностью за вкусные щи и сухие валенки, очень стесняясь, Рубцов быстро вышел на улицу. Игорь проводил Николая дворами к дому, где жила мать Виктора Коротаева, а сам пошёл на работу.

Сентябрь 2004 года.

Надежда Чистякова, вдова поэта Игоря Воробьёва

Последние годы Игорь Константинович Воробьёв проживал на Северном шоссе, 31.

У некоторых черепан встреча с Николаем Рубцовым произошла вовсе не в Череповце. И как хорошо, что люди эти поделились воспоминаниями о поэте.

Прежде всего, надо представить **товарищей Коли Рубцова по детскому дому: это Антонина Александровна Силинская, Иван Алексеевич Серков и Евгения Павловна Буняк.** Все они – члены литературно-краеведческого клуба «Госпожа Провинция».

Товарищи Коли Рубцова по детскому дому:
Тоня Шевелёва, Ваня Серков, Женя Романова
(снимок сделала Алексеева Надежда Павловна 14 января 2006 года
в Доме знаний на вечере, посвящённом 70-летию Николая Рубцова)

35. Силинская (Шевелёва) Антонина Александровна живёт в Череповце на улице Мамлеева, 11.

Воспоминания о детдомовской жизни и Николае Рубцове

Когда началась война, отец отвёз меня из Ленинграда, где мы жили, к своей сестре в деревню Лелёковская Сямженского района Вологодской области.

Когда отца призвали в армию, он отвёз меня в Красковский детский дом Ивановского сельсовета Вологодского района. Видимо, машин не было, и мы – я, отец и сын его сестры – плыли на плоту по реке до Харовской, а потом я и отец сели на поезд до Вологды, а племянник отца уехал обратно и был

отправлен на фронт. При посадке на поезд я упала со ступенек вагона, ободрала спину, разбила затылок. В таком виде и поступила в детдом. Отец привёз меня туда и ушёл на войну.

Помню большой двухэтажный дом, вокруг сад и небольшой пруд. Жили детки там неплохо: кормили хорошо, одевали хорошо. С нами занимались воспитатели. Летом даже гулять выводили за территорию детдома. Однажды даже фотографировали. Я хотела отправить эту фотографию отцу на фронт, но не было адреса (в 1943 году отец был ещё жив). Долго её хранила (потеряла уже в Никольском детдоме). А писем от отца так и не дождалась.

Когда мне исполнилось семь лет, меня с группой ровесников (в том числе с Колей Рубцовым и Женей Романовой) отправили из дошкольного Красковского детдома в село Никольское Тотемского района, где был школьный детдом и школа-семилетка. Было это в октябре 1943 года. Нас провезли на пароходе до остановки на Николу. Оттуда везли на лошади двадцать километров. В Николу приехали ночью, устроились на ночлег в двухэтажном спальном корпусе на горушке. Так и стали жить на новом месте. (После того, как в 1951 году детдом закрыли, в этом здании произошёл пожар, и дом раскатали на дрова).

Учебный год уже начался, и мы стали учиться в двухэтажном доме, который находился между сельсоветом и больницей. Там уже был первый класс – «А». Нас, приехавших из Красковского детдома, зачислили в первый «Б» класс.

Первый класс мы закончили в этом доме, а со второго класса стали учиться в настоящей школе-семилетке. (А здание возле сельсовета, куда мы ходили в первый класс, было передано детскому дому под ещё один спальный корпус).

С учёбой были трудности. Учебников у нас не было, на весь класс – один или два букваря. Тетрадей не было. Писали на старых газетах и журналах, между строк. Ручек и карандашей тоже не было. Привязывали пёрышки к палочкам от веников, так и писали.

Была война, всем жилось не сладко, в детдоме были только голые стены. (Первые занавески на окнах в столовой появились уже после войны. А в седьмом классе нам даже по два платья сшили из шерстяной ткани: коричневое и зелёное). Кормили скудно, но всё-таки кормили, в то время как детям из близлежащих деревень вообще нечего было есть. Одевались тоже как могли.

Детдом располагался в трёх зданиях: два двухэтажных спальных корпуса и один основной дом, в котором были кухня, столовая, пионерская комната, бухгалтерия, медпункт и квартира директора.

Школа была недалеко, двухэтажная, деревянная, там мы все и закончили семилетку.

В детдоме было подсобное хозяйство: большой огород, лошадь, овцы, собака.

Для овец мы ломали ветки на веники и сушили веники на чердаке в детдоме. Воспитанники помогали в уборке помещений, в прачечной, дежурили на кухне и в столовой, ухаживали за животными. Даже ходили жать рожь серпом. Старшим детям давали клочок земли: сади, что хочешь, ухаживай за своим «огородом». (У меня был клочок земли).

Несмотря на военное время, нас берегли и обогревали все взрослые: работники детского дома, учителя. Воспитатели и нянечки относились к нам с теплотой и жалостью. Особенно мы, дети, любили ночную няню тётю Катю, мать Лии Спасской. Нам очень нравилась пионервожатая Перекрест Евдокия Дмитриевна, весёлая, добрая женщина, и мы все её очень жалели, когда она уехала на Кубань.

Было нас в детдоме больше сотни детей, и все мечтали дождаться родителей, когда война кончится. Мечтали о том, что после войны не будет детдомов и не будет детей-сирот. Но после войны только за одной девочкой приехал отец, ещё одну девочку увезла в Ленинград тётка, забрал из детдома

отец Толю Мартюкова и одну девочку отправили в Польшу. Все остальные оказались «бездомными».

Я была, видимо, очень худенькая и однажды потеряла сознание, упала, очнулась в больнице. И меня отправили в санаторий «Юношеское» Грязовецкого района Вологодской области. Там и училась в четвёртом классе. А потом снова вернулась в Ни́колу.

С Колей Рубцовым мы учились вместе с первого по седьмой класс. Учился Николай лучше всех, хотя ничем особенным не выделялся среди детдомовцев, все были одинаково голодные и холодные. Местные ребята нас так и называли – «детдомцы – голодные овцы». Коля другой раз даже не учил уроки, но всегда всё знал. У него была феноменальная память. Я считаю, что это у него был дар божий.

В свободное от учёбы время дети участвовали в импровизированных спектаклях, слушали пластинки, под патефон танцевали и разучивали песни с пластинок. Была у нас и гармошка, желающие могли учиться на ней играть на слух (нот не было, да и нотную грамоту мы не знали).

Конечно же, мы были не сахар, и хлопот с нами хватало! Летом мы убегали на реку, в лес, на колхозные поля – за горохом, а зимой катались с горки. Но никто из взрослых нас не обижал.

В 1950 году нас, закончивших семь классов, стали рассылать кого куда. Мы с Женей Романовой попали в тотемский детдом, где учились в восьмом классе. Коля Рубцов в это время тоже учился в Тотьме, в лесном техникуме.

Однажды в Тотьме мы с Женей пошли в магазин купить для ёлки цветную стружку (из которой делали колечки, а из них – гирлянды на ёлку; никакой мишуры ёлочной не было тогда). Неожиданно встретили Колю Рубцова. Очень удивились друг другу. О чём поговорили, не помню, и разошлись по своим делам. Больше его я никогда не видела.

После восьмого класса Женя поступила в Тотемское педучилище, а я – в Вологодскую фельдшерско-акушерскую школу. Жили на стипендию. Я каждое

лето (два года), до распределения на работу, приезжала в детдом на каникулы. Там меня и кормили, и одевали.

После окончания фельдшерско-акушерской школы я была направлена в Тарногу. Десять лет работала по специальности в санэпидстанции. Вышла замуж, родила сына. Мужа после окончания Криворожского авиационного училища направили на работу в Череповец, и наша семья переехала в этот город.

А Женю после окончания педучилища направили в Архангельскую область. Отработав семь лет в деревне Удима, Женя тоже перебралась в Череповец.

В 1967 году я случайно увидела по телевизору передачу о поездке вологодских поэтов по Волго-Балту. Диктор назвал и имя поэта Николая Рубцова. Очень удивилась, как изменился Николай внешне, порадовалась, что стал таким знаменитым.

28 февраля 2007 года

Силинская Антонина Александровна

36. Буняк (Романова) Евгения Павловна до переезда в деревню жила в Череповце на улице Ленина, 143, кв. 44.

**В Красковском и Никольском детских домах
вместе с Колей Рубцовым**

Красковский детский дом был для меня вторым детским домом. Детдом был Красковский, а не Красновский, у меня сохранилось свидетельство о рождении, и там стоит штамп, что я прописана в Красковском детдоме. Когда мне исполнилось 7 лет, нас – целую группу ребят, в том числе и Колю Рубцова с Тоней Шевелёвой – отправили в школьный детский дом в село Николу под

Тотьмой. Это был мой третий детский дом, здесь я воспитывалась с 7 до 14 лет. О детском доме остались самые добрые воспоминания.

Для меня великий поэт Николай Михайлович Рубцов остался в памяти просто Колей Рубцовым, как одноклассник, как брат. Мы с ним воспитывались с пяти лет сначала в одном детском доме – Красковском (это рядом с Вологдой), а затем, с семи до четырнадцати лет, в другом – Никольском, что под Тотьмой.

Почему я попала в детский дом? Мой отец на войне пропал без вести, два брата – годовалые и мать умерли с голоду. Я была в четырёх детских домах.

Никольский детский дом находился недалеко от Тотьмы, на берегу реки Толшма. Заливные луга, красивые леса, клюквенные болота... Всё это потом Николай Рубцов воспел в своих стихах. Талант сочинительства у него проявился ещё в детском доме. Не помню его стихов, но сочинения его читали часто вслух на уроках. Учился он отлично. Был любимчиком у воспитателей, это видно даже по фотографиям: везде он рядышком со взрослыми.

Мальчик он был красивый, невысокого роста, кареглазый, и даже носик у него был аккуратный.

Я была очень бойкой девочкой, заводилой среди девочек. Я уводила девчонок куда-нибудь в лес или на речку, иногда – на колхозное поле за горохом. (Было голодно, хотя кормили нас по тем временам неплохо. Помню, сильно худеньким на ужин давали стакан молока. Список «худеньких» висел на раздаче у окошечка кухни. Меня в этом списочке никогда не было, поэтому до сих пор не люблю молоко. Иногда повар тётя Шура выглядывала и звала меня: «Тебе, Романова, выписана луковица», – у меня болели дёсна.). Воспитатели часто нас разыскивали, и мне попадало.

Коля Рубцов тоже был заводилой среди мальчишек. Но это был тихий, скромный, я бы сказала даже умный заводила. Он так умудрялся с ребятами исчезнуть из детдома, что их отсутствия никто и не замечал; так же хитро и появлялся.

Причём мы с Колей ходили в любимчиках у воспитателей. Ну ладно, Коля – красивый, умный, учился на одни пятёрки, играл на гармошке, много читал. А за что меня любили – не знаю, но воспитатели часто брали меня к себе домой, особенно Клавдия Васильевна Игошева в деревню Пузовка.

Мы жили в двухэтажном доме, спальни девочек были на втором этаже, а спальни мальчишек – на первом. В праздники писали друг другу поздравления, иногда стихами. Стихи писала я и ещё одна девочка, Валя Межакова, которая ещё и рисовала отлично. К праздникам готовили концерты, был хор, на гармошке играл Коля Рубцов, физкультурные номера исполняли девочки под Колин аккомпанемент, ставили разные шутки, приглашали учителей из школы. (В детском доме был хоровой кружок, мы разучивали различные песни, в основном военные (шла война), а Коля нам подыгрывал на гармошке. Часто с концертами ездили по деревням, пели песни, читали стихи, а я выступала с акробатическими номерами, а Рубцов мне аккомпанировал «Раскинулось море широко».)

Нас с Колей связывала любовь к животным, природе. При детском доме было подсобное хозяйство, огород, была лошадь со странным именем Охочая, собака Розка, которая лаяла на чужих, и её привязывали на цепь. Мы с Колей часто крутились около животных, подкармливая. А Розку отвязывали, чтобы она побегала, за что нас ругали.

В детдоме нас было около ста человек, в основном дети войны; были даже немцы – Крюгеры, Касперы и другие, но жили мы дружно, малышей не обижали, а наоборот за ними ухаживали, играли, как в настоящей семье. Взрослые, как могли, оберегали наше сиротское детство.

После войны все ждали возвращения своих отцов, но у большинства они погибли или пропали без вести. И однажды в детдоме появился солдат, на груди медали. Это был отец рыженькой Нади Новиковой. Мы все провожали их в Николе до моста через Толшму, и как мы завидовали рыжей и как радовались за неё, даря свои немудрёные сувениры. Колю Рубцова мы считали

круглым сиротой. Многие получали письма от родственников. Коле никто не писал. Это уже позднее выяснилось, как много у него родни.

Коля родился 3 января, а я – 2 января, и когда январских именинников поздравляли с днём рождения, мы с ним сидели рядом за столом, в зале стояла украшенная ёлка. После поздравлений виновникам торжества давали угощение: 10 цветных горошин драже. Как на чудо смотрели мы на эти шарики, любовались ими, пересчитывали, лизали, отдавая минуты, когда эти горошинки попадут в рот. Нет, мы их не жевали, мы их сосали очень медленно, растягивая удовольствие. Вкус этих конфет я помню до сих пор.

Пролетело детство. После окончания семилетки детдомовцев отправляли в различные города в РУ (ремесленное училище), ФЗУ (фабрично-заводское училище) получать специальности токарей, фрезеровщиков, ткачих и т.д. Николай Рубцов поехал в Тотьму поступать в лесной техникум, а я – в Грязовец, в физкультурный техникум (был такой).

Пришлось бы мне отправиться в путь с узелком, но, спасибо мальчику Касперу: он вместе с ребятами сделал для меня, Тони Шевелёвой и Нины Поповой по фанерному чемоданчику, запиравшемуся на гвоздик. От детдома выдали на дорогу паёк. Отлично помню этот набор продуктов: хлеб, кусковый сахар, три рыбины холодного копчения, кусочек масла.

Поехали мы не в один день. До пристани 25 километров. Я шла, шла, устала, села под кустик и съела зараз весь паёк и счастливая зашагала дальше. В техникум я не поступила (из-за своего характера), и нас с Тоней Шевелёвой отправили в другой детдом, в Тотьму, учиться в восьмой класс. Коля учился в это время в Тотьме в лесном техникуме, мы с ним не раз там встречались.

Раз начала рассказывать о Тоне Шевелёвой, то в связи с этим хочу заметить, что все Колины любимые подруги, женщины (их у него и было-то немного), все каким-то образом соприкасались со мной. Первой подругой детства у Николая была Тоня Шевелёва, скромная, тихая, незаметная девочка, ничего в ней особенного не было, а вот Рубцов выделил её из всех девчонок.

Они часто уединялись и вели свои разговоры, а мы их дразнили: «жених да невеста!» У Тони до сих пор хранится его фотография с Колиной дарственной подписью, у одной единственной. Многие фотографии детдомовской поры она отдала в различные музеи, а эту бережёт. Вот с этой Тоней мы были вместе в трёх детских домах. Затем Тоня окончила медицинский техникум, а я – педучилище, и мы снова встретились в Череповце и до сих пор дружим, вот уже 65 лет.

Дальше идёт Гета Меншикова – жена Рубцова. Одно время она была в нашем детдоме, мы тоже с ней дружили, занимались спортом, ездили на различные спартакиады, соревнования, часто выступали с акробатическими номерами, а Коля нам играл на гармошке. В течение многих лет мы с ней поддерживали связь, переписывались, я бывала несколько раз в Николе у Геты дома.

Следующая женщина – это тётя Шура, мама Геты, будущая тёща Николая Рубцова. Тётя Шура работала у нас в детдоме завхозом. Коля часто просил у неё сырую картошку, она ему никогда не отказывала, а он с ребятами убегал в лес или на речку и пекли картошку на костре. Узнав про это, я прибегала на кухню и просила у тёти Шуры картошки, и обычно она мне отказывала. Я возмущалась: «А Коле дали! И мне дайте!», а в ответ – тишина. Я была вредная, бойкая, меня тётя Шура звала бойкушей. Ах, так! Я садилась на скамейку напротив кухни и заводила песню:

«Вот умру я, умру,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя...»

Сердце у тёти Шуры не выдерживало такого, и она звала меня за картошкой, при этом приговаривала: «В последний раз».

Однажды, уже будучи взрослыми, мы списались с бывшими детдомовцами и приехали в Николу на очередные Рубцовские чтения. Тётя Шура ещё была жива. Мы встали перед ней: «Узнай, тётя Шура, кто есть кто». Она вглядывалась в нас, никого не узнавала, когда дошла до меня очередь, она засмеялась: «Ой, бойкушка приехала! Ты, Женя, совсем не изменилась.»

Жизнь идёт дальше. К Николаю Рубцову пришла первая любовь. Он в это время учился в лесном техникуме, а Таня Агафонова – в педучилище. С Таней мы не были подругами, но учились вместе в педучилище, она на курс старше. Несколько лет назад я садилась в Вологде в автобус, где ехали гости в Тотьму на Рубцовские дни. Женщина, сидевшая на втором сиденье, улыбнулась мне, и я узнала Таню.

Несколько слов хочу сказать ещё об одной женщине из Колиной жизни – это о сестре, Галине Михайловне Шведовой. На одном из литературных вечеров вологодский писатель и друг Николая Рубцова Сергей Багров попросил меня поискать в Череповце сестру Рубцова, Галину. Я, конечно, удивилась: какая сестра, ведь Коля – сирота. Но искать начала. Поиски увенчались успехом, Галину Михайловну я нашла в квартире по Московскому проспекту. Мы с ней познакомились, подружились, бывали друг у друга в гостях, ходили на вечера, посвящённые её брату, ездили в Вологду, где и познакомились с дочерью Николая Михайловича – Леной.

С тех пор я поддерживаю связь с Леной. Она подарила мне фотографии своих детей, внуков Рубцова. Встречаясь в Тотьме, в селе Никола, мы всегда фотографируемся на память.

Была в жизни поэта ещё одна женщина, последняя – это Людмила Дербина. Наши пути с ней ни разу не пересеклись, я об этом несколько не сожалею.

Прошло много лет, и я по телевизору увидела Николая Рубцова, читающего свои стихи. Он был совсем не похож на того Колю Рубцова.

О детском доме и Николае Рубцове можно писать до бесконечности – всё стоит перед глазами наше детство.

И в конце я хочу сказать вот что: воспитанники Никольского детского дома разлетелись по всей стране – это и врачи, и учителя, трактористы и ткачихи, люди различных профессий. Со многими мы поддерживаем до сих пор связь, и что интересно – никто из нас не сбился с пути, все стали настоящими людьми. И мы, конечно, гордимся, что из нашей семьи вышел Великий поэт России – Николай Михайлович Рубцов.

Ещё хочу рассказать о том, как Николай Рубцов как-то косвенно помог в налаживании быта в моей деревеньке Калиновке, которая расположена у чërта на куличках, но очень красивая, стоит на горوشке у самого синего озера. Всё, что можем, мы делаем сами, хотя живут в деревне всё пенсионеры. Но вот зимой дорогу от снега вычистить нам не под силу. Я, как депутат, обращалась и в сельсовет, и в администрацию, выходила на большую дорогу ловить трактор: встану, руки в стороны перед трактором, как Матросов, только без гранаты в руках. Умоляю трактористов (кругом лес заготавливают предприниматели) – ни в какую. Как скажу: «Бутылку дам!», сразу вычистят. А пенсия нищенская, а водка дорогая. Что делать? Подала телеграмму губернатору, потом письмо написала, живём, мол, дети войны, родители воевали, многие погибли, другие пришли инвалидами и умерли. За что нам такая доля? Деревни разорены, молодёжь уехала в города, нет здесь работы. В конце напомнила слова поэта Николая Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни». А деревни и старики никому не нужны.

Прошло две недели. Вдруг в деревне появился трактор, вычистил дорогу, у моего дома – аж до земли. Что-то новенькое! Через час у моего дома остановились два джипа, вылезают важные мужики, в белых рубашках, при галстуках, и – ко мне:

- Буняк Евгения Павловна здесь живёт?

- Да.
- Мы к Вам от губернатора, по Вашему письму.
- Да неужели? – удивилась я.

- Да, да, Вы такое письмо написали, даже Рубцова вспомнили. Ваше письмо на правительстве зачитывали.

Поговорили, пообещали дорогу чистить. И слово своё сдержали. Прошло пять лет, дорога всегда вычищена.

- Может, какая помощь нужна?

Я обнаглела и попросила для деревни сотовый телефон. Через неделю телефон появился в моём доме.

Вот так имя поэта Николая Михайловича Рубцова помогло пенсионерам небольшой деревушки Калиновка.

Апрель 2006 года

Евгения Буняк (Женя Романова)

37. Иван Алексеевич Серков живёт в Череповце на проспекте Луначарского, в доме № 56.

И.А. Серков
(фото из архива А.А. Чумеевой)

Воспоминания о Николае Рубцове

Оставить воспоминания о Н. Рубцове я считаю своим долгом перед ним. Конечно, у Коли было много друзей, и много уже написано о нём, но мне думается, что своими воспоминаниями я внесу небольшую крупицу нового в его биографию.

Коля был моим другом детства по детдому, где нам довелось встретиться и разделить нашу сиротскую жизнь в тяжёлые послевоенные годы.

Я пришёл в детдом в 1946 году. К тому времени у Николая уже был опыт детдомовской жизни. Я чувствовал себя одиноким, очень переживал и плакал, забравшись в угол. Он это заметил и стал успокаивать меня. Я увидел в нём своего защитника и друга. Кровати наши стояли рядом. В холодные зимние ночи мы спали вдвоём на одной кровати, согревая друг друга. В комнате было двенадцать ребят, и все стали спать по двое.

Вечерами Коля читал нам книги при керосиновой лампе. Однажды он прочитал нам книгу «Остров сокровищ» и под впечатлением от прочитанного заявил: «Я обязательно буду моряком!» Спать мы ложились по его команде. Мы его уважали и любили.

Учился Коля хорошо. Учителя и воспитатели тоже любили его.

Многие детдомовцы обеденную пайку хлеба прятали, чтобы потом полакомиться. У нас с Колей была общая прятка. Зимой кубики хлеба замораживали, а потом сосали, как конфетки. Бывало и так, что наш хлеб воровали синички. «Пернатые тоже хотят есть», - говорил он. Коля был чутким и к животным.

Запомнилась история, которая произошла с немецкой девочкой (в детдоме воспитывались и немецкие дети, но мы их не обижали), у которой собака Розка стащила пайку хлеба, лежавшую в шапке. Коля сочинил стишок:

Хлеб 50 – 100
На шапке лежал.
Шапка упала,
А Розка схватала.

Немецкие дети плохо говорили по-русски, поэтому и стишок получился корявый. Девочку дразнили этим стишком, но Коля запретил, и все сразу пе-

рестали её дразнить.

Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою, -
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк, -

напишет позднее Рубцов. «Ивы над рекою» и вся окружающая нас природа помогала нам забывать бесприютность и голод детдомовской жизни. Купались, ловили рыбу, жгли костры и пекли картошку. Особенно были вкусны лепёшки из мороженой картошки, которая оставалась по осени на колхозных полях.

Большую работу проводили с нами воспитатели: организовывали походы, всевозможные соревнования, ставили концерты силами детдомовцев, учили танцам. Коля играл на гармошке. Он был самый активный во всех мероприятиях. Особенно он запомнился, когда его готовили для роли Пушкина к юбилею поэта. Коле очень хотелось быть похожим на Пушкина. Он даже попросил завить ему волосы. Завивали железным наконечником ученической ручки, нагревая её над керосиновой лампой. Волосы скворчали, и пахло палёным. Коля терпел, и Пушкин из него получился отличный. Стихи поэта он читал очень выразительно. Все были в восторге.

В детдоме стали замечать, что кто-то обирает детдомовскую смородину. Нам с Колей поручили ночью посторожить её. Когда все улеглись спать, мы с ним пошли на дежурство. И каково же было наше удивление, когда мы поняли, что похитителями ягод были птицы. Чтобы это доказать, мы взяли из бани простыню, расстелили её у куста смородины, взялись за все четыре угла

и притаились в надежде, что птицы сядут на простыню, а мы молниеносно прихлопнем их. Но наша затея сорвалась: птицы, конечно, не сели на простыню. На рассвете мы увидели, что простыня наша вся в птичьем помёте. В баню обратно мы её нести не решились и закопали в землю. Вот такова одна из смешных историй, которая произошла с нами.

После окончания семи классов детей отправляли по распределению в другие районы Вологодчины для продолжения учёбы. Одному Рубцову было дано право выбора. И он выбрал Рижское морское училище. На прощание на мостках возле детдома ножиком крупными буквами он вырезал свои инициалы. Думал, что уезжал навсегда. Но Коля вернулся. Его спросили: «В чём дело?» «Там такой горох не берут!» - сказал он. Коля был подавлен и огорчён, свои инициалы с мостовой стёр со злостью.

Вскоре детдом расформировали. Расставались с тоской. Девчата вышивали парням на память носовые платки.

Ещё прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след, -

напишет Рубцов.

Через четырнадцать лет, в 1964 году, я решил навестить свою родину. Август выдался тёплым. Я остановился в родной деревне Родионово. В двух километрах от неё, на другом берегу Толшмы, находится село Никольское, где был наш детдом и школа, в которой мы учились. От хозяйки, где я

остановился, случайно узнал, что Коля Рубцов находится в Николе. Я сорвался и побежал в Николу, надеясь застать его там. Сердце готово было вырваться из груди... Только бы успеть! И вот – маленький домик. Дверь в дом была открыта. Тихонько захожу и вижу: на полу на коврике сидит маленькая девочка (это была дочь Рубцова, Леночка). В другой комнате за пишущей машинкой сидел лысоватый мужчина.

- Неужели Коля? Коля!

- Ваня? Серков!?

Мы обнялись. Щёки у Коли были мокрыми от слёз, и у меня комок в горле. На листке, который был в машинке, я успел прочитать: «Сапоги мои – скрип да скрип...» Коля почему-то быстро закрыл листок салфеткой. Мы долго говорили, стараясь узнать как можно больше друг о друге.

Незабываемые три дня мы провели вместе. Как бы окунувшись в детство, мы вспомнили всё до мелочей о детдомовской жизни и, конечно, все свои забавы: прыгали, кувыркались на песке под ивами, плескались в речке, связав рубашки, ловили рыбу. Помнится, во время наших с ним прогулок, я позвал его на то место, где мы любили купаться в детстве. Он сказал: «Заросла речка болотиной». В стихотворении «Тихая моя родина» есть слова:

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...

А однажды, закрыв лицо ладонями, он вдруг упал в траву и воскликнул: «Взбегу на холм и упаду в траву». «Видения на холме» Н. Рубцова начинаются с этой строчки. В один из этих дней к нам приехал на мотоцикле Сергей Багров со сборником стихов (автора не помню). Коля с интересом просматривал сборник и повторял: «Узнаю, узнаю..., молодец!» Вечером на берегу Толшмы разожгли костёр. Коля читал стихи, а мы слушали его как зачарованные. После отъезда С. Багрова, в последний день нашей встречи,

Коля предложил посидеть у ночного костра. Как бывало в детстве, на колхозном поле накопили картошки, напекли и ели с удовольствием. В эту ночь мы забыли, что нам по двадцать восемь лет.

В краю лесов, полей, озёр
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костёр,
Как мимолётный сон природы, -

напишет Николай Рубцов. Снова окунувшись в детские воспоминания, мы пели песни, которые пели в детдоме. Коля снова читал свои стихи. В бликах костра он казался каким-то суровым, недостижимым; смотрел в темноту, сдвинув брови. Трудно передать на словах то впечатление, которое производил на меня Рубцов. Это надо было видеть и слышать.

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы, -

напишет Н. Рубцов в «Прощальном костре».

Обнявшись, мы отправились в Нинолу босиком. По дороге я спросил у Коли, помнит ли он что-то из тех стихов, которые писал в детдоме (у меня осталось в памяти, что он по каждому случаю сочинял стишки). Но он ответил, что не помнит. А потом вдруг сказал: «Ваня, ты тоже мог бы писать стихи. Послушай, как это просто». Немного подумав, «выдал» четверостишие: что-то об облаках и костре. И правда, казалось, что может быть проще.

Коля сетовал на трудности жизни: безденежье, проблемы с институтом и с печатаньем стихов. Я посоветовал ему приобрести специальность и

зарабатывать себе на хлеб. Но он возразил, что стихи для него – всё, и он это чувствует. При этом он ударил себя в грудь. Досыпали мы на чердаке, о котором он, вероятно, и упоминает в своих «Журавлях».

Утром нас разбудили женские голоса: «Мы пошли на сенокос, ребёнок в люльке» (это были жена Гета и её мать). Коля остался нянчиться, а я пошёл в свою деревню. Мы договорились встретиться. Но по воле судьбы в тот же день мне пришлось уехать, не простившись с Колей. Подвернулась попутная машина, что бывало редко. Волок в 25 километров пешком преодолевать тяжело, да и времени оставалось мало, нужно было на работу. Очень просил шофёра заехать в Николу, чтобы проститься с Колей, но водитель спешил и не согласился. Я так сожалел, что мы даже не обменялись адресами. Коля тоже жалел, что я уехал. В письме к Сергею Багрову он написал: «Ваня Серков уехал. Почти всю ночь просидели у прощального костра. Жаль, что он уехал». (Книга «Последняя осень», стр. 436-437, изд. Москва, ЭКСМО 2002 г.).

Через семь лет Коли не стало. Весть о смерти друга была ни с чем не сравнимым потрясением, тяжёлым ударом. И как крик души, родились стихи:

Кто здесь сказал, что нет поэта?
Он здесь, он рядом – оглянись!
И в свете солнечного лета
Его ты встретишь, извинись.

Пройди на холм, что под Николой,
Где видел он России старину.
И эхом отзовутся кони,
Исправив ваших мыслей кривизну.

А чтоб не слышать сердца боли,
Пешком по волоку пройдишь.

Стихам, сказаньям, песням Коли
Ты тоже песней отзовись!

* * *

Я вышел в ночи к нашей родине «тихой»
И тихо спросил: «Как, старушка, дела?»
И ветер мне на ухо тихо, так тихо:
«Неважно, братишка, ведь плачет она».

Я видел, как плачут душистые розы.
Я слышал, как скрипнул овин у села.
И слёзы на ветках кудрявой берёзы,
И тучка в сторонке их тихо лила.
Вдруг ветер заплакал – заплакал и я.
И мрачной казалась мне суть бытия.
Туманная речка, как тихий котёнок, ласкаясь,
Прозрачные воды куда-то несла:
То Родина-мать Николаю Рубцову
Прощальные слёзы в реку собрала!

Село Никольское Николай Рубцов считал своей малой родиной, стороной берёзовой, где и звезда его полей «восходит ярче и полней». Стихи его врачуют душу, как молитва. Когда читаешь их, «светлеет грусть», оживает природа и весь окружающий мир. Я счастлив, что родился на этой земле, которую так проникновенно воспел Николай Рубцов.

10 марта 2005 г.

Иван Серков

Детский дом в селе Никольском Тотемского района Вологодской области работал с 1937 года. В июле 1951 года детдом закрыли, предварительно распределив детей по детским домам в Тотьме.

Детский дом в селе Никольское, административный корпус.
На первом этаже находились: кухня, столовая, пионерская комната;
на втором этаже: слева – квартира директора детдома,
справа – канцелярия и медпункт.
(Фото из архива А.А. Силинской)

В настоящее время в бывшем административном корпусе детдома находится музей Николая Рубцова.

Село Никольское. Улица Н.М. Рубцова, 18. Музей Николая Рубцова.
(Фото Леляновой З.С. 2012 год.)

Детский дом в селе Никольском, спальный корпус.
(Ксерокопию фотографии предоставила А.А. Чумеева)

Антонина Александровна Силинская поясняет:

«Здание это находилось между сельсоветом и больницей. На этой фотографии в воротах стоят воспитатели детдома Ермолинская Фаина Андреевна и Корюкина Александра Ивановна».

Из воспоминаний А.А. Силинской: «Первый класс мы закончили в этом доме, а со второго класса стали учиться в настоящей школе-семилетке. (А здание возле сельсовета, куда мы ходили в первый класс, было передано детскому дому под ещё один спальный корпус)».

Силинская А.А.: «Другой спальный корпус, тоже двухэтажный, был на горюшке. Нас, детей из Красковского детского дома, как раз в нём и поселили. После того, как в 1951 году детдом закрыли, в этом здании произошёл пожар, и дом раскатали на дрова».

Село Никольское. Улица Рубцова, 12.

Бывший спальный корпус детдома.

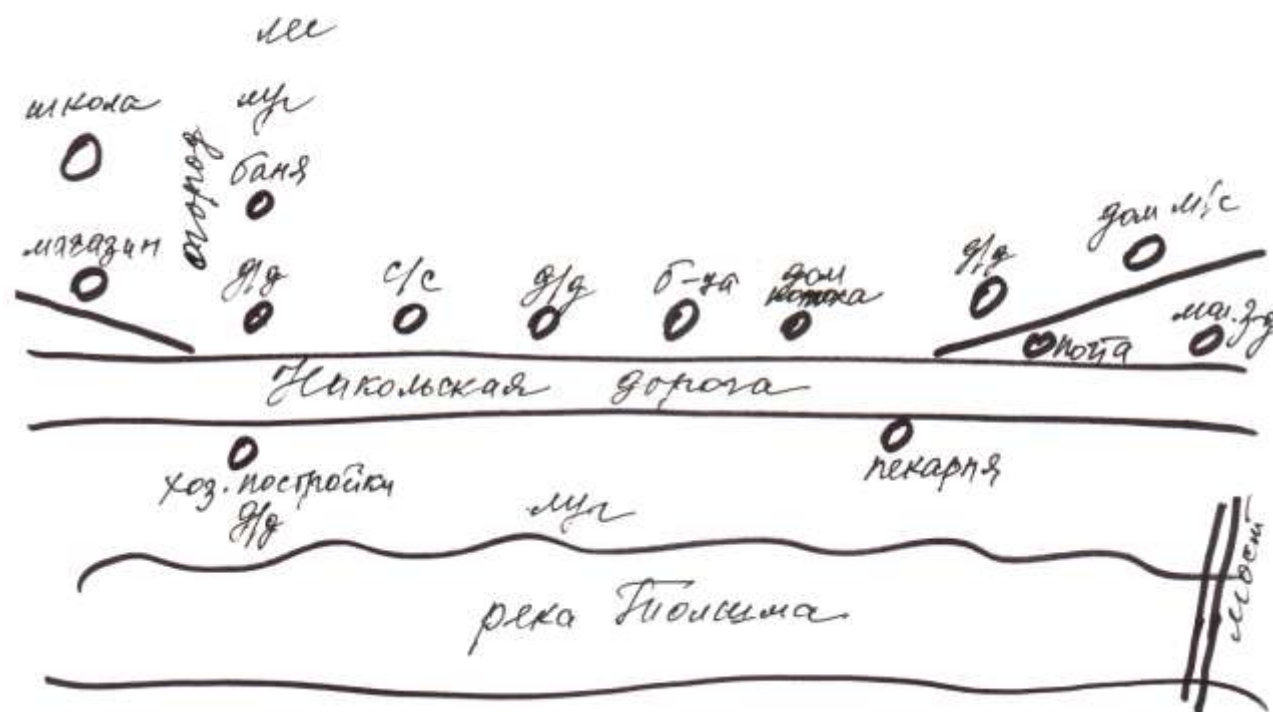
В настоящее время в этом здании размещаются:

на первом этаже – почтовое отделение и контора ЖКХ;

на втором этаже – администрация МО Толшменское.

(Фото Леяновой З.С. 2012 год.)

Здания вдоль Никольской дороги (слева направо): магазин, д/д – административное здание детдома, с/с – сельский совет, д/д – спальный корпус детдома, б-ца – больница, дом детдомовского конюха, д/д – спальный корпус детдома, почта, дом м/с – дом, в котором жила медсестра детдома, мол. з-д – молокозавод.

По другую сторону дороги (слева направо): хозяйственные постройки детдома, пекарня.

Схему Николы нарисовала Силинская А.А.

Антонина Александровна отметила, что в сельсовете был зал со сценой, где показывали кинофильмы, выступали приезжие артисты. И дети из детдома тоже выступали в этом зале. По сути, в сельсовете был и клуб.

① Разр- столовая, пионер-бы, клуб   ② Сельсовет, клуб
③ Спальные корпуса   ④ Больница

Село Никольское в конце 80-х годов XX века.

До 1951 года в этих (слева направо) домах располагались: административное здание детдома, сельсовет, спальный корпус детдома, больница (двухэтажная, каменная).

(Ксерокопия фотографии предоставлена Силинской А.А.)

Село Никольское, улица Рубцова.

На снимке: голубой дом – бывшее административное здание детдома,
дальше – бывший сельсовет, дальше – бывший спальный корпус детдома.
(Фото Леяновой З.С. 2012 год.)

(Я так настойчиво уточняю про эти дома потому, что в Николе уже бытует мнение, будто дом № 12 по ул. Рубцова никакого отношения к детскому дому не имел. А детдомовцы, прожившие семь лет в Никольском детдоме, утверждают обратное. – Л.З.)

Фотографии из буклета «Школа моя деревянная...»

Буклет напечатан в 2006 году по заказу Тотемского музейного объединения. Подготовил буклет для печати Кудрявцев Владимир Валентинович.

Воспитатели Никольского детдома:

Стоят: Овчинникова Галина Александровна, Чепурова Павла Михайловна,
Жданова Антонина Михайловна.

Сидят: Прескурин Борис Иванович, Игошева Клавдия Васильевна,
Макарова Александра Ивановна. Бухгалтер детдома Жданов Александр Ильич.

Группа девочек Никольского детдома
с пионервожатой Семенихиной Е.И.
и воспитательницей Ермолинской Фаиной Андреевной

Воспитатель Игошева
Клавдия Васильевна и
воспитанница Нина
Алферьева.
Декабрь 1949 г.

Повара Никольского детдома Спасская Галина, Спасская Тоня
(дочери ночной нянечки тёти Кати)

Никольская семилетняя школа

Аносова Е.А., учительница
русского языка, директор
Никольской семилетней школы

Лапина Надежда Феодосьевна,
учительница иностранного языка

Пионервожатая Перекрест Евдокия Дмитриевна

Медведев Игорь Александрович, учитель биологии, химии, географии,
Киселёв Александр Борисович, учитель математики и физики

Учителя Никольской семилетней школы, фото от 7 февраля 1951 года,
слева направо: Медведев И.А., биолог, Варфоломеев М.И., историк, Попова Д.М., языковед,
Киселёв А.Б., математик, Аносова Е.А., директор, Решетова Н.А., языковед,
Жданова А.М., учитель начальных классов, Абанина И.И., учитель немецкого языка

Фотографии из архива Антонины Александровны Силинской

Никольский детдом. Август 1949 г.
Абакумова Люся, Шевелёва Тоня, Попова Нина, Шестакова Тамара,
... , воспитатель Щукина Людмила Кузьминична, Петунин Саша, Рубцов Коля.

Никольский детдом. Сентябрь 1949 года. 7 класс. С начала учебного года – 9 человек.
Первый ряд, сидят: воспитатель Драницина Валентина Александровна, Горунов Миша,
Рубцов Коля, воспитатель Игошева Клавдия Васильевна (Мелехова).
Второй ряд, стоят: Романова Женя, Абакумова Люся, Шестакова Тамара.
Третий ряд, стоят: Шевелёва Тоня, Попова Нина, Чекалова Рита, Нехаева Римма.

У одной и той же новогодней ёлки: Тоня Шевелёва и Коля Рубцов. 1950-й год
(Фотографии – в натуральную величину. – Л.З.)

Коля подарил Тоне свою фотографию и подписал: «На долгую вечную память. Храни, береги, не теряй. И когда на фото взглянешь, плохим меня не вспоминай! Тоне Шевелёвой от РНМ. 19/1-50 года. д/д с. Никола».

На долгу ветру нам
Край, берег, не теряй
И когда на дото взымашь
Тюхми моя не ветром
мой!

Мне Шевелев
от РНМ.

19/1 - 80 года.

г/г . с. Зикова.

Карандашная запись со временем стала еле видна, и Антонина Александровна аккуратно, почти буква в букву, обвела её чернилами.

Фото из архива Ивана Алексеевича Серкова

Иван Алексеевич Серков вспоминает: «Я пришёл в детдом в 1946 году. К тому времени у Николая уже был опыт детдомовской жизни. Я чувствовал себя одиноким, очень переживал и плакал, забравшись в угол. Он это заметил и стал успокаивать меня. Я увидел в нём своего защитника и друга».

Воспитанники Никольского детского дома.
Справа от воспитательницы Александры Ивановны Ваня Серков и Коля Рубцов

Эти ксерокопии Анатолий Сергеевич Мартюков подарил Антонине Александровне Силинской.

Аттестат 1950 года и сданные экзамены
в 7 классе считать окончившими 25 человек.

1. Абамушова Людмила	14. Кисава Мария
2. Антупов Борисов	15. Кисава Тамара
3. Грузина Анна	16. Кисава Татьяна
4. Кисава Александра	17. Копова Александра
5. Кисава Александр	18. Копова Анна
6. Кисава Валентина	19. Косачева Ольга
7. Кисава Галина	20. Кубцов Николай
8. Кисава Анна	21. Орлова Мария
9. Кисава Татьяна	22. Чеботарева Людмила
10. Савин Сергей	23. Чеботарева Александра
11. Волосов Александр	24. Чеботарева Анна
12. Митин Александр	25. Чеботарева Татьяна
13. Мартюков Анатолий	

2) как не усвоившая программу 7 класса
оставлена на второй год Тарунова
Михаила и Савин Сергей; 3) даны осн-
ные экзамены по русскому языку (мат-
ематика) Митин Александр, Антонина и Таруно-
вой Анна.

§ 2.

Ученику Тарунову Михаилу, нарушающе-
му дисциплину и не усвоившему все уроки
по русскому языку и математике до 4-го

Тарунов. Мих. Копов —

Тарунов № 96

по Николаевской гимназии г. Казань. от
12 марта 1950 года.

§ 1

На основании закона о трудовой дисциплине

Книга по
выдаче свидетельств
об окончании
Николаевской
гимназии г. Казань
с 1945 по 1950 год

1949-50 ур. год			
541	12/21-50	Александров Александрович	детский дом. Азбукина
542	"	Антоньев Александрович	д. Орехово. Антонов.
543	"	Брызкова Раиса Ивановна	д. Александрово. Брызнов
544	"	Виноградов Генрихович	д. Орехово. Виноградов
545	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
546	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
547	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
548	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
549	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
550	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
551	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
552	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
553	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
554	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
555	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
556	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
557	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
558	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
559	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
560	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
561	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
562	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
563	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
564	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов
565	"	Виноградов Александрович	д. Орехово. Виноградов

(Обратите внимание на подпись детей - Л.З.)

553	—	Мартынов Анатолій Серг.	7 кл.	д. Галкино	Мартынов
554	—	Нечаев Александр Андр.	7	д. Лобачово	Нечаев
555	—	Нечаев Александр Алексеев.	7	с. Нечаевское	Нечаев,
556	—	Нечаев Риния Сергеев.	7	детский дом.	Нечаев
557	—	Топова Александра М-вн.	7	д. Ушаково	Топова
558	—	Топова Анна Дмитриевна	7	детский дом	Топова
559	—	Рашанова Евгения Павлов.	7	детский дом	Рашанов
560	—	Рубцов Николай Михайл.	7	детский дом.	Рубцов
561	—	Сергеев Мария М-вн.	7	д. Радионково	Сергеев
562	—	Тютюмова Любовь Павлов.	7	д. Буркино	Тютюмова
563	—	Шевалова Маргарита Ал.	7	детский дом	Шевалова
564	—	Шевалова Евгения М-вн.	7	детский дом	Шевалова

(Укрупняя часть списка - Л.3.)

559	—	Рашанова Евгения Павлов.	7	детский дом	Рашанов
560	—	Рубцов Николай Михайл.	7	детский дом.	Рубцов

Автограф четырнадцатилетнего Коли Рубцова.

(Красивая, смелая, взрослая подпись! - Л.3.)

38. Манжелей Зинаида Александровна в июле 1962 года оказалась попутчицей Николая Рубцова в поезде.

Мне помнится до сих пор...

Июль 1962 года. Я уезжаю первый раз из родного города в далёкий Архангельск, чтобы поступить в медицинский институт. Меня провожают друзья. Особенно болело сердце об одном из провожающих, с которым всего трудней расстаться.

Поезд Ленинград-Архангельск – проходящий, стоит десять минут. И вот я уже в тамбуре. Мне машут рукой.

Поезд тронулся. На ходу вскакивает парень, худощавый, с бутылками лимонада и ещё с чем-то в руках. Я отошла вглубь тамбура и задала такой рёв, как будто навсегда расставалась с близкими мне людьми. Вдруг услышала весёлый и какой-то успокаивающий голос:

- Девушка, что с Вами? Какое горе приключилось?

Сквозь слёзы я увидела парня в сиреневой «бобочке» (шёлковая рубашка с коротким рукавом, на молнии), серых брюках. Худенький, невысокий, волосы короткие, на висках небольшие залысины. Глаза очень добрые и внимательные. Мне он показался намного старше меня.

Продолжая плакать, я рассказала о себе. Он рассмеялся, сказал, что я молодая и глупая, что у меня ещё всё впереди: и счастье, и любовь. Слова его понемногу успокоили меня. Парень внушал доверие и симпатию к себе.

Мы прошли в вагон. Оказалось, что наши места – в одном купе. Там сидели ещё две бабульки. Все перезнакомились. Он представился:

- Коля Рубцов из Ленинграда.

Он сообщил, что едет в Коряжму на новостройку, что хочет ощутить дух времени. Рассказывал о том, какой большой деревообрабатывающий комбинат строят, какой город вырастет, да так увлечённо и интересно, что даже бабушки заслушались! А я подумала, не пишет ли он стихи, и, как бы невзначай, спросила об этом.

Он, смутившись, сказал:

- Есть немного. А как Вы об этом догадались?

А я в ту пору очень увлекалась поэзией Есенина и наших вологодских поэтов. (Стихи Есенина нельзя было купить, так мы их переписывали в тетради).

Поезд громыхал на стыках. Обстановка в купе была непринуждённой, все весело поддерживали общий разговор, Коля читал свои стихи. Жаль, не запомнила, какие именно. Бабульки изумлялись, а мне стихи нравились.

Вечером бабули начали укладываться спать, мы же долго сидели, тихо разговаривали. Он предложил мне не ехать в Архангельск, а ехать с ним – сначала в Коряжму, потом в Ленинград, чтобы учиться там. Но я тогда придерживалась строгих правил, и, хотя заманчиво было предложение, я отказалась.

Поздно ночью мы расположились на верхних полках, но ещё долго перешёптывались. Я незаметно уснула.

Утром, когда проснулась, его уже не было. У себя под подушкой я обнаружила записку с его ленинградским адресом и словами: «Жду, надеюсь на встречу...».

Но я тогда была влюблена в другого и записку эту не сохранила.

Врачом я не стала. При поступлении в институт мне не хватило одного балла...

*Декабрь 2005 года
Череповец*

Зинаида Манжелей

В 1962 году Зинаида Александровна жила на Северном переулке, 22 (нынче этот дом не существует). Теперь она живёт на ул. Сталеваров, 68

39. Рулёв-Хачатрян Александр Хачатурович – член Союза писателей России. Знал Николая Рубцова, учился с ним в одно время в Литературном институте имени А.М. Горького.

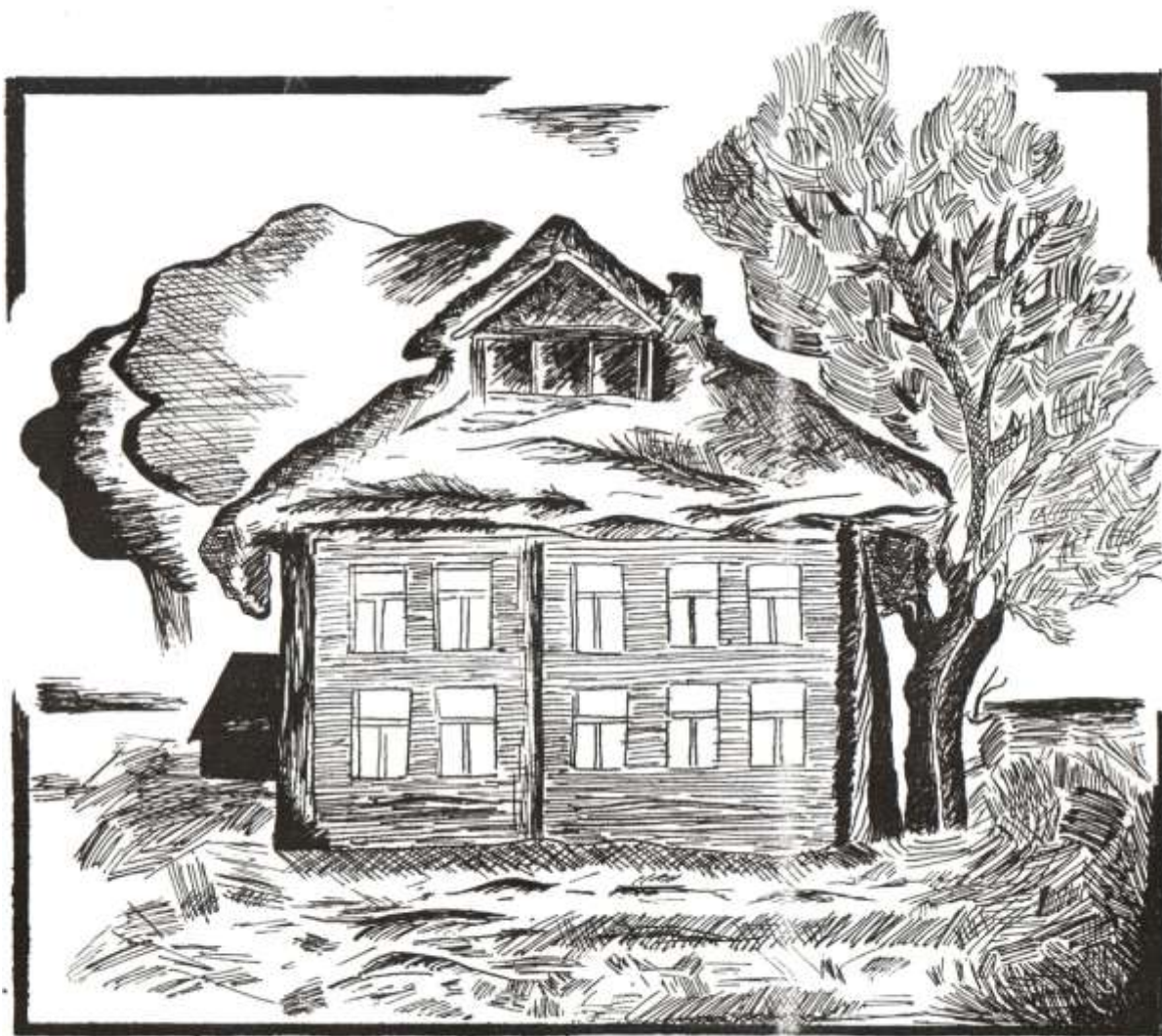

Когда Александр Хачатурович узнал о гибели Николая Рубцова, он закупил в магазине продукты для поминок, сел на поезд и отправился в Емецк – на родину поэта. Там разыскал родной дом Рубцова. И пригласил жителей этого и соседних домов помянуть великого земляка.

Призвал всех любителей поэзии Рубцова оградить поэта от всего того, что не касается его творчества.

Сделал рисунок дома Н.М. Рубцова в Емецке. (Этот рисунок приведён во многих книгах о Рубцове).

с. Емец Архангельской обл.

Александр Хачатурович Хачатрян до переезда в деревню Костяевка Череповецкого района жил в Череповце на улице Ленина, 129-А.

40. Белуничев Анатолий Васильевич – член Союза журналистов РСФСР, писатель-краевед. Встречался с Николаем Рубцовым.

Встреча с поэтом

После областного комсомольского актива, перед отъездом домой, мы с другом решили посетить ресторан «Красный север». Это было в Вологде наше любимое общепитовское заведение. Здесь всегда тепло принимали. Официантами тогда работали два брата. Молодые, красивые, статные парни,

лет двадцати пяти, как две капли воды похожие друг на друга. Это были виртуозы своего дела. С двумя-тремя тарелками, положенными на руки, они, как метеоры, носились по залу, изгибаясь перед столами, как хорошие акробаты. В народе говорили, что сюда приходили люди не заказывать пищи, а просто полюбоваться их работой.

И ещё, в ресторане всегда вкусно готовили. Нигде, пожалуй, не умели так готовить украинский борщ или окрошку, как здесь.

В этот вечер, когда мы вошли в зал, народу было немного, и мы, оглядываясь, стали подбирать место. И тут нас неожиданно окликнули:

- Ребята, давай сюда!

Я смотрю, за угловым столом сидят хорошо нам знакомые журналисты газеты «Вологодский комсомолец» Саша Романов и Виктор Коротаев и с ними какой-то незнакомый мне молодой человек, по внешнему виду напоминающий больше сельского, но не городского парня. В сравнении с первыми двумя он казался каким-то неухоженным, усталым. Старенький свитер, помятые брюки, сапоги, давно не выдавшие смазки. На лице не скрываемая серьёзность и задумчивость, как будто человек чем-то не доволен. В отличие от своего соседа журналисты в добром, весёлом настроении, смеются и постоянно шутят. Нетрудно было убедиться, что они уже успели принять толику горячительного напитка. Их доброе настроение быстро передалось и нам. Нашёлся общий разговор о молодёжи, о газете. Но говорили больше мы, а незнакомец молчал.

Немного приостановились в разговоре и мы. Вдруг Саша Романов обратился к нему:

- А ты, Николай, что молчишь? Наверно, ведь опять написал много новых стихов?

- Да, кое-что написал, - не сразу последовал ответ.

- Так что молчишь? Рассказывай.

Наш незнакомец как бы замялся, начал отказываться, дескать, для этого не место, но отговориться от назойливых журналистов было невозможно. И он, не вставая из-за стола, начал рассказ спокойным, еле слышным голосом. Тут до меня дошло, что это был молодой поэт Николай Рубцов. Его небольшую книжицу «Лирика» я недавно читал. Тогда она была первой, теперь их вышло более двадцати.

Николай, прочитав одно стихотворение, замолчал, но его хором просили продолжить, и он продолжал возбуждённо. К нашему столу подошли с соседних столов и выступление поэта уже сопровождали аплодисментами. Его долго не отпускали, предлагали вместе посидеть, выпить, закусить. Но я замечу – он рюмку даже не брал в руки.

Вскоре я кое-что узнал о жизни поэта более подробно. Не зря говорят – слухами земля полнится.

Более того, однажды, точной даты и года не помню, где-то в 60-х годах газета «Вологодский комсомолец» поместила письмо поэта, в котором он откровенно, даже чересчур, рассказывает о своей жизни. Пишет о том, что живёт плохо, нигде не работает. И что меня больше всего удивило, что он просит выслать денег в счёт будущего гонорара. До сего дня не могу себе объяснить, зачем газета поместила такое письмо? Может, просто хотели его унижить? Но талант гения в землю не закопать.

Прошло более полсотни лет со дня встречи с великим русским поэтом, но и по сей день у меня перед глазами стоит щупленькая фигура обыкновенного деревенского парня, чрезмерно стеснительного и скромного, ставшего теперь известным не только на область, но и на всю страну. На его стихи написаны сотни песен, поставлены спектакли, их изучают в школах и ВУЗах.

А.В. Белуничев

Анатолий Васильевич живёт в Череповце на проспекте Победы, 64.

41. Котов Михаил Иванович – член Союза журналистов России. Был знаком с Николаем Рубцовым.

Мои встречи с Рубцовым

Впервые встретился с Рубцовым в Вологде, в «резиденции» писателей. Я туда заходил часто, когда приезжал в Вологду, будучи редактором харовской газеты «Призыв» (работал в этой должности с 1963 по 1970 год). В каждый

приезд старался навестить своего друга А. Романова, который был ответсекретарём вологодского отделения Союза писателей России (был знаком с ним ещё до выхода в свет его первой книжки стихов). Там сидели все писатели, Астафьев сразу ушёл, как только мы познакомились.

Романов воскликнул: «Ой, Миша, привет! Давай сходим вместе с нами на обед! Вот Коля Рубцов – будущий большой поэт». Пошли все в ресторан «Север».

Через год, когда я снова приехал в Вологду, зашёл в «Вологодский комсомолец» (редактором тогда был В. Оботуров). Там сидели Коля Рубцов (нештатный литконсультант «ВК»), Ваня Королёв (впоследствии работал в «Красном Севере»), Саша Сушинов. «Ой, гость пришёл, – воскликнул Рубцов, – надо это дело отметить. Пойдёмте обедать в «Поплавок»». Это был любимый ресторан вологодской интеллигенции на реке Вологде. Взяли сухого вина, водки не брали. Официантки, как и везде тогда, не были особо расторопными. В ожидании Сушинов начал «травить» анекдоты. Рубцов не выдержал, стукнул кулаком по столу, крикнул: «Дай послушать, о чём умные люди молчат!» Все замолчали, а тут подошла официантка. Рубцов начал тихо напевать свои стихи.

Коля никогда не напивался, хотя его задерживали много раз, будто он пьяный. Но у него просто такой вид был невзрачный: идёт, сутулый, бормочет что-то себе под нос. Мне мой друг В. Елесин сказал, что в это время, на ходу, он сочиняет свои стихи. Рубцов говорил всем, в том числе и мне: «Если я умру, со мной погибнут целые тома моей поэзии». Он имел в виду, что не все стихи успеет «выложить» из своей головы на бумагу. А сочинял он чаще всего так: идёт и на ходу тихо, себе под нос, напевает, поэтому у него стихи такие напевные.

Однажды, когда я уже работал в «Красном Севере», встретил Рубцова, был разгар лета, и он был побрит «налысо». Спрашиваю: «Коля, чего ты так постригся?» Но он только рукой махнул. Потом мне его друзья рассказали.

Тогда было заведено: всем выпускникам литинститута надо было опубликоваться один-два раза в «Литературной газете». Ему позвонили из редакции и попросили написать что-нибудь о Череповце, какое-то эссе. Он приехал в этот город, на вокзале зашёл в буфет, заказал себе 100 граммов (чего, не знаю), а может, ничего не заказал, просто воды выпил. Вид у него всегда был «не от мира сего», а тут наша зоркая милиция: ага, бродяга! Приволокли в «участок» и начали стричь – тогда такая система была. Парикмахер делает своё дело, а милиционер меж тем документы из кармана достаёт: удостоверение члена Союза писателей, командировочное удостоверение «Лит. газеты». Парикмахер заохала: «Извините, Николай Михайлович, Вас нельзя стричь». Он отвечал: «Да уж стригите, зато бесплатно». Взял тут же обратный билет и уехал в Вологду. Задание «ЛГ» не выполнил, сказал им, что заболел.

Однажды Рубцов, Елесин и я, посидев на веранде ресторана «Поплавок», пошли гулять втроём. Про Колю говорят, что он, дескать, был пьяница. Это неправда. Он мог выпить 100-150 граммов водки – не больше, никогда не напивался пьяным, чтобы валяться где-нибудь. Идём, а впереди шла с подружкой девчонка: кривоногая, кривобокая, вся какая-то несуразная (не статная). А Рубцов: «Какая женщина! Впервые вижу такую!» Мы с Васей: «Что ты, Коля! Посмотреть не на что!» А он своё: «Пойдёмте за ними». Подружки идут, болтают, а мы через всю Вологду так и шли за ними до вокзала, пока они не затерялись в толпе. В своём воображении он нарисовал её красавицей.

В день, когда были похороны Рубцова, я в «Красном Севере» был дежурным по номеру и проводить Колю в последний путь не мог. Пришёл проститься с ним в Дом художника. Всеми ритуальными делами распоряжался Виктор Коротаев. Его при жизни Рубцов не очень-то жаловал. Номер газеты подписал к печати около 21 часа и пошёл в «Поплавок» помянуть поэта. Стучу, а меня не пускают: «Закрываемся». Попросил позвать администратора, она была моей хорошей знакомой. Она спрашивает: «В чём

дело, Михаил Иванович?» «Да вот, - говорю, - надо помянуть Рубцова. Можно заказать 150 г водки и закусить?» «На кухне ничего уже нет, кроме салатов». И тут ко мне за столик подсаживается весь коллектив ресторана во главе с администратором, солидной женщиной, и человек пять молодых официанток. Мы все вместе его помянули, кто-то даже спел песню на его стихи. «Все его знаем, помним. Хороший поэт».

Михаил Иванович Котов, член Союза журналистов

Михаил Иванович!

Добрый день!

Посылаю Вам несколько стихотворений. Они неумелые, но созданы душой. Есть кое-какая выдумка. Посылаю также протокол

Если Вы напечатаете стихи, то пошлите, пожалуйста, и мне газету со стихами.

Дружеский Вам привет
и большое уважение.

Мой адрес: г. Вологда,
ул. Ленина,
д. 3, кв. 66

16/X-64. Н. Рубцов

Привет также от В. Белова.

Михаил Иванович жил на улице Командарма Белова, 47.

42. Куваева Валентина Фёдоровна, библиотекарь. Живёт в Череповце с 1970 года. Впервые **увидела Николая Рубцова в 1964 году в Вологде**, на встрече с читателями в областной библиотеке имени Бабушкина.

Валентина Фёдоровна вспоминает:

Так получилось, что Николай Рубцов и я оказались в Вологде в одно время. Я после окончания Ленинградского института культуры была направлена на работу в областную библиотеку им. Бабушкина в 1965 году, а в 1964 году была

там на практике. Вологодская писательская организация славилась, и очень часто в стенах библиотеки проходили встречи писателей с читателями – собирались огромные залы. Вот тогда я и увидела Николая Рубцова, Ольгу Фокину, Александра Романова, Виктора Коротаева, Василия Белова и других. Они садились лицом к залу, и происходило самое тесное общение. Запомнилось, что Н. Рубцов почти всегда садился на уголок стола с застенчивой улыбкой, а когда читал стихи, его голос был очень уверенный. И надо же было так случиться, что в 1967 году мы с ним оказались соседями по общежитию. Это было общежитие совпартшколы для семейных; оно стояло, это двухэтажное здание, за основным зданием общежития. Для меня место в этом общежитии после частной квартиры было счастьем, думаю, что и Николаю Рубцову, после всех скитаний, тоже. Его поселили в комнату, где сначала жила я с подругой. Мне позже предложили комнату для трёх человек, а он стал жить один в нашей. Кухня была общая. Однажды смотрю - наш бывший чайник стоит на газовой плите, а из него что-то пузырится и вытекает. Оказалось, варятся пельмени. Я убавила газ. В коридоре встретила с Н. Рубцовым. Он спиной прижался к стене, чтобы пропустить меня, и опять на лице улыбка. Мы с ним не успели ближе познакомиться, т.к. общежитие вскоре стали расселять: мы получили свои первые ордера на собственное жильё. Мы с девочками на работе тогда смеялись, что вот когда прославится Николай, я напишу мемуары, что жила с ним в одном общежитии. Он жил так неслышно и скромно, что не все, очевидно, и знали, какой человек живет рядом с нами...

Валентина Фёдоровна живёт в Череповце на проспекте Победы, 115.

43. Грязев Александр Алексеевич – известный вологодский писатель, член Союза писателей России с 1991 года. Жил в Череповце с 1960 по 1973 год. **В 1969 году встречался с Рубцовым**, написал об этом воспоминания.

«... Не больше чем знаком»...

Перечитывая недавно стихи Николая Рубцова, удивительное я сделал для себя открытие: чем дальше мы уходим от времени, в котором жил поэт, тем ближе нам его поэзия, да и он сам...

С Николаем Рубцовым, говоря его же стихотворной строчкой, я был «не больше чем знаком». Но две встречи с ним, которые подарила мне судьба, остались в памяти, хотя с тех майских дней 1969 года прошло уже больше тридцати лет.

Той весной я приехал в Москву на очередную сессию в историко-архивный институт, где учился заочно, и в один из дней случайно встретил череповецких ребят – Эмиля Смирнова и Мишу Ганичева, с которыми был немного знаком по городскому литературному объединению. Оказалось, что они тоже приехали на заочную сессию в Литературный институт. Прощаясь, ребята пригласили меня навестить их в институтском общежитии.

И вот, выбрав один из дней между экзаменами, я приехал к ним на улицу Добролюбова.

Помню, что весь день мы провели в разговорах, а ближе к вечеру пошли в соседнюю столовую попить пивка.

В столовском зале Эмиль с Мишей сразу увидели знакомую компанию своих ребят-студентов, сидевших за столиком у самого окна, о чём-то спорящих и тоже пьющих пиво.

- Там Коля Рубцов, - сказал Миша. – Пойдём к ним.

Мы подошли к ребятам и прервали на время их громкий разговор. Миша Ганичев представил меня Рубцову как земляка из Череповца, и мы познакомились. Николай подвинулся и пригласил присесть рядом. Слева от него сидел, как мне запомнилось, поэт Володя Липатов и по всему было видно, единомышленник Рубцова.

Напротив них пили пиво два или три студента-заочника и, как оказалось, противники Николая в сегодняшнем литературном споре, который тотчас же возобновился. Мне запомнился и почему-то не по имени, а по фамилии только один из них – Шевченко. Он яростнее всех, как мне показалось, нападал на Рубцова из-за каких-то стихов.

Книги Николая Рубцова у меня дома были, стихи я его читал, но наизусть, естественно, не знал ни одного и всё время думал, что Николай может спросить меня о своих стихах, но он лишь вяло отбивался от слов и суждений споривших с ним однокашников. Горячился только его товарищ Володя Липатов, а потом и Миша Ганичев с Эмилем стали помогать ему в этом споре.

Рубцов же больше молчал, склонив голову, и выглядел каким-то совершенно незащищённым человеком. Мне стало даже его жаль, и я, впервые оказавшись в кругу поэтов, чувствовал себя из-за этого как-то неуютно. В то время я был далёк от поэзии, судить о стихах не мог, но видел, что Рубцов был прав в этой словесной перепалке.

Но как пиво в наших кружках, закончился скоро и разговор. Мы вышли из столовой и на улице попрощались с Николаем...

Ночевал я в общежитии Литинститута. В тот вечер, помнится, было ещё много разговоров, и мы легли спать поздней ночью. Утром же пошли в ту самую столовую завтракать.

Вчерашняя компания поэтов, но без Рубцова, уже заседала там за одним из столов в глубине зала. Они всё так же шумно спорили, как и вчера. Но мы к ним подходить не стали, а выбрали столик недалеко от дверей.

Миша Ганичев первым увидел входившего в столовую Рубцова и громко сказал нам:

- А вот и Коля пришёл!

Я обернулся. Николай Рубцов стоял в дверях и оглядывал зал. Заметно, что он был не такой грустный, как вчера, да и одет по-другому: выглаженный тёмный костюм, белая рубашка и тёмный узкий галстук. Так одеваются только по торжественным дням.

Николай подошёл к нашему столу и поздоровался с каждым из нас. Мы же пригласили его за стол, но Коля отрицательно замотал головой и, наклонившись к нам, сказал:

- Нет, земляки, извините, не могу. Вон, видите, там за столом сидят вчерашние ребята?

Мы закивали головами.

- Так вот, - продолжал Рубцов. – Я сейчас пойду туда и покажу им, что такое настоящий русский поэт!

И Коля решительно направился к шумному столу поэтов.

Больше я Николая никогда не видел... Только на фотографиях. На одной из них он снят со всеми своими однокурсниками в день окончания Литературного института. Николай Рубцов стоит вторым справа в том самом торжественном костюме. Та фотография и напомнила мне мою встречу с ним в тёплые майские дни шестьдесят девятого года теперь уже прошлого века.

Январь 2002 года.

Вологда.

Воспоминания Александра Грязева «Не больше чем знаком...» опубликованы в книге Михаила Сурова «Рубцов. Материалы уголовного дела, неизвестные фотографии, новые свидетельства». Вологда.2005. С. 721-723.

Александр Алексеевич Грязев жил в Череповце сначала в рабочем общежитии на улице Мира, 3. Позднее получил жильё по адресу: улица Красноармейская, 28, кв. 97 (ныне этот дом значится по проспекту Победы, 69).

44. Мальцев Вениамин Викторович – член Союза писателей-краеведов Вологодской области, заместитель председателя Череповецкого литературного объединения. **Встречался с Николаем Рубцовым в феврале 1970 года в Вологде.**

Моя встреча с Н. Рубцовым

Встреча с поэтом Николаем Рубцовым у меня произошла где-то в конце февраля 1970 г. жить ему фактически оставалось уже меньше года. А прелюдией этой встречи явились три письменных рецензии на мои стихотворения, где с критической доброжелательностью были отмечены и положительные черты моей юношеской непосредственности. А это была в

основном любовная лирика. И даны соответствующие советы в целом по всей моей поэзии. Я в то время только пришёл из армии, а служил в Средней Азии, так что фактически с нашей вологодской поэзией был не очень-то и знаком. И о Рубцове Н. знал по нескольким публикациям в газетах и по книге «Звезда полей», которую накануне перед этим приобрёл.

Николай Рубцов в это время работал литературным сотрудником газеты «Вологодский комсомолец». И я под впечатлением своих юношеских амбиций, а точнее по настойчивой просьбе дамы сердца, которой и посвящались эти стихи, собрав всё своё поэтическое наследие, отправился из Череповца в редакцию «Вологодского комсомольца», чтобы на месте разобраться, почему какой-то Рубцов не печатает очень «умного» поэта Мальцева в данной газете. В кабинете редакции, куда я явился где-то около обеда, застал трёх мужчин о чём-то энергично рассуждавших. На Рубцова Н. как-то сразу обратил внимание. Во-первых, узнав его по газетным портретам, во-вторых, он несколько выделялся из этой троицы, был более спокойный и немного грустный. Узнав, о цели моего визита, Николай Рубцов завёл меня в соседний кабинет, как оказалось, там все уже ушли на обед, и в течение примерно получаса, разбирая мои вирши, объяснял, подсказывал. И вместе с ненавязчивой критикой указывал на положительную сторону моих стихов. И одно из них, после некоторой небольшой обработки, сделанной по совету Рубцова Н., вскоре было напечатано в одной из районных газет. Расставаясь, пожелав мне творческих успехов, он намекнул, что газета «Вологодский комсомолец» и он лично ждёт со мной новых встреч в поэтическом обзоре.

В редакции газеты я появился через год, в марте 1971 г. Литературным консультантом там уже работал Борис Чулков – поэт, который тоже внёс свою лепту в шлифовку моей поэзии. А Николая Рубцова, к великому моему сожалению, уже два месяца как не было в живых. Так и остался он в моей памяти несколько грустным, немного утомлённым и вместе с тем, с каким-то живым притягательным блеском глаз, когда речь заходила о поэзии. И

чувствовалось внутреннее человеческое участие к тому, кто ждёт от него помощи. и даже само это обаяние, исходящее от него, уже располагало к дружеской беседе. И казалось, что с этим человеком ты знаком всю жизнь. Под впечатлением этих воспоминаний у меня написано небольшое посвящение поэту Николаю Рубцову.

Вениамин Мальцев

Воспоминания В.В. Мальцева опубликованы в сборнике **«С нами всегда»**: череповецкие поэты Н. Рубцову / авт. проекта Н.А. Кузнецов, ред. А.А. Ткачёв. – Череповец, 2009. – С. 36-38.

Вениамин Викторович гордится тем, что его стихотворение «Любовь и разлука» правил Николай Рубцов.

*Эти стихи Н. Рубцов
помог мне
довести до поэтически-
лирического вида
Мальцев*

Записка В.В. Мальцева: «Эти стихи Н. Рубцов помог мне довести до поэтически-лирического вида. Мальцев»

Любовь и разлука

Как же можно тебя не любить,
Не лелеять душой безмятежной?
Не представляю, как можно жить
Без тебя, без любви твоей нежной.

Пусть умчатся, растают года,
Растеряв дней унылую грусть,
Я останусь с тобой навсегда,
Уходя, обернусь и вернусь.

Ты сейчас от меня далеко,
Между нами каскады дорог.
Дремлет домик над тихой рекой,
Утром ляжет туман на порог.

Солнце сядет тебе на ресницы
И заглянет украдкой в глаза.
Думы-мысли, залётные птицы,
Сном играя, вершат чудеса.

Прилетят утром доброю сказкой,
О тебе мне поведают новь.
И мечты-грёзы с нежною лаской
Озарят нашу чудо-любовь.

Залетев в твои сны на рассвете,
Я горстями мечту буду пить.

Если лучшая ты на свете,
Как же можно тебя не любить?

Сентябрь 1968 года
(г. Ашхабад)

Стихотворение напечатано в сборнике стихов В.В. Мальцева «Юность, любовь и мечты», изданном в Череповце, «Окраина», 2009. С.53.

Вениамин Викторович живёт в Череповце на Северном шоссе, 31.

45. Брагин Александр Евгеньевич – писатель, краевед. В 1970 году встречался с Николаем Рубцовым в Вологде.

Через годы с поклоном

Прослышали, что я в городе, и зачастили ко мне Веня Шарыпов и Валя Федотов. Затем я сам стал выбираться к ним. Разница в возрасте в пятнадцать лет, каждый настолько меня старше, не замечалась и не мешала.

Неприметно образовалось содружество «не разлей вода». Всякий из членов тройственного союза не мог долго обходиться без остальных.

С долей иронии всё описано у меня в «Признании», повести в стихах. Действие, правда, сдвинуто из зимы в лето.

В порту родном,
Сойдя на берег,
Тотчас к Федотову спешит.
Шофёр, а более пиит,
Един с героем в птичьей вере,
Мол, если сердце не поёт,
То и рассвет не настаёт.

А то скептический Шарыпов
Его на кухне приютит.
И рукописью шелестит,
И голос полон важных скрипов.
Шарыпов, как весенний грач,
Черён.
И в замыслах лихач.
И в прозе
Так в Беловы рвётся.
И над собою сам смеётся.

А то компанией они
Втроем сойдутся.
И судачат.
Что для России Пушкин значит.
И искони, не искони

В Рубцове горнее прозреньё?
Что – мастерство?
Что – вдохновенье?
И денег просят у родни.

Заполучив желанные три рубля, Веня с Валею покупали бутылъ вина, не помню, чтобы водки, и не помню, чтобы покупка повторялась. И мы уединялись. Чаще где-нибудь в столовой. Я выпивал ровно рюмку. Больше – не осиливал. Да пожалуй, и не дозволили бы.

Федотов жил от меня совсем рядом. Встречались мы с ним, если не ежедневно, то через день. С Шарыповым несколько реже.

Вечно нарядный, заикающийся, смешливый, он вторгался в наше жилище и с порога объявлял, что написал новые стихи о любви. «Да ты послушай!» И читал, помогая голосу движением правой руки.

После чего мы, восторженные, неизменно бродили по улицам. Он продолжал читать, его трудно остановить.

Ах, как светится снег бело-розово-сине!
Можно долго глядеть на него не дыша!
Как чиста в одеянии снежном Россия,
Как светла у России под снегом душа!
Ведь это когда-то было!
Может, более, чем своей мощью ракетной,
Чистотою своею Россия сильна.

Где ты теперь, Валя?

В ответ недоумение твоего взгляда из прошлого: «Чудишь! А разве не в вас? Ты вот помянул».

В Вологде наклёвывался семинар молодых литераторов. Федотов с Шарыповым уговорили меня послать рукопись в писательскую организацию. Я отослал. Потому что считал, вы, старшие, лучше знаете, что мне надо делать.

Вся троица ждала вызова от Александра Александровича Романова, ответственного секретаря Вологодской писательской организации.

Пришёл Валя: «Меня вызывают».

Примчался из Заречья Веня: «Вызывают. А тебя?»

Меня не вызывали.

Я как-то успел позабыть о своем хвосте. Конечно, мой толстый конверт пылился в Комитете. Он так и не ушёл в Вологду.

Шарыпов замучил вопросами: «Адрес указал правильно? Марок не пожалел? Отправил заказным?»

Шарыпов негодовал на почту. И был настроен решительно. Я присадил его на грешную землю.

Шарыпов нашёл решение. Он позвонил Александру Александровичу. Романов дал добро на мой приезд.

Веня ещё не знал, что определяет мою судьбу.

Не припомню, на чьей машинке мы вновь перепечатали мои вирши. Машинка была и у Вени, и у Вали.

В комнатухе, которую тогда занимала Вологодская писательская организация, невозможно было не приметить хозяина – Александра Романова. Или могутного Виктора Коротаева. В центре внимания Василий Белов. На виду Ольга Фокина. Гости – старейшина поэтического цеха Сергей Николаевич Марков и критик, профессор Литературного института Валерий Васильевич Дементьев – окружены эскортом.

В углу у окна, отстранённый от общего гама, точно невзначай забредший, а потому лишний, Николай Рубцов.

Веня до конца исполнил роль моей няньки. Отобрал у меня рукопись. Перемолвился с Романовым, который утвердительно кивал головой. Затем перешушукался с Рубцовым, указывая на меня глазами. И, когда передавал рукопись, у Вени было такое выражение лица, будто он делал Рубцову подарок.

Заседания стихотворцев происходили в зале, располагавшемся напротив писательской комнатухи, прозаиков – непосредственно в ней.

На следующий день Рубцов выступал не с утра, а сразу же после первого перерыва в ходе заседания. Полагаю, излишне клясться в том, что я ещё с вечера волновался.

Рукопись моя состояла из двух циклов: один «судный», где много политики и яду, другой лирический, «ленинградский», правда, прямого отражения моей личной жизни в нём искать бесполезно, только опосредованное.

Рубцов начал с «судного». Бранил за книжность и путаность. Но очень деликатно, сознавая, что здесь у больного опухоль. На «судный» цикл ушло минут семь.

Далее он меня бессовестно хвалил.

Прочёл вслух шесть стихотворений «ленинградского» цикла, отмечая их достоинства. Одно из стихотворений оказалось непонятно кому-то в зале. «Как непонятно?!» – возмутился Рубцов и толковал его с первой до последней строчки.

Два ему глянулись особенно.

Любимые руки... Ветки досадно качнулись.
Старая женщина смотрит внимательно вниз.
Я отвернулся от вас. Вы от меня отвернулись.
Я вас любил, и поэтому мы разошлись.
Красный трамвай покатился по рельсам обратно.
Даже кондуктор и тот не окликнул меня.

Я виноват?
Или песня моя виновата?
Руки любимые!..
Выйти... и – хоть телефонную будку обнять.

В течение дня Николай Михайлович многократно ни с того ни с сего повторял: «Выйти... и – хоть телефонную будку обнять». Видимо, по состоянию оно оказалось где-то близким ему.

Другое:

Весна, весна! Ты – как чужой ребёнок.
Ищи своё жильё, а мне не по себе,
Запутался в сердечных веретёнах,
Там что-то начал прясть нежнее и слабей.
Какая тяжкая, как женский плач, погода.
Весна, весна! Завинчен круг шоссе.
Пройдусь до озера, хоть нет
Особенной охоты.
Вернусь, чтоб книжный ум
Высасывать, как все.
Но отчего так этот вечер ранит?
Ведь ты же знал, что ты не нужен ей!..
Но знал и то: листы повясть – повянут,
Да их не обрывают по весне.

В нём Рубцов поправил два слова. Какие? Пусть остаётся тайной. Моим правом на секрет. С его правкой оно далее и печатается.

Закончил Николай Михайлович предложением. Он даст мне рекомендацию в Литературный институт.

В перерыве тотчас подошёл Валерий Васильевич Дементьев: «С рекомендацией Рубцова только в тюрьму! Хотите поступать – поступайте без неё. Я вас поддержу».

В «Вологодском комсомольце» за 27 марта 1970 года Рубцов подводил итоги семинара.

Валю Федотова и меня вроде бы пометили знаком плюс.

«Интересно выступил на семинаре А. Брагин из Череповца», – это из статьи Рубцова. Потом: «Ему было указано на некоторую книжность и запутанность его творческой системы». Но... «была отмечена и свежесть его поэтического поиска».

В литературную подборку итогов попала моя «Весна» и «Снега России» Федотова.

Ныне о давнем и дорогом семинаре напоминает фотография Аркадия Кузнецова на стене кабинета Вологодской писательской организации. На фотографии мы с Валентином на половине Рубцова.

В тот памятный день Николай Михайлович выразил желание где-нибудь посидеть и поговорить. Я глупо и по-детски заявил, что мы, черепане, везде ходим вместе.

Он лукаво улыбнулся и пригласил нас троих.

Ресторан, по-моему, назывался «Чайка». И располагался прямо на воде, на дебаркадере. От него до дома Рубцова на улице Яшина рукой подать.

Заказали шампанское. Вернее, какое-то цимлянское. И очень умеренно. Мне, по счастью, не пришлось выдывать Рубцова с «кренцем».

Сперва он досадовал на присутствие Вали и Вени, беседа, видимо, предназначалась мне одному. Потом с этим смирился.

Десять месяцев земного бытия ещё отпущено ему. «Я умру в крещенские морозы». Вероятно, он предчувствовал смерть.

Почему он избрал в собеседники меня? Может быть, ведая о моих мытарствах? Или имелась другая причина?

Разговор наш никак не назовёшь дежурным. Жаль, Шарыпов не оставил воспоминаний.

Действительно ли он нуждался в каком-то наследнике и последователе, как уверял меня через полтора года Виктор Коротаев, и я попался ему под руку? На безрыбье, дополнил бы я в таком случае.

У Николая Михайловича был прямой, неумолимо пронзительный взгляд. Выдержать который нелегко.

Он решительно благословил меня на литературную стезю. Его решительность впоследствии поддерживала меня в часы упадничества и сомнений. Добавил, «там ямы, ямы, ямы. Да ты, кажется, не из пугливых».

Затем пошли вопросы. И все касательно моего стихотворчества. Первый: с каких рыжиков начал писать? Я полез в дебри, заплутал, зарапортовался. И чистосердечно признался: «Не знаю».

После чего Рубцов говорил сам. Полагаю, в тот год он напряжённо размышлял о сути творчества. Я записывал на подкорку не только доступное мне, но и тёмные места. Так он пробросил, дескать, стихосложение – это особое дыхание и более ничего. Мысль о стихосложении как особом дыхании – или им недостаточно продуманная, или мной недостаточно понятая – до сих пор не даёт покоя. Ядро моих подступов к словам Рубцова – в родственности «души», «духа» и «дыхания». «Дыхания» как изречения душой самоё себя. И пение – «дыхание». И бытовой разговор – «дыхание».

Короче, выдернуть сию занозу пока не по силам.

«Меня здесь, в Вологде, - продолжал Рубцов, - поначалу все учили писать стихи. Я никого не слушал. Доверял натуре. Потеряешь веру в себя – потеряешь всё».

У Рубцова только что увидела свет книга «Сосен шум». Он поинтересовался: как она нам?

Взялся отвечать Шарыпов. А Веня не умел улыбаться. Улыбок-то у него вроде две: ехидная и простодушная. Да обе – ухмылочки.

Веня с улыбкой – в задумке как бы виноватой и простодушной, сообщает Николаю Михайловичу, что, конечно, слабее «Звезды полей».

Рубцов расстроился. И оправдывался, что с книгой к читателю всё равно идти надо, поэтому, хотя он и не считает её своим достижением, но и провалом тоже.

Все почувствовали неловкость. И беседу наспех свернули.

Рубцов обещал мне писать.

Писем было два.

Первое даже не письмо, а так, к сведению. Я в своём послании посетовал, что, наобещают-де, а не напишут. Рубцов тут же ответил, нет, он ничего не забыл.

Во втором он «отстегал» меня будь здоров! Я с okazji отправлял ему продолжение «судного» цикла.

Отношение к политическим потугам в стихах он выразил предельно просто: «Греметь кулаком по железу – недостойно поэзии».

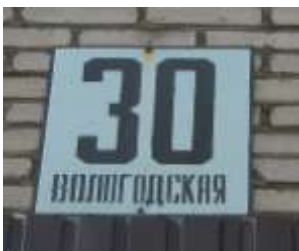
И завершил письмо: «У тебя иное предназначение».

Я Николаю Михайловичу поверил.

Александр Брагин

Воспоминания А.Е. Брагина опубликованы в череповецкой общественно-политической газете «Речь» № 11 (20452). 19 января 2001 года. С. 7.

Александр Брагин до переезда в деревню Лысаково Шекснинского района жил в Череповце на улице Вологодской, 30, кв. 12 .

46. Соколов Евгений Александрович – Заслуженный художник России с 2007 года. Встречался с Николаем Рубцовым.

Воспоминания о Николае Рубцове

Для меня Николай Михайлович Рубцов является великим русским поэтом. Его творчество – камертон, жемчужина русской поэзии.

Жизнь Н. Рубцова проходила в Вологде в очень трудных условиях. Да и сама творческая работа поэта не имела поддержки у властных структур Вологды. И не только у власть имущих. А и у собратьев по перу. В ту пору писательская организация в Вологде была очень сильная. Достаточно сказать,

что в неё входили такие корифеи как Василий Белов, Александр Романов, Виктор Коротаев, Виктор Астафьев, Василий Оботуров и другие. Это были люди, признанные читателями и властью, обеспеченные, имевшие свои квартиры, семьи с устоявшимся бытом. Рубцов им казался белой вороной, чужаком. Отношение к нему было снисходительное. Он это чувствовал и «глушил», чем усугублял своё положение.

Стать и остаться великим поэтом мог только очень сильный человек, каким был Николай Михайлович Рубцов.

Я встречался с Рубцовым неоднократно. Более всего мне запомнилась встреча в июне 1970 года в деревне Оденьево, что находится на Цыпиной горе в окрестностях Ферапонтова монастыря.

Рубцова привёз к нам на своём газике корреспондент Всесоюзного радио Энгельс Федосеев. В это время у нас гостили два болгарских реставратора, прекрасно знающих русский язык, и группа художников из Вологды. Владислав Сергеев, на правах хозяина, с кем-то из местных ушли ловить рыбу. Остальные остались готовить место для костра, используя в качестве сидений брёвна.

Сварили на костре уху. Была прекрасная белая ночь. Мы все сидели вокруг костра. У местного жителя, деда Кирсана, взяли гармошку, и Николай Рубцов играл на ней и пел свои песни: про морошку, про деревню... Вдохновенно читал свои стихи. Был в центре внимания.

В разговор с Николаем я вступал редко, больше наблюдал за ним. Я почувствовал в нём родственную душу: жизнь в детдоме наложила свой отпечаток на каждого из нас. С творчеством Рубцова я был знаком и раньше, а тут, у костра, увидел в этом человеке слиток таланта и почувствовал искреннюю любовь его к российской земле.

В эту ночь у меня и возникла мысль написать портрет поэта Рубцова.

Для создания портрета я использовал опыт Дионисия, расписавшего пигментными красками Храм Рождества Богородицы в Ферапонтовом

монастыре. Пигментные камушки разных оттенков встречаются в большом количестве только вблизи Ферапонтова. Я насобирал их на берегу Бородавского озера и по дорогам близ Ферапонтова более трёхсот оттенков.

Чтобы пользоваться пигментами, надо камушки растереть курантами (это специальные твёрдые камни с одной отполированной поверхностью) с водой на гранитной гладкой плите. В итоге получается тесто. Далее в него добавляется в определённых пропорциях яичный желток, пиво (или сухое вино) и антисептик.

Писал не на холсте, а на паволоке. Это холст, приклеенный на твёрдую основу и загрунтованный. Как в иконописи.

Пятнадцать лет портрет был не востребован, находился у меня в мастерской. Только к 70-летию юбилею поэта Департамент культуры Вологды приобрёл этот портрет.

Его возили в Москву на торжественный концерт, посвящённый Николаю Рубцову.

Сейчас портрет находится в Вологодской картинной галерее.

16 декабря 2010 года.

Е.А. Соколов

В минуты музыки. Поэт. 1986. Художник Евгений Соколов

Евгений Александрович до переезда в Вологду жил в Череповце на улице Ленина, 115, кв. 34.

47. Сергеев Владислав Александрович. С 1977 года – Заслуженный художник РСФСР. С 1963 года живёт в Череповце. Встречался с Николаем Рубцовым, создал четыре его портрета, оформил три сборника стихов Рубцова.

Воспоминания Владислава Сергеева

С Николаем Михайловичем Рубцовым я коротко встречался трижды.

Первая встреча состоялась, когда он в составе группы творческой интеллигенции приехал летом 1970 года на Цыпину гору (в деревню Горы, Кирилловского района), что в окрестностях Ферапонтова монастыря, где до сих пор сохранились фрески знаменитого Дионисия. Там я жил и живу до сих пор.

Помню, кто-то разжёл костёр, и вокруг него собралось человек 8-9, в основном художники. Кроме меня были: В. Корбаков, Ю. Петров, В. Малыгин, Е. Соколов, два товарища (художник и реставратор) из Болгарии, которые прекрасно знали и понимали русский язык, и какая-то дама, сопровождавшая группу.

Вечер был тёплый, тихий.

Николай Рубцов начал увлечённо, напористо читать своё замечательное стихотворение:

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён...

Стихотворение поразило нас глубиной чувств и смысла, даже не сразу полностью дошедшего до нас. (Позже я перечитывал его не раз.)

Все восторгались, хвалили Рубцова.

В то время Николай Михайлович, действительно, мало был кому известен. Это теперь все понимают, что он – великий русский поэт.

Вторая встреча произошла тем же летом.

Мы с Энгельсом Федосеевым, журналистом Всесоюзного радио, гуляли по Вологде. Оказались в районе проживания Рубцова, и Энгельс предложил навестить Николая.

Поднялись на пятый этаж. Николай Михайлович дома был один. Обстановка в квартире меня поразила: неприглядная, сиротская.

Посидели немного (я больше молчал), поговорили... до новых гостей...

В третий раз мы виделись в Вологде почти перед смертью поэта, в январе 1971 года.

Встретились случайно на одной из улиц. Поравнявшись с телефонной будкой, я увидел, как из неё выходит Николай Михайлович с молодой женщиной (Л. Дербиной). Мне она показалась красивой, и я не удивлён, что он мог в неё влюбиться.

Рубцов узнал меня. Подтолкнув Л. Дербину вперёд, он сказал:

- Вот, рисуй её!

Мы обменялись какими-то общими фразами и разошлись.

Основное же знакомство с Николаем Михайловичем у меня состоялось через его творчество.

Летом 1971 года я отправился в село Никольское в сопровождении поэта Виктора Коротаяева.

Походил по полям, по лугам, возле ветхого домика, где жила жена Рубцова, Генриетта Михайловна, с дочерью Леночкой. Познакомиться удалось только с тётёй Шурой, тётёй Рубцова, поскольку Генриетты Михайловны и Леночки дома не было.

Я проникся духом поэзии Рубцова, сделал зарисовки и долго не мог отойти от всего виденного. Воплощал в графические работы.

Эти графические работы я использовал при оформлении сборников стихов Рубцова:

- «Последний пароход», Москва, «Наш современник», 1973;
- «Подорожники», Москва, «Молодая гвардия», 1976;
- «Видения на холме», Москва, «Молодая гвардия», 1990.

Владислав Сергеев

Владислав Сергеев у написанного им портрета Н. Рубцова
(фото Михаила Макарова. 2005 год)

**Портреты поэта Николая Рубцова,
созданные Владиславом Сергеевым в разные годы**

Портрет Николая Рубцова. 1985.

Портрет Н.М. Рубцова. 2005.

Портрет Н.М. Рубцова. 2011.

Портрет Н.М. Рубцова. 2011.

**Иллюстрации к книге стихов Н.М. Рубцова
«Последний пароход». 1973.**

Обложка. Цветы и ласточки.

90 76

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

НИКОЛАЙ
РУБЦОВ

СТИХИ

ПОСЛЕДНИЙ
ПАРОХОД

Министерство культуры
Российской Федерации
Институт литературы
и языка им. В. Г. Белинского

Титульный разворот

Разворот «Всадник в поле».

Всадник. Левая часть.

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,

Луна над полем. Правая часть.

Разворот «Деревенское лето»

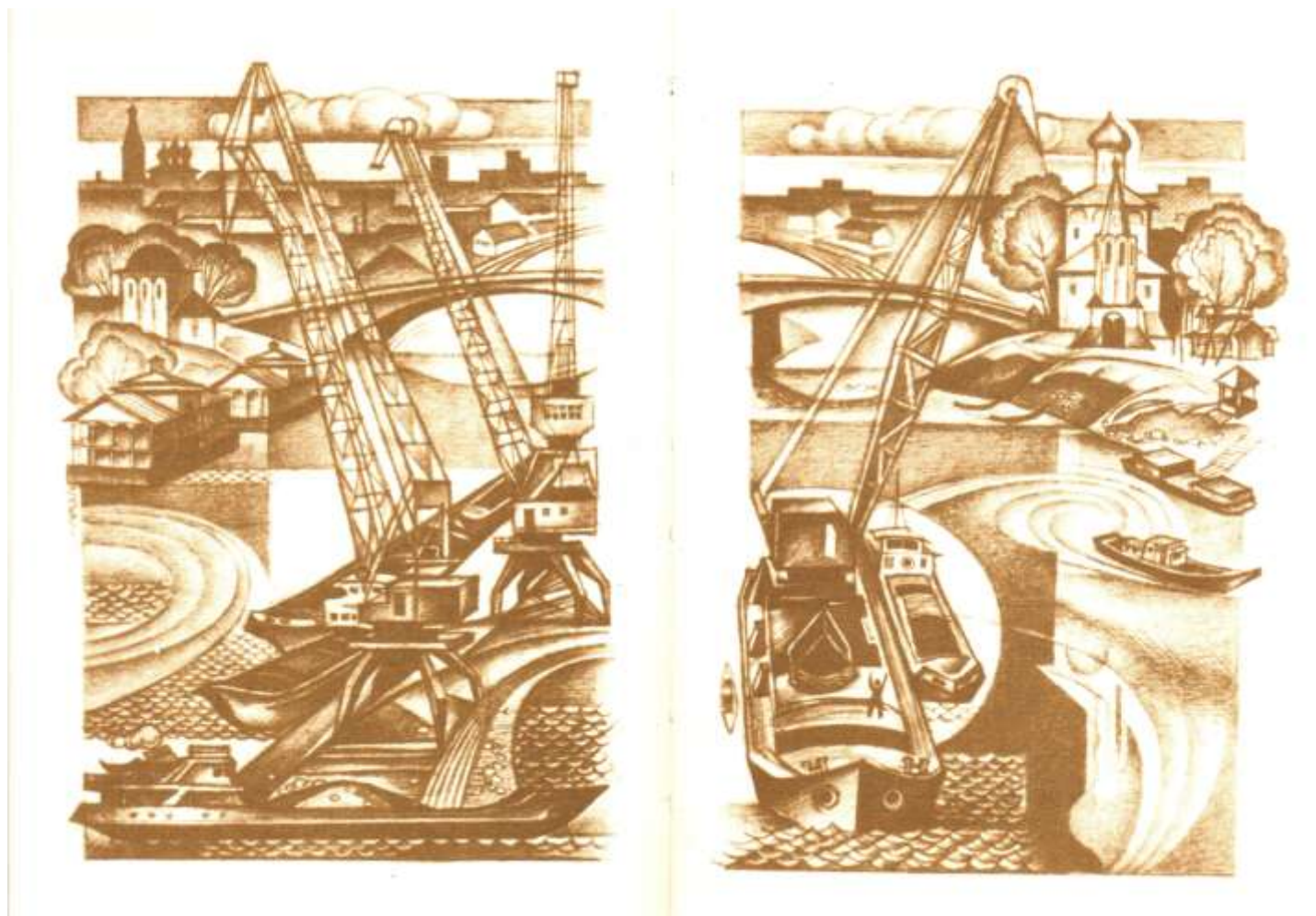

Радуга. Левая часть.

Облако над деревней. Правая часть.

Разворот (без названия)

Разворот «Старая Вологда»

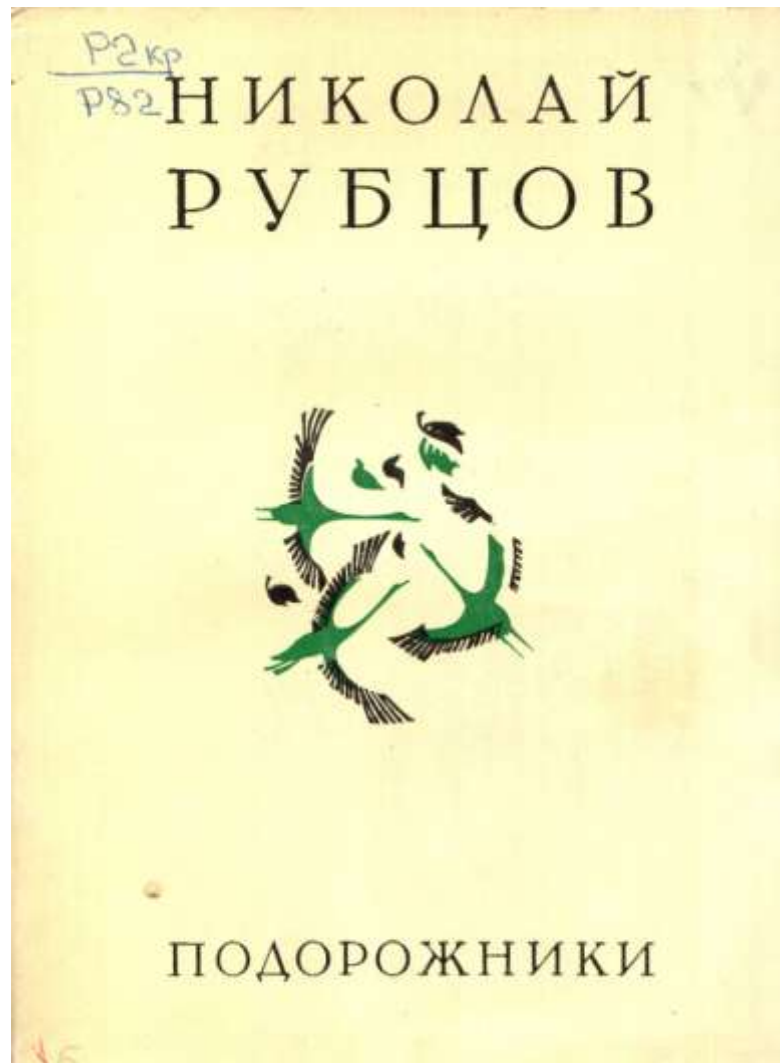
Вологодский Кремль. Левая часть.

Набережная реки Вологды. Заречная сторона.
Правая часть.

Иллюстрации к книге стихов Н.М. Рубцова «Подорожники». 1976.

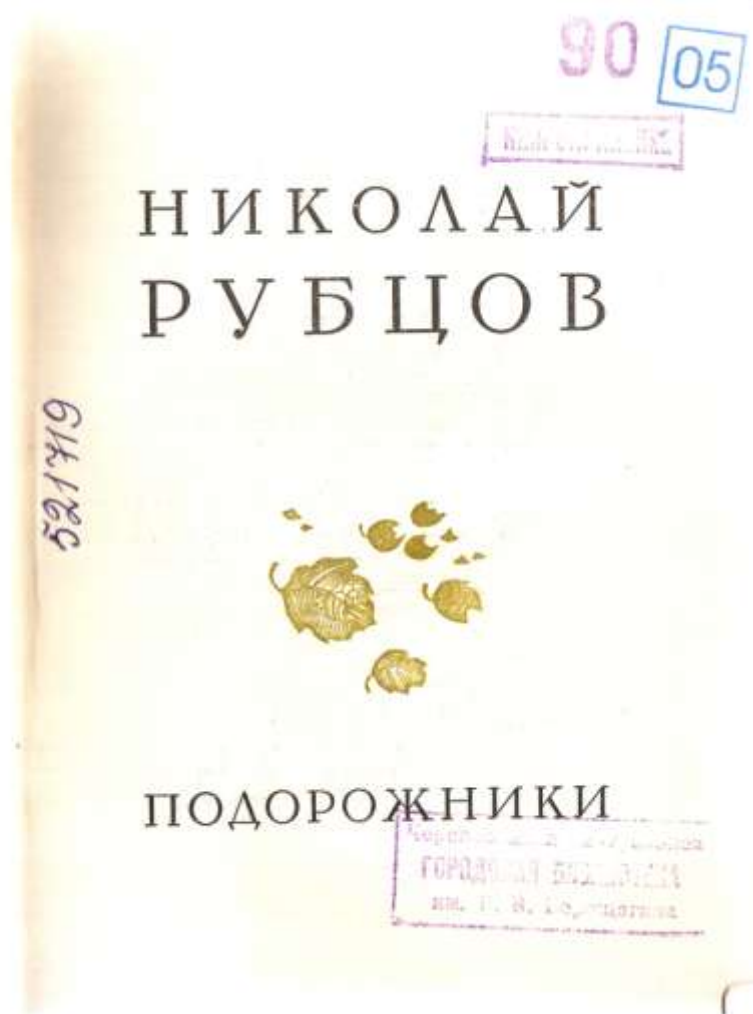

Обложка

Титульный разворот

Дерево и кони. Левая часть.

Опавшие листья. Заставка. Правая часть.

*

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду сканать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,

12

Северная деревня у озера.

И лучшую жинцу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнувшем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле пад обрывом безвестные нивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнывает мели.

13

Всадник. Заставка.

НА НОЧЛЕГЕ

Лошадь белая в поле темном.
Воеет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укроной,
Освещая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай?»
Посмотрел, покурив, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

16

Лошадь в поле.

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:
Ты с рассказом к нему веселым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким стол,

2 Н. Рубин

17

Лампа у окна. Заставка.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ!

Ночью я видел:
Ломались березы!
Видел: металась цветы!
Гром, рассылающий
Гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И все-таки мудро:

Гроза над полем.

Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!

Сноп. Заставка.

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья
с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалею ты листьев, не жалею,

134

Скамья в парке.

А жалею любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не жалею ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья
улетели?

135

Журавль. Заставка.

ЯНВАРСКОЕ

Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком воскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками ухаживает, —
Снежком атласным принаряживает

230

Собор в морозном окне

И в новогодний путь — проваживает!
А после сам принаряжается,
В мальчишку вдруг преображается
И сам на праздник отправляется:
— Кому невесело гуляется? —
Лесами темными и грозными
Бежит вперед с дарами редкими,
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками,
И льдинки отвечают звонами,

231

Еловые ветки. Заставка.

**Иллюстрации к сборнику произведений Н.М. Рубцова
«Видения на холме». 1990.**

Обложка. Венок из трав.

Корешок. Полевой цветок.

Титульный разворот

Деревянная церковь. Левая часть.

Всадник в плаще. Правая часть.

Шмуцтитул к разделу «Стихотворения»

Колоски и чертополох

Пейзаж с храмом

✱ ✱ ✱

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую винцу, как знамя, в руках пронесил!

И быстро, как ласточки, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на дунке,
А мимо неслась в торопливом немолкнущем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные нивы мои!

Русская пляска

Шмуктитул к разделу «Воспоминания»

Куст чертополоха

Осенняя аллея

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Шел первый год войны. Моя мать лежала в больнице. Старшая сестра, поднимаясь задолго до рассвета, целыми днями стояла в очередях за хлебом, а я после бомбежек с большим увлечением искал во дворе осколки и, если находил, то гордился ими и хвастался. Часто я уходил в безлюдную глубину сада возле нашего дома, где полюбился мне один удивительно красивый алый цветок. Я трогал его, поливал и ухаживал за ним, всячески, как только умел. Об этом моем занятии знал только мой брат, который был на несколько лет старше меня. Однажды он пришел ко мне в сад и сказал:— Пойдем в кино.— Какое кино?— спросил я.— Золотой ключик,— ответил он.— Пойдем,— сказал я. Мы посмотрели кино «Золотой ключик», в котором было так много интересного, и, счастливые, возвращались домой. Возле калитки нашего дома нас остановила соседка и сказала: «А ваша мама умерла». У нее на глазах показались слезы. Брат мой заплакал тоже и сказал мне, чтоб я шел домой. Я ничего не понял тогда, что такое случилось, но сердце мое содрогнулось и теперь часто вспоминаю я то кино «Золотой ключик», тот аленький цветок и соседку, которая сказала: «А ваша мама умерла...»

Чертополох и солнце

Шмуцтитул к разделу «Письма»

Полевые цветы

Поэт

ПИСЬМА НИКОЛАЯ РУБЦОВА К АЛЕКСАНДРУ ЯШИНУ

Дорогой Александр Яковлевич!

Студенты всех курсов института писали ректору, Ивану Николаевичу¹, обо мне. Просили восстановить. Ректор сказал, что всех их за это надо бы пропесочить! Он злой на меня. Сведения о моем проступке дошли до него в явно искаженном виде. Из искры раздули пламя (правда, искра была сильной).

Поэтому мне вряд ли стоит идти к нему. О чем с ним говорить? Жаловаться, что у меня нет ни специальности, ни дома (есть только любовь к одной избе и местности глубоко в Вологодской области, где прошло детство), нет ничего? Я не люблю жалобных слов.

Мне сказали, что исключил меня из института все-таки ректорат. Ни в каком секретариате такого приказа не было. Возможно, вполне возможно, были звонки из Союзного секретариата.

Когда В. Белов ругал меня на чем свет стоит, я хорошо понимал его. Более всего стыдно мне, Александр Яковлевич, перед Вами.

¹ Иван Николаевич Сергеев — ректор Литинститута в 60-х годах.

На озере

Каждый раздел книги заканчивается одной из таких графических работ.

Владислав Александрович Сергеев живёт на проспекте Луначарского, 10.

(Как просто проспект превращается в улицу! – Л.З.)

***

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

...Я буду скакать, не нарушив ночное дыхание
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивлённой старухе своей,
Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...

Н. Рубцов

«Я буду скакать по холмам...» 1975. Художник Владислав Сергеев

Содержание	
Предисловие	3
Адреса	
1. Железнодорожный вокзал	9
2. Рубцова Г.М. Ул. Вологодская, 1	11
3. Шведова (Рубцова) Г.М. Московский пр., 44, кв. 62	12
4. Коротаевы. Ул. Ленина, 167, кв. 16	32
5. Ганичев М.М. Ул. Юбилейная, 36	36
6. Лукоянова Т.А. Ул. Ломоносова, 20	46
7. Череповецкая телестудия. Ул. Ломоносова, 31	48
8. Ушанова О.И. Пр. Строителей, 3; Советский пр., 69	48
9. Череповецкий металлургический завод, сортопрокатный цех	50
10. Григорьев К.А. Ул. Горького, 71	50
11. Березина Г.М. Ул. Ленина, 131-Б, кв. 3	52
Пр. Победы, 49	
12. Маринов В. Ул. Ленина, 116	64
13. Козлов В. Ул. Горького, 22, кв. 74	65
14. Полунин И. Ул. Бардина, 31	66
15. Шарыпов В. Ул. Ломоносова, 19, комн. 17	67
16. Тарыничев Ю.Ф. Ул. Ломоносова, 40-А	68
17. Редакция газеты «Коммунист». Ул. Металлургов, 14-А	72
18. Минина Р.С. Ул. Милютина, 13	72
19. Минин В.Н. Ул. Милютина, 13.....	92
20. Кормановская А.П. Ул. Комсомольская, 37	98
21. Книжный магазин. Ул. Металлургов, 30	98
22. Степанова Л.П. Ул. Устюженская, 28	101
23. Редакция газеты «Сельская новь». Ул. Ленина, 46	101
24. Соколов Г.Д., представитель Вологодского обкома КПСС	106

25. Пристань	111
26. Череповецкий судоремонтно-судостроительный завод	111
27. Шаверин Н.И. Пр. Победы, 132	113
28. Марченко К.В. Ул. Милютина, 9	116
29. Гостиница «Ленинград». Бульвар Доменщиков, 36	120
30. Тихомиров А.А. Ул. Вологодская, 33	121
31. Беляев Л.А. Ул. Красноармейская, 100, кв. 56	129
(пр. Победы, 21)	
32. Беляева Л.С. Ул. Архангельская, 58	132
33. Дворец культуры строителей. Площадь Строителей, 1	135
34. Воробьёв И.К. Ул. Устюженская, 4, кв. 47	135
Северное шоссе, 31	
35. Силинская А.А. Ул. Мамлеева, 11	141
36. Буняк Е.П. Ул. Ленина, 143, кв. 44	146
37. Серков И.А. Пр. Луначарского, 56	154
38. Манжелей З.А. Ул. Сталеваров, 68	184
39. Рулёв-Хачатрян А.Х. Ул. Ленина, 129-А	188
40. Белуничев А.В. Пр. Победы, 64	191
41. Котов М.И. Ул. Командарма Белова, 47	195
42. Куваева В.Ф. Пр. Победы, 115	201
43. Грязев А.А. Ул. Мира, 3; ул. Красноармейская, 28, кв. 97	204
(пр. Победы, 69)	
44. Мальцев В.В. Северное шоссе, 31	209
45. Брагин А.Е. Ул. Вологодская, 30, кв. 12	214
46. Соколов Е.А. Ул. Ленина, 115, кв. 34	224
47. Сергеев В.А. Пр. Луначарского, 10	229

Путешествие
по череповецким адресам
поэта Николая Рубцова

Сборник адресов, фотодокументов, воспоминаний о поэте

Автор-составитель *Лелянова З.С.*
Компьютерный набор, макет *Лелянова З.С.*

На суперобложке портрет Н. Рубцова. Художник *Сергеев В.А.*

Тираж 1 экз.

Замечания о сборнике можно направлять по адресу:
162611 Вологодская обл., г. Череповец, ул. Парковая, 36-16, Леляновой З.С.
E-mail: lelyanovs@list.ru